

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)62+63.3(0)62
3-33

НОРНИКЕЛЬ

*Издание осуществлено в рамках проекта компании «Норникель»
«Читаем Север»*

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, д. и. н. В. В. Рогинский;
доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
к. и. н. Е. В. Корунова

*Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории РАН*

Редакционная коллегия:

А. А. Комаров (отв. редактор), Ю. Л. Михайлова,
Л. А. Садова, С. Г. Хольтсмарк

Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память. –
3-33 М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 207 с.

ISBN 978-5-8243-2390-0

Настоящий сборник является результатом международной научной конференции, состоявшейся в Москве 8–9 октября 2019 г., посвященной 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии (Восточного Финнмарка) и выхода Финляндии из войны. Ученые из России, Норвегии, Финляндии и Швеции рассмотрели проблемы дипломатической и военной подготовки этих событий, неизвестные сюжеты, касающиеся боевых действий, уделили внимание судьбам советских военнопленных, оказавшихся на территории Норвегии, повседневной жизни военного времени, а также вопросам историографии и исторической памяти.

Книга адресована профессиональным историкам и всем интересующимся историей Второй мировой войны.

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)62+63.3(0)62

ISBN 978-5-8243-2390-0

© Коллектив авторов, 2020

© Политическая энциклопедия, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (А. А. Комаров)	8
А. А. Комаров. Европейский Север в 1944–1945 гг.: война и дипломатия	12
К. Рентола. СССР и выход Финляндии из войны	25
В. С. Христофоров. Процесс заключения перемирия между СССР и Финляндией в 1944 г.: видимые и тайные рычаги влияния в документах российских архивов	37
Х. Мейнандер. Страхи, надежды и спешные меры предосторожности: стратегия Финляндии в ходе войны в Заполярье, 1944–1945 гг.	47
Ю. И. Мошник. «В направлении Петсамо». Действия III Армейского корпуса финских сил обороны в октябре 1944 г.	61
А. А. Чапенко. «Убьешь немца на Севере – легче станет твоим товарищам на Юге»: позиционная война на Мурманском направлении, 1941–1944 гг.	71
С. Г. Хольтсмарк. Норвежское правительство и освобождение Восточного Финнмарка советскими войсками в 1944 г.	81
Т. Кристиансен. Война и история на Севере: Петсамо-Киркенесская операция и освобождение Восточного Финнмарка Красной армией в западной историографии	92
А. И. Рупасов. Северный оборонительный район Северного флота в Петсамо-Киркенесской операции (март–октябрь 1944 г.)	102
Д. А. Журавлев. Лечебные учреждения Северного флота в 1944– 1945 гг.	111
С. Г. Веригин. Рейды партизан Карельского фронта в Заполярье (1942–1944)	123
С. Бунес. Абвер и операции советской разведки в Восточном Финнмарке: охота за «партизанами»	134

<i>К. Я. Коткин.</i> Долг, быт, подвиг, травма: полюсы воспоминаний партизан Заполярья периода Великой Отечественной войны . . .	143
<i>М. Н. Сулейм.</i> Советские военнопленные в Норвегии и Финляндии: жестокое обращение, смертность и «забытая память»	153
<i>М. М. Паникар.</i> Репатриация советских военнопленных из Норвегии (по воспоминаниям участников событий)	164
<i>П. А. Филин.</i> Северный морской путь в годы Великой Отечественной войны	173
<i>Л. Э. Мезит.</i> «Мы фронту честно помогли». Предприятия Енисейского Севера фронту, 1941–1944 гг.	185
<i>Е. А. Орехова.</i> Применение животных в частях Карельского фронта в 1941–1944 гг.	197
Сведения об авторах	207

CONTENTS

Introduction (<i>A. A. Komarov</i>)	8
<i>A. A. Komarov.</i> The European North in 1944–1945: War and Diplomacy	12
<i>K. Rentola.</i> The Soviet Union and Finland’s Withdrawal from the War.	25
<i>V. S. Khristoforov.</i> The Process of Concluding a Truce between the USSR and Finland in 1944: Open and Secret Levers of Influence in the Documents of the Russian Archives	37
<i>H. Meinander.</i> Fears, Hopes and Hasty Precautions. Finnish Strategies During the War in the Arctic, 1944–1945	47
<i>Yu. I. Moshnik.</i> «Towards Petsamo». Military actions of the III Finnish Army Corps in October 1944.	61
<i>A. A. Chapenko.</i> «Killing a German in the North, you’re helping your comrades in the South»: Positional War on the Litsa Front, 1941–1944.	71
<i>S. G. Holtsmark.</i> The Norwegian Government and the Soviet Liberation of Eastern Finnmark in 1944	81
<i>T. Kristiansen.</i> Carnage and History in the North: The Petsamo-Kirkenes Offensive and the Soviet Liberation of Eastern Finnmark in Western Historiography	92

<i>A. I. Rupasov.</i> The Northern Defensive Sector of the Soviet Northern Fleet in the Petsamo-Kirkenes Offensive (March–October 1944)	102
<i>D. A. Zhuravlev.</i> Hospitals of the Northern Fleet in 1944–1945.	111
<i>S. G. Verigin.</i> Raids of Partisans of the Karelian Front in the Arctic (1942–1944).	123
<i>S. Bones.</i> Abwehr and Soviet Intelligence Operations in Eastern Finnmark. Hunting Down the «Partisans»	134
<i>K. Ia. Kotkin.</i> Duty, Everyday Life, Feat and Trauma: Poles of Arctic Guerillas' Memoirs of the Great Patriotic War	143
<i>M. N. Soleim.</i> Soviet Prisoners of War in Norway and Finland – Treatment, Mortality and Forgotten Memories.	153
<i>M. M. Panikar.</i> Repatriation of Soviet Prisoners of War from Norway (Based on Participants' Memories).	164
<i>P. A. Filin.</i> The Northern Sea Route during the Great Patriotic War.	173
<i>L. E. Mezit.</i> «We helped the front honestly». The Yenissei North industries' contribution to the war effort, 1941–1944	185
<i>E. A. Orekhova.</i> The Use of Animals in Troops of the Karelian Front in 1941–1944	197
About the author	207

ВВЕДЕНИЕ

8–9 октября 2019 г. в Москве прошла Международная научная конференция «Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память». Она была организована в связи с 75-летней годовщиной двух значительных событий в истории Второй мировой войны, имевших место на Европейском Севере. 19 сентября 1944 г. завершился процесс выведения Финляндии из войны. Именно в этот день было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой. Вскоре после этого, а именно 7 октября 1944 г., началась Петсамо-Киркенесская наступательная операция. Она проводилась силами 14-й армии Карельского фронта при поддержке авиации 7-й воздушной армии и Северного флота. В результате этой операции, закончившейся 29 октября 1944 г., советские войска освободили от немецко-фашистских оккупантов Советское Заполярье и Северную Норвегию (Восточный Финнмарк).

Конференция «Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память» была организована Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Издательством «Политическая энциклопедия», Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) при поддержке компании «Норникель». В конференции приняли участие как зарубежные гости – историки из Норвегии, Финляндии и Швеции, так и российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Выборга, Красноярска, Мурманска и Петрозаводска. Участники конференции представили результаты своих новейших исследований, основанных на изучении архивных материалов и последних достижениях отечественной и зарубежной историографии.

В предлагаемом читателю сборнике публикуются научные статьи, подготовленные на основе докладов, зачитанных на конференции. Редколлегия сборника попыталась выстроить их по проблемно-хронологическому принципу. Значительное место в публикуемых статьях занимают вопросы дипломатической подготовки выведения Финляндии из Второй мировой войны. Эти вопросы в той или иной степени затрагиваются в статьях А. А. Комарова, К. Рентолы, В. С. Христофорова, Х. Мейнандера. Причем В. С. Христофоров, рас-

сматривая процесс заключения перемирия с Финляндией в 1944 г., широко привлекает документы не только из Архива внешней политики Российской Федерации, но и из Центрального архива ФСБ России.

Подписав 19 сентября 1944 г. Соглашение о перемирии, Финляндия вышла из Второй мировой войны, однако и после этого стране пришлось вести военные действия: на этот раз с войсками своего недавнего союзника – Германии. На территории Северной Финляндии располагалась мощная немецкая военная группировка и согласно условиям Соглашения на финские силы возлагалось обязательство по разоружению и интернированию немецких войск. Сюжету из истории Лапландской войны, начавшейся вследствие выполнения этого обязательства, посвящена статья Ю. И. Мошник.

Вскоре после заключения Соглашения о перемирии с Финляндией началась Петсамо-Киркенесская операция. Красная армия пересекла норвежскую границу 18 октября, а 25 октября был освобожден город-порт Киркенес. Вопросы дипломатической подготовки и осуществления освобождения Восточного Финнмарка затрагиваются в статьях А. А. Комарова и С. Г. Хольтсмарка. Авторы излагают историю подготовки и подписания 16 мая 1944 г. «Соглашения о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами», а также затрагивают вопрос о формировании норвежской воинской части, могущей принять участие в освобождении Норвегии совместно с частями Красной армии. Рассматривая эти сюжеты, авторы статей представляют взгляды, сформировавшиеся с разных сторон, давая тем самым возможность читателю составить более полную картину событий. В статье Т. Кристиансена рассматривается западная историография, посвященная темам, связанным с освобождением Восточного Финнмарка, а также поднимается вопрос о различиях в подходах между норвежскими историками и их зарубежными коллегами.

Статья А. А. Чапенко посвящена военным действиям на Мурманском направлении в 1941–1944 гг. Автор предпринимает попытку наметить ключевые аспекты позиционной войны от момента срыва замысла противника по захвату Мурманска в сентябре 1941 г. и до начала Петсамо-Киркенесской операции осенью 1944 г. А. И. Рупасов рассматривает планирование участия воинских частей Северного оборонительного района Северного флота в операциях Карельского фронта весной–осенью 1944 г. на фоне дипломатических контактов, посвященных выводу Финляндии из Второй мировой войны. В статье Д. А. Журавлева дается общая характеристика деятельности лечебных учреждений Северного флота в последний год Великой Отечественной войны, а также на основе архивных источников (истории болезни) рассказывается о лечении английских и американских военнослужащих и гражданских лиц в госпиталях

и лазаретах Северного флота. Важной исследовательской темой является история партизанской и разведывательной деятельности на Карельском фронте в регионе Заполярья и Восточном Финнмарке в годы войны. Аспектам этой темы посвящены статьи С. Г. Веригина, С. Бунеса и К. Я. Коткина.

Две статьи посвящены проблемам, связанным с судьбой советских военнопленных и угнанных из СССР гражданских лиц, которых на территории Норвегии в годы войны насчитывалось почти 100 тыс. В статье М. Сулейм рассматриваются вопросы, касающиеся обращения с советскими военнопленными в Норвегии и Финляндии. Статья М. М. Паникар посвящена процессу репатриации советских военнопленных из Норвегии после капитуляции Германии в мае 1945 г.

Война в Заполярье не ограничивалась только событиями, происходившими на Европейском Севере. Немцы проявляли активность и вдоль всего северного побережья СССР. Эти вопросы затрагиваются в статье П. А. Филина, посвященной военно-стратегической роли Северного морского пути в годы Второй мировой войны. В статье Л. Э. Мезит рассматривается роль Енисейского Севера в укреплении обороноспособности страны в годы войны. В работе над статьей автор опирался на архивные документы, в том числе документы личного происхождения. Завершает сборник статья Е. А. Ореховой о широком применении животных, в том числе оленей и служебных собак, в частях Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны, что было связано с особыми физико-географическими и климатическими условиями Заполярья.

Война это не только военные операции, боевые столкновения и рейды партизан, и это не только дипломатическая активность, направленная на урегулирование конфликтов. Это и повседневная жизнь военных и гражданского населения. Вопросы повседневности поднимаются в статьях К. Я. Коткина, Д. А. Журавлева, М. М. Паникар. Другой важной проблемой, которой касаются, наверное, все статьи, является проблема исторической памяти о войне. В связи с этим особо следует отметить статьи М. Н. Сулейм, Х. Мейнандера, С. Бунеса и К. Я. Коткина.

Публикуемые в сборнике статьи в своей совокупности дают общее представление о событиях на Европейском Севере в 1944–1945 гг.: выходе Финляндии из Второй мировой войны и изгнании немецко-фашистских оккупантов из Советского Заполярья и освобождении Восточного Финнмарка. Может статься, что картина событий не является исчерпывающей, но вряд ли это возможно сделать в одном небольшом сборнике. Однако читатель имеет возможность познакомиться с результатами работы наиболее известных современных отечественных и зарубежных ученых, ведущих исследования по указанной тематике. В некоторых статьях авторы в своих интерпретаци-

ях обращаются к одним и тем же фактам и событиям. Но в каждом изложении присутствует авторское видение и поэтому редколлегия полагает, что читатель сможет составить собственное представление о событиях того времени и найти ответы на возникающие вопросы. Важно также не упускать из виду, что все события, ставшие предметом рассмотрения авторов сборника, происходили на фоне и в контексте глобальных событий Второй мировой войны – Сталинградской битвы, высадки союзников в Нормандии, международных конференций Большой тройки.

События последних лет Второй мировой войны в Заполярье совершенно заслуженно всегда находились и находятся в фокусе внимания профессиональных историков и заинтересованной общественности. Вышло в свет большое количество публикаций на эту тему, как в нашей стране, так и за рубежом. И этот процесс продолжается и активизируется в связи с памятными датами, что находит свое подтверждение и в факте издания предлагаемого сборника.

75-летняя годовщина событий, ставших предметом обсуждения на конференции «Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память», отмечалась не только в России¹. В Киркенесе каждая круглая дата освобождения Восточного Финнмарка сопровождается большой конференцией и другими торжественными мероприятиями. Они приурочиваются к 25 октября – дню освобождения города Красной армией. И в этот самый день в норвежском Киркенесе также традиционно проходит встреча на высшем уровне российских и норвежских представителей².

Редколлегия выражает благодарность переводчику и историку М. Л. Коробочкину за перевод с английского на русский язык статей зарубежных авторов.

А. А. Комаров

¹ Организаторы вышеупомянутой московской конференции приняли также участие в подготовке и проведении Международного круглого стола «Битва за Север. 1944–1945 гг.» в Мурманске (18 октября 2019 г.). Материалы круглого стола выходят отдельным изданием в издательстве «Политическая энциклопедия». См. об этих двух мероприятиях обзорную статью: *Михайлова Ю. Л., Садова Л. А.* Битва за Север 1944–1945 гг. Международные научные конференции, приуроченные к 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии и выходу Финляндии из войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 11 (85) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840008130-2-1/> (дата обращения: 03.02.2020). DOI: 10.18254/S207987840008130-2

² См. подробно: Визит в Норвегию, Киркенес, 24–25 октября 2019 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/web/guest/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3866047 (дата обращения: 03.02.2020).

А. А. Комаров (Москва)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР В 1944–1945 гг.: ВОЙНА И ДИПЛОМАТИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются контакты советских, шведских, норвежских и финских дипломатов и политиков в рамках усилий, направленных на выведение Финляндии из Второй мировой войны, а также подготовка и осуществление освобождения Северной Норвегии (Восточного Финнмарка). В сентябре 1944 г. было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой. Вскоре после этого началась Петсамо-Киркенесская операция, в результате которой Красная армия освободила от немецко-фашистских оккупантов Советское Заполярье и Восточный Финнмарк. В ноябре 1944 г. в освобожденный советскими войсками Киркенес прибыли норвежский отряд и военная миссия. В конце сентября 1945 г. после десятимесячного пребывания все советские части были выведены с территории Северной Норвегии.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, Соглашение о перемирии 1944 г., Норвегия, советско-норвежское соглашение 16 мая 1944 г., Красная армия, Петсамо-Киркенесская операция, Восточный Финнмарк.

А. А. Komarov

THE EUROPEAN NORTH IN 1944–1945: WAR AND DIPLOMACY

Abstract: The article analyses the contacts between Soviet, Swedish, Norwegian and Finnish diplomats and politicians in the framework of efforts aimed at Finland's withdrawal from World War II. A related issue assessed is the preparation of the Soviet offensive and the liberation of Northern Norway (Eastern Finnmark). In September 1944 Finland signed the Armistice Agreement with the USSR and Britain. Soon after that the Petsamo-Kirkenes operation started, resulting in the Red Army's liberation of the Soviet High

North and Eastern Finnmark from German occupation. In November 1944 a Norwegian detachment and military mission arrived to the liberated city of Kirkenes. In late September 1945, after a ten-month presence, all Soviet forces were withdrawn from Northern Norway.

Key words: Finland, USSR, The Armistice Agreement 1944, Norway, Norwegian-Soviet Agreement 16 May 1944, Red Army, Petsamo-Kirkenes offensive, Eastern Finnmark.

Поражение немцев под Сталинградом в 1943 г. активизировало поиски путей выхода Финляндии из Второй мировой войны. Этот вопрос обсуждался как во время Московской конференции министров иностранных дел (19–30 октября 1943 г.)¹, так и на встрече Большой тройки в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). В результате бесед о Финляндии между И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом Большая тройка в целом одобрила условия, которые Советский Союз собирался предъявить Финляндии².

Контакты советского и финляндского правительств, осуществлявшиеся и ранее через Посольство СССР в Стокгольме, заметно оживились в феврале 1944 г. Посол Александра Михайловна Коллонтай 19 февраля во время встречи с тайно прибывшим в Швецию финским представителем Юхо Кусти Паасикиви передала советские условия перемирия: 1) разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск и кораблей в Финляндии, причем, если Финляндия сочтет эту последнюю задачу для себя непосильной, то Советский Союз был готов оказать ей необходимую помощь; 2) восстановление советско-финляндского договора 1940 г. и отвод финских войск к границе 1940 г.; 3) немедленное возвращение военнопленных и гражданского населения, содержащихся в концлагерях или используемых финнами на работах. Три вопроса было предложено оставить до переговоров в Москве: 1) о частичной или полной демобилизации финской армии; 2) о возмещении убытков; 3) о районе Петсамо³. Следует подчеркнуть, что все условия, предъ-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М.: Политиздат, 1984.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1984. С. 142–145.

³ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова посланнику СССР в Швеции А. М. Коллонтай // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 059. Оп. 12. П. 27. Д. 155. Л. 6–7.

являемые финской стороне, предварительно обсуждались с английскими дипломатами, поскольку Великобритания тоже находилась в состоянии войны с Финляндией¹.

В то же самое время находящееся в Лондоне норвежское эмигрантское правительство было весьма озабочено решением проблемы освобождения Норвегии от немецко-фашистских войск. Первоначально норвежское «лондонское правительство» рассчитывало, что в освобождении Норвегии от оккупантов примут участие ее западные союзники. Руководство эмигрантского правительства Норвегии и командование норвежских вооруженных соединений, подчинявшихся этому правительству, надеялось таким образом избежать возникновения ситуации, при которой советские войска пересекут границу Норвегии и окажутся на норвежской территории. Весной 1944 г. вопрос об освобождении норвежских территорий и в первую очередь Северной Норвегии для норвежского правительства обострился. Этому способствовала ставшая доступной информация о готовящихся советско-финляндских переговорах о выходе Финляндии из войны. Еще одним фактором стали все более усилившиеся сомнения норвежцев в том, что западные союзники приступят к выполнению какого-либо из обсуждавшихся планов по освобождению. Одним из таких планов, например, был план Уинстона Черчилля «Юпитер», предусматривающий вторжение в Норвегию с севера. Предполагалось, что таким способом произойдет создание, употребляя выражение Черчилля, – «второго фронта малых масштабов»². Черчилль так писал об этом: «Мы могли бы постепенно продвигаться на юг, свертывая сверху нацистскую карту Европы»³. Западными союзниками разрабатывались и другие планы по освобождению Норвегии, например, *Rankin B.* и *Rankin C.* Следует, однако, отметить, что ни об одном из упомянутых планов советское руководство в известность не ставилось.

Таким образом, все более возрастающая уверенность Норвежского правительства в Лондоне в том, что скорее всего Советский Союз

¹ Подробнее о ходе советско-финляндских переговоров в 1944 г. см.: *Комаров А. А.* Выход Финляндии из второй мировой войны: (По материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1995. С. 117–129; *Его же.* «Даем вам задачу вывести Финляндию из войны». А. М. Коллонтай и выход Финляндии из Второй мировой войны // Баренц-сборник. Региональное межвузовское научное издание. Выпуск № 1 (2) / отв. ред. В. А. Карелин. Мурманск, 2014. С. 92–96.

² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том IV. Поворот судьбы. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М., 1955. С. 349.

³ Там же. См. также: *Mann Christopher.* British Policy and Strategy towards Norway, 1941–45. Palgrave Macmillan, 2012. P. 76.

будет играть роль в процессе освобождении Норвегии, способствовала активизации дипломатических контактов с Советским Союзом. 8 марта 1944 г. по инициативе норвежской стороны состоялась встреча министра иностранных дел Норвегии Трюгве Ли с послом СССР при Союзных правительствах в Лондоне Виктором Захаровичем Лебедевым. В начале беседы Трюгве Ли поинтересовался, нет ли новых сведений о переговорах СССР и Финляндии. Услышав в ответ, что Лебедев ничего сверх того, что уже было опубликовано по этому вопросу в прессе, не знает, норвежский министр приступил к изложению «главного вопроса». Трюгве Ли сказал, что «в случае выхода Финляндии из войны, норвежское правительство намерено просить согласия Советского правительства на создание на территории Советского Союза норвежской воинской части»¹. Норвежское правительство желало, чтобы норвежская часть была бы послана на фронт против немцев на «северных участках, более близких к их родной земле»². В ходе этой встречи Трюгве Ли также обсудил с советским послом вопрос о подготовке соглашения о гражданской администрации и юрисдикции на освобожденных норвежских территориях. Проект соглашения уже обсуждался ранее норвежской стороной с английскими и американскими властями, о чем союзники своевременно информировали советское руководство³. Норвежское правительство хотело быть готовым ко всем непредвиденным и непредвиденным обстоятельствам и поэтому стремилось заключить соглашение с Москвой, которое бы регулировало отношения между командованием экспедиционных сил, могущих оказаться на территории Норвегии (в данном случае речь шла о Красной армии) и Правительством Норвегии. «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами»⁴ было подписано Трюгве Ли и Виктором Захаровичем Лебедевым

¹ Заявление норвежского Министра Иностранных Дел Ли Советскому Послу в Лондоне тов. Лебедеву 8 марта 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 63. Д. 149. Л. 1. Норвежский вариант записи беседы Т. Ли и В. З. Лебедева, состоявшейся 8 марта, опубликован в сборнике документов: Советско-норвежские отношения 1917–1955. С. 339–340.

² АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 63. Д. 149. Л. 1.

³ См. подробнее: *Holtsmark Sven G.* «Mellom russefrykt og brobygging: Sovjetunionen i norsk utenrikspolitikk 1940–1945». *Hovedoppgave i historie – Universitetet i Oslo*, 1988. S. 104–112.

⁴ См. текст соглашения: Советско-норвежские отношения 1917–1955: Сборник документов / редкол.: А. О. Чубарьян, У. Ристе, А. А. Комаров, И. В. Лебедев, С. Г. Хольтсмарк, М. Л. Коробочкин, В. В. Рогинский, О. Эгге. М., 1997. С. 344–347.

16 мая 1944 г. Одновременно такие же соглашения были подписаны с Великобританией и США. Трюгве Ли считал, что в основе этих соглашений лежали интересы Норвегии, и что ее суверенитет и целостность таким образом уважались как в теории, так и на практике¹. Напротив, министр-президент оккупированной Норвегии, коллаборационист Видкун Квислинг после подписания этого соглашения заявил, что «большевистское правительство... сможет потом потребовать оккупации Норвегии для дальнейших его планов большевизации Севера»².

Вернемся теперь к советско-финляндским отношениям. Первый раунд переговоров с делегацией Финляндии о выходе страны из войны состоялся в конце марта 1944 г. Переговоры, в ходе которых финской стороне были предложены условия, упомянутые выше, не привели к положительному результату. 19 апреля Александра Михайловна Коллонтай получила в Стокгольме следующий официальный ответ Правительства Финляндии: «Принятие этих предложений, которые отчасти не осуществимы по техническим причинам, в значительной степени ослабило бы и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может существовать как самостоятельное государство...»³. Вскоре Коллонтай сообщила финской стороне, что советское правительство принимает к сведению, что финляндское правительство в своем ответе отклонило советские условия перемирия как базу для переговоров и прекратило переговоры о перемирии⁴.

Западные союзники открыли долгожданный второй фронт 6 июня 1944 г. Три дня спустя – 9 июня 1944 г. началось крупное наступление советских войск на Карельском перешейке, а 21 июня – на свирско-петрозаводском направлении. Советские войска заняли всю западную часть Карельского перешейка и 20 июня взяли Выборг. Успешное проведение этой Выборгско-Петрозаводской операции изменило политическую обстановку внутри Финляндии: стремление к перемирию значительно возросло.

¹ Цит. по: *Mann Christopher. British Policy and Strategy towards Norway, 1941–1945. Palgrave Macmillan, 2012. P. 178.*

² Квислинговская пропаганда о договоре норвежского правительства с СССР, Великобританией и США об администрации в Норвегии после ее освобождения // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 26. П. 126. Д. 9. (Вопросы послевоенного устройства). Л. 70.

³ О советско-финских отношениях на пресс-конференции в Наркоминделе СССР // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 113.

⁴ Ответ правительства СССР на заявление правительства Финляндии. 22 апреля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. П. 52. Д. 710. Л. 9.

22 июня посол Финляндии в Швеции Георг Грипенберг обратился через министерство иностранных дел Швеции к советскому правительству с запросом относительно возможностей выхода Финляндии из войны. На следующий день, 23 июня, А. М. Коллонтай передала генеральному секретарю МИД Швеции Эрику Бухеману следующий ответ, поступивший из Москвы: «Мы уважаем Бухемана¹ и верим в его миротворческую миссию. Тем не менее, так как мы были несколько раз обмануты финнами, мы хотели бы получить от финского правительства официальное заявление за подписью премьер-министра или министра иностранных дел, что Финляндия капитулирует и просит мира у СССР. В случае получения нами от финского правительства такого документа, Москва будет согласна принять делегацию финского правительства»². Советское правительство ответа на свое заявление не получило. Премьер-министр Финляндии Эдвин Линкомиес расценил это заявление как требование безоговорочной капитуляции.

В тот же день, когда Грипенберг в Стокгольме проводил «мирный зондаж», а именно 22 июня, в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп. Главной целью его приезда было закрепление германо-финского сотрудничества. Миссия Риббентропа завершилась тем, что президент Ристо Рюти заключил «личный» пакт с Германией. В своем письме Гитлеру от 26 июня он, как президент Финляндии, принял на себя обязательство не подписывать мир с Советским Союзом и не позволять назначенному им правительству или кому-либо иному идти на переговоры о мире иначе как при согласовании его условий с Германией.

Этот шаг Рюти часто трактуется как следствие предъявленного советским правительством Финляндии требования о безоговорочной капитуляции. Действительно, слово «капитуляция» употреблено в советском заявлении от 23 июня, но ведь в случае предъявления требования о безоговорочной капитуляции не обязательно принимать делегацию для переговоров. 4 июля 1944 г. Паасикиви записал в своем дневнике: «Капитуляция “в принципе” ради престижа. “Свенска Дагбладет” считает, что русскому правительству следовало прояснить, что оно имеет в виду. С другой стороны, Хельсинки следовало бы выяснить намерения русских, а не пребывать в иллюзорной

¹ В оригинале документа написано «Бохеман». Эрик Бухеман (Erik Boheman) генеральный секретарь (kabinettsskreterare) МИД Швеции с 1938 по 1944 г.

² Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова посланнику СССР в Швеции А. М. Коллонтай // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 12. П. 27. Д. 155. Л. 42–43.

уверенности в том, что германская армия, которая сейчас отступает в Белоруссии, сможет совершить чудо на фронте под Выборгом»¹.

1 августа президент Рюти подал в отставку, а 4 августа в должность президента вступил К. Маннергейм. Это было сделано для того, чтобы освободить Финляндию от обязательств Рюти перед Германией, военно-политическое положение которой продолжало ухудшаться. 17 августа с визитом в Финляндию прибыл начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель. В ходе встречи с ним Маннергейм заявил о том, что настроение в Финляндии упало, народ хочет мира и стремится возможно скорее закончить войну. Маннергейм дал понять, что договор с Рюти не был ратифицирован парламентом и поэтому он не связан обязательствами, которые принял Рюти².

Неделю спустя после встречи с Кейтелем Финляндия наконец предприняла шаги, направленные на урегулирование отношений с Москвой. 25 августа Грипенберг передал А. М. Коллонтай заявление от имени нового министра иностранных дел Финляндии Карла Энкеля. В нем содержалась просьба принять финскую правительственную делегацию, чтобы договориться о перемирии или заключении мира.

29 августа в ответ на финские ноты Коллонтай сообщила Грипенбергу предварительное условие приема делегации. Финское правительство должно было публично заявить, что оно разрывает отношения с Германией, и предъявить Германии требование о выводе вооруженных сил из Финляндии. 2 сентября Грипенберг передал Коллонтай заявление от имени Маннергейма. Президент предлагал, чтобы Финляндия сама контролировала и проводила в жизнь добровольную эвакуацию или интернирование немецких войск в южной части страны. Советское правительство согласилось на это предложение. В ночь на 4 сентября финское правительство сделало сообщение по радио, в котором сообщило, что Финляндия приняла предварительное условие о разрыве отношений с Германией и о выводе германских войск из Финляндии. Одновременно с этим заявлением военное Главнокомандование Финляндии объявило о прекращении военных действий на всем участке расположения финских войск

¹ J. K. Paasikivis dagböcker. 1944–1956. Första delen. Vid Katastrofens rand. Söderströms, 1986. S. 20.

² См.: Из протокола допроса генерал-фельдмаршала Кейтеля Вильгельма // «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 654–655.

с 8 часов утра 4 сентября¹. Советское Верховное Командование в связи с «принятием Финским Правительством предварительного условия Советского Правительства» приказало прекратить военные действия на советско-финляндском фронте с 8 часов утра 5 сентября².

Для ведения переговоров о перемирии 7 сентября в Москву прибыла делегация Финляндии. 19 сентября было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой³. От имени советского и британского правительства его подписал генерал-полковник А. А. Жданов, будущий председатель Союзной Контрольной комиссии, создание которой предусматривалось Соглашением и деятельность которой прекратилась после подписания в феврале 1947 г. мирного договора.

После вывода Финляндии из Второй мировой войны возобновилась подготовка к разгрому немецких войск на Севере. 28 сентября 1944 г. командующий войсками Карельского фронта генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков направил Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину доклад о плане овладения районом Петсамо. В докладе сообщалось, что операцию планировалось провести в три этапа: первый этап – прорвать оборону противника; второй этап – овладеть районом Луостари, Петсамо; третий этап – полностью очистить от противника район Титовки и выйти на рубеж государственной границы на участке Вуореми (Ворьёма), Салмиярви⁴.

7 октября началась Петсамо-Киркенесская операция. 15 октября советские войска овладели районом Петсамо и Луостари. В тот же день командование Карельского фронта направило Верховному Главнокомандующему донесение о дальнейших боевых действиях

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. С. 184–185.

² Вот как командующий войсками Карельского фронта К. А. Мерецков объясняет то обстоятельство, что финские войска прекратили огонь 4 сентября, а советские 5 сентября: «Когда 4 сентября финляндские войска прекратили огонь, на ряде участков фронта появились их парламентары. ...Узнав об этом, я немедленно позвонил в Ставку, так как никаких указаний относительно перемирия пока не имел. Тотчас последовал ответ: “Финское правительство не приняло еще условий Советского Союза”. Но долго “маневрировать” Хельсинки не смогли. 5 сентября пришел приказ из Ставки, в котором говорилось, что финляндское правительство предложило заключить с нами соглашение» (*Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1969. С. 340).

³ См. текст Соглашения в: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. С. 214–229.

⁴ Доклад командующего войсками Карельского фронта № 00123/44/оп Верховному Главнокомандующему плана овладения районом Петсамо // Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 300–302.

14-й Армии. В донесении содержался следующий запрос: «Так как дорога на Сальмиярви, Наутси идет возле норвежской границы и с территории Норвегии может держаться под огнем, прошу для обеспечения дороги разрешить переходить границу с Норвегией»¹. Позднее Кирилл Афанасьевич Мерецков так писал об этом в своих воспоминаниях: «Я ожидал наряду с согласием услышать еще всевозможные указания относительно политической линии поведения войск. Ответ Верховного Главнокомандующего на заданный вопрос оказался весьма кратким: “Это было бы хорошо!” Так начались операции в Норвегии»². 16 октября Ставка официально утвердила тактику командования Карельского фронта.

17 октября состоялась встреча посла Норвегии в СССР Рольфа Андворда с замнаркома по иностранным делам Владимиром Георгиевичем Деканозовым. Для норвежского посла важным было получить ответы на следующие вопросы: 1) Желает ли Советское Правительство, ...чтобы норвежские военные части были направлены теперь через Финляндию для окончательной организации их участия в операциях против немцев, когда последние окажутся оттесненными в Северную Норвегию? 2) Желает ли Советское Правительство... чтобы норвежские полицейские силы были передислоцированы из Швеции в Финляндию для вытеснения немцев из этой страны? 3) Желает ли Советское Правительство, чтобы военная миссия, о которой шла речь в майском соглашении, была теперь послана в Советский Союз?

Андворд обратился к Деканозову с просьбой «хотя бы на 5 минут повидать Молотова и узнать его мнение» по поводу поднятых в записке вопросов. Настойчивость Андворда была связана с тем обстоятельством, что он 19 октября должен был вылететь в Лондон и сообщить своему правительству «принципиальный ответ Советского Правительства»³. Деканозов обещал Андворду довести содержание разговора и Памятной записки до сведения советского правительства.

Вечером следующего дня, 18 октября, Вячеслав Михайлович Молотов принял Андворда. Нарком начал беседу с сообщения о том, что советское правительство согласно со всеми пунктами, пред-

¹ Донесение командования Карельского фронта Верховному Главнокомандующему о дальнейших боевых действиях 14-й армии // Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М.: ТЕРРА, 2000. С. 574.

² Мерецков К. А. На службе народу. М., 1969. С. 355.

³ Советско-норвежские отношения 1917–1955. С. 351–352.

ложенными норвежским правительством и касающимися участия норвежских военных сил в операциях против немцев в Финляндии, а также посылки в СССР норвежской военной миссии¹. Во время встречи с Молотовым норвежский посол задал вопрос, распространяется ли согласие советского правительства на пункт, изложенный Деканозову устно, о возможности обращения норвежцев к англичанам и американцам с просьбой помочь в переброске норвежских войск из Англии на север СССР или в занятые советскими войсками северные районы Финляндии. Подтвердив согласие советского правительства и по этому пункту, Молотов сказал так: «...СССР и Норвегия имеют общую задачу в борьбе против гитлеровской Германии и... Советский Союз окажет Норвегии политическую и военную помощь в выполнении этой задачи»². Далее Андворд поинтересовался, будут ли советские войска преследовать немцев на норвежской территории после достижения ими норвежской границы и получил утвердительный ответ Молотова.

Государственная граница Норвегии была пересечена, именно в тот самый день, когда и проходила вышеупомянутая беседа Молотова и Андворда, то есть 18 октября. Норвежская сторона узнала об этом событии 25 октября, то есть в день освобождения Киркенеса. Временный поверенный в делах Норвегии в СССР Э. Круг-Хансен в письме, направленном 26 октября В. М. Молотову, написал: «Мне хотелось бы выразить Вашему Превосходительству, с каким глубоким волнением я узнал вчера через салют об освобождении первой части моей родины – города Киркенеса и его района от фашистского ига. В этот потрясающий момент мне хотелось бы также просить Ваше Превосходительство передать сражающимся на Севере солдатам и офицерам доблестной Красной Армии глубокую благодарность их норвежских товарищей, гордящихся тем братством по оружию, которое начнется теперь между ними и героическими советскими воинами в борьбе против общего врага»³.

Днем завершения Петсамо-Киркенесской операции считается 29 октября 1944 г. Норвежский военный отряд и военная миссия не успели прибыть в Восточный Финнмарк до его освобождения Красной армией. Они прибыли в Киркенес 10 ноября 1944 г. Норвежский контингент, которым руководил полковник

¹ АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 63. Д. 151. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 533. Л. 14. На следующий день, 27 октября, текст письма Э. Круг-Хансена был доведен до сведения Сталина, Ворошилова, Микояна, Берии, Маленкова.

Арне Дагфин Даль, насчитывал в общей сложности 282 человека, из них 231 рядовой и 51 офицер¹.

6 ноября 1944 г. на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, посвященном 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, выступил председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин. В своем докладе он подчеркнул, что изгнание немцев из пределов советской земли в отчетном году было предпринято рядом сокрушительных ударов наших войск по германским войскам. В качестве десятого удара он назвал Петсамо-Киркенесскую операцию. Вот как это прозвучало на торжественном заседании: «Наконец, в конце октября этого года был осуществлен удар по немецким войскам в Северной Финляндии, когда немецкие войска были вышиблены из района Печенга и наши войска, преследуя немцев, вступили в пределы союзной нам Норвегии»².

7 ноября в Москву с официальным визитом из Лондона прибыла норвежская делегация во главе с министром иностранных дел Т. Ли. Его сопровождал Р. Андворд, министр юстиции Терье Вольд и другие³. В тот же день Молотов принял Ли и Андворда. В начале беседы с советским наркомом Ли от имени норвежского правительства поблагодарил за освобождение части Норвегии советскими войсками. В ответ на это Молотов сказал: «Дело за норвежцами – завершить освобождение Норвегии, начало уже положено»⁴.

10 ноября в честь норвежского гостя нарком Молотов устроил завтрак. Руководитель советской внешней политики на этом завтраке произнес тост за дружбу между Норвегией и Советским Союзом. Молотов сказал: «Наши страны теперь стали соседями, поскольку они снова имеют общую границу. Это обстоятельство еще больше

¹ Донесение начальника штаба Карельского фронта начальнику ГШ КА от 10 ноября 1944 г. об организации приема и переброске в Киркенес прибывших из Англии Норвежской военной миссии и отряда. Передано шифром (Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 190. Л. 499) // Российское историческое общество. Архивные документы об освобождении Европы от фашистских захватчиков. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/arkhivnye-dokumenty-ob-osvobozhdenii-evropy-ot-fashistskikh-zakhvatchikov/donesenie-nachalnika-shtaba-karelskogo-fronta-nachalniku-gsh-ka-ot-10-noyabrya-1944-goda-ob-organizatsii-priema-i-perebroske-v-kirkenes-pribyvshikh-iz-anglii-norvezhskoj-voennoj-missii-i-otryada-peredano-shifrom.html> (дата обращения: 25.01.2020).

² Правда. 7 ноября 1944 г. С. 1.

³ Правда. 8 ноября 1944 г. С. 4.

⁴ Из дневника Молотова. Прием норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли 7 ноября 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 536. Л. 2.

сблизит наши страны и правительства»¹. В ответном выступлении норвежский министр отметил, что «героическая Красная Армия и Красный Флот под руководством мудрого вождя – Маршала Сталина, в сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки и Великобританией, спасли цивилизованный мир»². Далее он выразил надежду, что «в сотрудничестве между нашими странами при самых благоприятных предзнаменованиях открывается новая страница»³.

12 ноября Ли отбыл из Москвы в Лондон, а министр юстиции Вольд из Москвы направился в Восточный Финнмарк в качестве представителя норвежского правительства для сбора информации о положении в освобожденных районах. По результатам этой поездки им был подготовлен отчет, который вместе с сопроводительным письмом Р. Андворда был направлен В. Г. Деканозову⁴. По мнению Вольда поездка была «прекрасно организована»⁵. Вольд в отчете констатировал, что небольшая часть норвежских войск, находящаяся в настоящее время в Финнмарке, прибыла, к сожалению, уже после начала освобождения и не могла принять в нем участие. Он подчеркнул, что советское командование строго ограничило действия подчиненных ему войск исключительно военной областью и местные норвежские власти наилучшим образом отзываются о советских войсках⁶. В сопроводительном письме Андворда к цитируемому отчету сообщалось, что «гражданское население освобожденных районов Северной Норвегии находится, вследствие произведенных немцами разрушений, в отчаянном положении». В связи с этим Андворд обратился к советскому правительству с просьбой об оказании «незамедлительной помощи» продовольствием и строительными материалами⁷. Можно найти немало свидетельств о помощи, оказанной советской стороной норвежцам⁸.

Норвежские опасения, что советские войска, придя на норвежскую землю, останутся там надолго, оказались напрасными. 11 сентября 1945 г. заместитель народного комиссара иностранных дел

¹ Правда. 11 ноября 1944 г. С. 4.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 538. Л. 8–9.

³ Там же.

⁴ Министр юстиции Норвегии Терье Вольд о своем посещении освобожденных районов Норвегии // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 534. Л. 10–15.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 13–14.

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 534. Л. 8.

⁸ См., например: *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб.: Издательство «Европейский дом», 1995.

СССР А. Я. Вышинский пригласил к себе Эрнеста Круг-Хансена. Андрей Януарьевич сообщил норвежскому дипломату о приказе Правительства СССР Генеральному штабу вывести Красную армию с норвежской территории. Эрнест Круг-Хансен отметил в своей записи этой беседы, что это сообщение «явно доставило радость» Вышинскому. Сказав в ответ, что ему будет «приятно передать это сообщение» в Норвегию, Эрнест Круг-Хансен затронул вопрос об урегулировании отношений в пограничной зоне¹. В советской записи той же беседы дополнительно сообщается, что норвежский советник также отметил, «что его соотечественники будут опечалены этим решением (о выведении Красной армии. – А. К.), так как успели сдружиться с русскими солдатами и офицерами»². В конце сентября 1945 г., после 10-месячного пребывания, все советские части были выведены из Северной Норвегии. 17 октября премьер-министр Эйнар Герхардсен направил на имя И. В. Сталина благодарственную телеграмму, в которой высказал «самые теплые поздравления Норвежского правительства и его благодарность за неоценимое содействие Красной Армии в освобождении Норвегии от немецкого ига»³.

¹ Запись беседы советника посольства Норвегии в СССР Э. Круг-Хансена с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским о выводе советских войск из Норвегии. 12 сентября 1945 г. // Советско-норвежские отношения 1917–1955. С. 392.

² Из дневника А. Я. Вышинского. 13 сентября 1945 г. Прием поверенного в делах Норвегии Круг-Хансена. 11 сентября 1945 г. // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 12.

³ Телеграмма Э. Герхардсена И. В. Сталину в связи с выводом советских войск из Норвегии // Советско-норвежские отношения 1917–1955. С. 393.

К. Рентола (Хельсинки)

СССР И ВЫХОД ФИНЛЯНДИИ ИЗ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматривается период с декабря 1943 г., когда Сталин на Тегеранской конференции Большой тройки впервые изложил союзникам советские условия мира с Финляндией, до сентября 1944 г., когда в Москве было подписано Соглашение о перемирии между двумя странами, в Хельсинки прибыла Союзная контрольная комиссия, и Финляндия начала боевые действия против немецких войск на севере страны. Основное внимание автор уделяет представлениям и целям советской стороны. Хотя «тегеранские» условия и положения мирного соглашения были весьма схожи, в рассматриваемый период политика СССР в отношении Финляндии прошла через несколько этапов, и в некоторых случаях требования Сталина существенно ужесточались, включая даже безоговорочную капитуляцию – пусть и на короткий период. Финляндии, однако, удалось выйти из войны, избежав крушения государственного строя и оккупации: основные причины этого связаны с географией – в частности, ее соседством со Швецией, фактором времени и характером финляндского общества. В статье также дается краткий анализ последствий, к которым привели особенности выхода Финляндии из войны. Исследование основывается в основном на документах советского внешнеполитического ведомства (и, в некоторой степени, разведки), а также материалах из архивного фонда А. А. Жданова.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, 1944 год, мир, И. В. Сталин.

K. Rentola

THE SOVIET UNION AND FINLAND'S WITHDRAWAL FROM THE WAR

Abstract: The article deals with the period from December 1943, when Stalin in the 'big three' conference in Teheran first presented the Soviet conditions for peace with Finland, to September 1944, when interim peace

treaty was signed in Moscow between the two countries the Allied Control Commission arrived to Helsinki, and Finland began warfare against the Germans in the north. The main focus is on the Soviet attitudes and goals. Although the Teheran conditions and the final peace were rather close to each other, it turns out that there were various stages in the Soviet policy and on some occasions Stalin wanted much more, even unconditional surrender for a brief period of time. However, Finland was able to survive without collapse and occupation; the main reasons for this are seen in geography – in particular the existence of Sweden – in timing, and in the nature of society. Consequences of the way war ended are shortly analyzed. The article is mainly based on Soviet diplomatic (and some intelligence) documents and on Zhdanov's papers.

Key words: Finland, the Soviet Union, 1944, peace, Stalin.

1

После Сталинградской битвы стало ясно: Финляндия оказалась на той стороне, что проигрывает войну, поэтому ей необходимо избавиться от союза с Германией и выйти из конфликта. Однако на этом пути ее ждали серьезнейшие препятствия. Во-первых, все еще сильная Германия контролировала весь Прибалтийский регион, имела мощную военную группировку в Северной Финляндии и была в состоянии не допустить «измены», как несомненно расценил бы такой шаг Гитлер. Во-вторых, СССР хотел как минимум восстановить границы 1940 г. В 1941 г. Финляндия без особых колебаний присоединилась к германской агрессии против Советского Союза, рассчитывая вернуть территории, утраченные в результате Зимней войны, и два года спустя финляндское общество, да и большинство в политическом руководстве страны, по-прежнему надеялись сохранить за собой хотя бы Виипури (Выборг)¹.

1 декабря 1943 г., на Тегеранской конференции Большой тройки, Сталин отказался от требования о безоговорочной капитуляции Финляндии. Это изменение позиции объясняется двумя главными причинами. В Москве не забыли опыта Зимней войны и понимали, что полное подчинение Финляндии потребует значительных усилий и вызовет крайне негативную реакцию Швеции, куда в этом случае хлынет волна беженцев. Кроме того, по данным разведки, маршал Маннергейм и ряд других представителей финляндской политической элиты были готовы покинуть германский лагерь и заклю-

¹ Подробнее см.: *Рентола К.* Сталин и судьба Финляндии. М., 2019. С. 65–131.

чить мир, если его условия будут достойными¹. Советская сторона (от имени самого Сталина) пообещала: если Маннергейм выведет Финляндию из войны, его не тронут².

«Верховный» изложил своим западным союзникам советские условия, главным из которых был возврат к границам 1940 г. за одним исключением: Москва требовала присоединения района Петсамо на севере Финляндии, с его богатыми месторождениями никеля. В ходе Зимней войны Красная армия заняла эту территорию, но она не была аннексирована, поскольку никелевые рудники принадлежали канадской компании, а Сталин не мог позволить себе разозлить Британию. Но уже в период оккупации Петсамо в 1940 г. советские специалисты тщательно обследовали рудники на предмет их будущей эксплуатации³. Теперь их время пришло. Когда британцы запросили компенсацию за потерю рудников, Москва сначала посоветовала компании получить ее с финнов, но в конце концов согласилась передать ей определенную сумму из репараций, которые Финляндия выплачивала СССР. Геополитическое значение утраты Петсамо сохраняется и сегодня, поскольку в результате Финляндия лишилась выхода в Северный Ледовитый океан.

2

В январе 1944 г. ситуация на фронтах изменилась: советские войска прорвали блокаду Ленинграда и вышли к реке Нарве. Финляндия оказалась в уязвимом положении; согласно донесениям британской разведки, прорыв блокады произвел в Хельсинки «необычайное впечатление»⁴. С помощью шведов (МИДа и банкира Маркуса Валленберга) был установлен контакт между Хельсинки и Москвой, и советская сторона изложила спецпредставителю Ю. К. Паасикиви свои условия (в целом одобренные западными союзниками) – сначала в Стокгольме, а затем в Москве устами самого Молотова. Советский предсовнаркома при этом посетовал, что в международ-

¹ В. Меркулов – ГКО (Сталину, Молотову, Берия). Донесение НКГБ № 2864/М, 12 ноября 1943 г. Опубликовано в: *Христофоров В. С.* СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М., 2018. С. 322–323.

² *Boheman E.* På vakt. Stockholm, 1964. P. 248–251. И это обещание было выполнено. По требованию СССР руководители Финляндии в военные годы (Рюти, Таннер и другие) в ходе процесса над «виновниками войны» в феврале 1946 г. получили тюремные сроки, но Маннергейма среди подсудимых не было.

³ *Rowe L.* Pechenganikel. PhD-thesis. University of Oslo, 2013. P. 50–59.

⁴ Донесение разведки № 22, полученное Управлением специальных операций (SOE) 1 марта 1944 г. Отправлено из Хельсинки 7 февраля 1944 г. // The National Archives (далее – TNA), London / Kew. HS 2/125.

ных делах финны всегда прикрываются своей «наивностью», но «если бы все наши соседи были такими “наивными”, нам бы вообще жизни не было»¹.

В итоге финляндский Сейм отверг предложенные условия – парламентарии не хотели лишиться Выборга, опасались контрмер со стороны немцев и не желали отдавать страну на милость Москвы, боясь, что та выдвинет новые требования и оккупирует Финляндию. Нам не известно, располагала ли советская сторона информацией о тайных планах британцев развернуть ограниченную «партизанскую войну» в Финляндии: «перерезать глотки стольким немцам, скольким получится» и всячески тревожить вражескую группировку в Северной Финляндии и Норвегии. Командование над будущими лапландскими головорезами планировалось поручить бывшему военному атташе в Хельсинки Джеймсу Мэгилю по прозвищу «ищейка»: «именно такой забияка» требовался для подобной операции². Если бы до Москвы дошла информация об этих планах, там наверняка отнеслись бы к ним отрицательно и с подозрением.

Один многоопытный британский дипломат отметил в своем дневнике: финны поступили «глупо», отвергнув советские условия, пусть даже никто не может быть уверен, что «дядюшка Джо будет их придерживаться»³. Действительно, в дополнение к семи пунктам, представленным финнам и британцам, в Москве подготовили новые условия, чтобы предъявить их, если Финляндия порвет с Германией и начнет переговоры всерьез: создание советских военно-морских баз в Свеаборге (Хельсинки) и на Аландских островах, право использования финских железных дорог и «исправление» границы за счет аннексии района Лапеенранты-Иматры (на самом деле в результате граница бы не «исправилась», а, наоборот, изогнулась)⁴. Позднее пункт о базе на Аландах был исключен, чтобы не пугать шведов: вместо него появилось требование о предоставлении под крупную военную базу полуострова Порккала к западу от Хельсинки. Одним

¹ Запись второй беседы Молотова с делегацией Финляндии 29 марта 1944 г., 16.00 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558 (фонд Сталина). Оп. 11. Д. 389. Л. 9–21.

² Меморандум SOE «Предложения об операции в Финляндии» (Suggested Mission in Finland), б/д, сопроводительная записка: by A/CD to D/S, 24 февраля 1944 г.; ADP to A/CD, 7 марта 1944 г. // TNA HS 2/125.

³ Из дневника А. Кадогана, 10 марта 1944 г. // *Cadogan A. The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945* / ed. by D. Dilks. L., 1971.

⁴ «Сравнительная таблица условий перемирия с Финляндией», б/д, начало апреля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 67. Д. 67. Л. 36–39. Проект договора на основе этих условий см. в том же деле. Л. 40–43.

словом, если бы финны попытались заключить мир в марте, им пришлось бы проглотить не одну горькую пилюлю.

3

После срыва мирных переговоров советское командование приступило к планированию генерального наступления – не против немцев на Севере (как предполагалось раньше), а против финских войск. В результате создавалась угроза для фланга немецкой группировки, и советским войскам открылся бы путь к «нервным узлам» страны. «Финны теперь уже не те, что ранее – заметил Сталин. – Они подорваны во всех отношениях и ищут мира»¹. Новые попытки зондажа со стороны финнов были отвергнуты: Молотов приказал посольству в Стокгольме «не иметь дела» с правительством Финляндии². Кроме того, в качестве отвлекающего маневра распространялись слухи, что СССР еще может пойти на смягчение условий мира. И наконец Молотов призвал союзников снова включить Финляндию в список государств, от которых следует добиваться безоговорочной капитуляции.

В то же время в Москве отметили серьезный рост интереса к Финляндии со стороны американцев, хотя США не были с ней в состоянии войны. Советским разведчикам в Вашингтоне удалось добыть документы межведомственного комитета США об «обращении» с Финляндией. Там отмечалось, что сохранение демократии и основ социально-экономического устройства в этой стране отвечает ключевым интересам Америки³. Это усилившееся внимание стало для Москвы неприятным сюрпризом. Мало того, 7 июня посланник Аверелл Гарриман «неожиданно» осведомился у замнаркома иностранных дел А. Я. Вышинского относительно новостей из Финляндии⁴. Это ошарашило советское руководство: ведь буквально через два дня должно было начаться масштабное наступление на Карельском перешейке. А когда наступление уже шло

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Ч. 2. М., 1973. С. 379–386.

² Телеграмма Молотова Коллонтай, 20 мая 1944 г. Цит. по: Христофоров В. С. Финляндия должна добиться мира, но сохранить независимость // Великая Отечественная война: 1944 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2014. С. 154.

³ «Обращение с Финляндией», перевод, поступил в НКВД 12 июня 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 67. Д. 67. Л. 52–69; Оригинал – межведомственный меморандум, 10 мая 1944 г., № САС-141b / PWC-161 // US National Archives, RG 59 (State Dept), Harry A. Notter Files.

⁴ Запись беседы Вышинского с Гарриманом 7 июня 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 28. П. 155. Д. 2. Л. 1.

полным ходом, Гарриман сообщил своим московским визави, что президент Рузвельт решил отказаться от употребления понятия «безоговорочная капитуляция» в пропаганде, направленной на союзников Германии¹. Возросший интерес американцев несомненно стал фактором, побудившим советское руководство «разобраться» с Финляндией поскорее.

На фоне успешного июньского наступления советских войск в Москву из Стокгольма поступило несколько донесений, где говорилось, что в Хельсинки воцарилась сумятица. По словам шведских дипломатов, руководство Финляндии «морально сломлено», и теперь возможна даже «капитуляция». 22 июня, через два дня после падения Выборга, шведы передали Коллонтай, что новое финляндское правительство готово просить мира «на любых условиях». Впрочем, из Хельсинки была передана иная формулировка, да и новое правительство еще не было сформировано. Ответ из Москвы пришел на следующий день (его оригинал Молотов лично написал от руки): требуется официальное послание от правительства, что Финляндия «капитулирует и просит мира»². Очевидно, Сталин, оценив ситуацию, пришел к выводу: в Хельсинки царит такое смятение, что финнов можно запугиванием принудить к капитуляции. Из Комиссии по вопросам перемирия (так называемой «Комиссии Ворошилова») в НКВД поступил документ об условиях безоговорочной капитуляции Финляндии из 56 пунктов, подготовленный еще в октябре 1943 г.³

Руководство Финляндии не дало никакого ответа на советское требование о капитуляции. Напротив, президент Р. Рюти передал германскому министру иностранных дел Риббентропу послание, адресованное Гитлеру, где подтвердил, что ни одно назначенное им правительство не подпишет мирного соглашения без согласия Германии. Это было первое официальное соглашение о военном союзе между Германией и Финляндией, хотя фактический альянс

¹ Запись беседы Вышинского с Гарриманом 19 июня 1944 г., № 509-В, 20 июня 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 28. П. 155. Д. 5. Л. 5–6; Донесение Гарримана в Госдепартамент, 20 июня 1944 г. // *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers: 1944*. Washington, 1966. Vol. I: General / ed. by E. R. Perkins and S. Gleason (далее – FRUS), 1944, I. P. 609–610.

² Телеграммы Коллонтай Молотову № 1984 от 20 июня 1944 г. и № 2010 от 22 июня 1944 г.; Телеграмма Молотова в Стокгольм № 7556 от 23 июня 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 67. Д. 67.

³ «Документ о безоговорочной капитуляции Финляндии», направлен секретарем Комиссии Ворошилова С. Т. Базаровым в секретариат Вышинского М. Г. Грибанову, № КВ-264с, 26 июня 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 28. П. 155. Д. 8. Л. 8–20.

между ними существовал уже более трех лет, но оно не было оформлено в строгом соответствии с законом, поскольку документ не направлялся в Сейм для утверждения. После этого от Германии начала поступать эффективная военная помощь, и сопротивление финнов, оправившихся от первоначального замешательства, резко усилилось. Чтобы прорвать их оборону, советским войскам требовалось подкрепление, но западные союзники уже быстро продвигались вперед во Франции, и дополнительные части были нужны советскому командованию, чтобы выиграть «гонку за Берлин». К счастью для Финляндии, через нее советские танки не могли достичь Германии. Ситуация на советско-финляндском фронте стабилизировалась.

4

Сталин понял, что совершил ошибку. В марте, при обсуждении вопроса о Венгрии, советская сторона заявила британцам, что требование о безоговорочной капитуляции может обернуться контрпродуктивными последствиями – не оторвать малые страны-сателлиты от Германии, а лишь укрепить их отношения¹. Теперь действия самой Москвы привели именно к такому результату. Поэтому она вернулась на прежние позиции – к готовности обсуждать условия мира. 3 июля «Правда» сообщила читателям, что разговоры о безоговорочной капитуляции – это немецкий пропагандистский трюк. НКВД после нескольких месяцев проволочек подготовил ответ на британские предложения об условиях мира с Финляндией. С точки зрения будущего Финляндии самым важным стало обещание СССР взимать львиную долю репараций продукцией финской металлургической промышленности, чтобы Британия могла по-прежнему покупать у финнов лес и бумагу². В послевоенные годы это дало Финляндии возможность зарабатывать твердую иностранную валюту.

Тем временем в Стокгольме Коллонтай 13 июля предприняла новый зондаж. Советское руководство не желало иметь дело с каким-либо эмигрантским правительством: мир следовало заключать с К. Г. Маннергеймом – это давало гарантии, что финские военные подчинятся его условиям, и такую схему Москва готова была при-

¹ Меморандум советского правительства А. К. Керру, 29 марта 1944 г. Цит. по телеграмме посольства США в Москве в Госдепартамент, 31 марта 1944 г. // FRUS. 1944. Vol. I. P. 588.

² К. Новиков и П. Орлов – Вышинскому и Деканозову, 10 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 67. Д. 67. Л. 78–84.

менить даже в отношении венгерского диктатора Хорти¹. В результате в Хельсинки Рюти подал в отставку, чтобы избавить страну от обязательств перед Германией, которые он лично взял на себя пятью неделями раньше, и Сейм избрал президентом Маннергейма.

В Москве Комиссия Ворошилова разработала еще один проект мирного соглашения (от 21 июля 1944 г.), весьма напоминавший «Документ о безоговорочной капитуляции». Главное новшество касалось предлагаемой границы. Если после Зимней войны граница между двумя странами была определена примерно по линии 1721 г., продиктованной Петром I по итогам Северной войны, то теперь комиссия предлагала провести ее по реке Кюмийоки и озеру Сайма, то есть приблизительно по линии 1743 г. (установленной после русско-шведской войны 1741–1743 гг.)².

Сталин, однако, это предложение не утвердил, ограничившись условиями, согласованными в Тегеране. Чем объяснялась такая умеренность? Главной причиной несомненно была «гонка за Берлин». Но возможно, здесь действовал и еще один фактор: наступление Красной армии придало еще большую актуальность так называемому польскому вопросу. Сталину нужно было сформировать просоветское временное правительство Польши и не допустить прихода к власти в этой стране после отступления немцев националистических и правых сил. С началом Варшавского восстания 1 августа 1944 г. эта проблема стала особенно насущной. Польский вопрос осложнял отношения СССР с союзниками, которые теперь рассматривали его как «громилу на мировой арене», не желающего считаться с интересами Запада³. В этой ситуации Сталину надо было продемонстрировать западным союзникам свою сдержанность и способность идти на уступки хотя бы по другим вопросам, и Финляндия для этого вполне подходила. О том, что в тот момент Сталин рассматривал Финляндию и Польшу «в связке», свидетельствует его ремарка британскому министру иностранных дел А. Идену по итогам двух встреч с С. Миколайчиком на начальном этапе Варшавского восстания. Сталин заметил: глава Лондонского польского прави-

¹ В декабре 1944 г. Сталин заметил: «Мы бы одобрили Хорти, да немцы его захватили». Записи Эрнэ Герё, цит. по: *Roman E. Hungary and the Victor Powers, 1945–1950. L., 1996. P. 21.*

² Ворошилов – Молотову, № KB-302с, 22 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 67. Д. 67. Л. 86–96.

³ По мнению посла Аверелла Гарримана, такая ситуация создалась в июле 1944 г. Гарриман – Гопкинсу, 10 сентября 1944 г., цит. по: *Logevall F. Embers of War. N. Y., 2012. P. 57–58.*

тельства в изгнании настолько упрям, что он, должно быть, происходит из финнов¹.

Маннергейм, в свою очередь, не торопился: он отправил Гитлеру любезное прощальное письмо и постарался максимально упорядочить выход Финляндии из войны. Швеции был направлен запрос относительно финансовой и продовольственной помощи. Кроме того, предвидя столкновения с немецкими войсками на севере, Хельсинки попросил об эвакуации гражданского населения Лапландии на шведскую территорию. Стокгольм без промедления ответил согласием. Боевые действия между СССР и Финляндией прекратились 4 сентября, а 19 сентября 1944 г. стороны подписали в Москве предварительный мирный договор – Соглашение о перемирии. По сравнению с условиями, предъявленными в марте, в нем фигурировали два важных новых пункта: создание большой советской военно-морской базы в Порккала, «под боком» у Хельсинки (узнав об этом, Маннергейм воскликнул: «Господи Иисусе! Еще и это требование!»²), и прибытие в Финляндию Союзной контрольной комиссии.

Контрольную комиссию возглавил представитель высшего политического руководства – член Политбюро Андрей Жданов. На первом совещании с сотрудниками Комиссии – в ночь с 5 на 6 октября 1944 г. – он четко обозначил приоритеты. Главное – заставить финнов воевать с немцами всерьез, сорвать их негласную договоренность (она не укрылась от внимания Москвы), согласно которой немецкие войска эвакуируются из Лапландии в Норвегию, а финны будут идти за ними по пятам, но в бои вступать не станут. По мнению Жданова, необходимо, чтобы между ними пролилась первая кровь, тогда финны начнут реально сражаться с немцами, и их контакт будет разорван. Он объяснял своим подчиненным «на пальцах»: если финны один раз «согрешат» – убьют десяток немцев, то дальше «и сотню убить не грех»³.

Впрочем, в тот самый день реальные боевые действия уже начались: финны внезапно атаковали немцев в Кеми и Торнио, чтобы отрезать их от Балтийского моря. В результате погибло даже боль-

¹ Беседа Сталина с Иденом 15 октября 1944 г. Цит. по: *Gilbert M. Winston Churchill. Vol. VII, Road to Victory. L., 1986. P. 1022*, сноска 1. Сталин принимал Миколайчика 3 и 9 августа 1944 г.

² Материалы прослушивания разговоров финляндской делегации в Москве. Цит. по: *Христофоров В. С. За кулисами советско-финляндских переговоров о перемирии. 1943–1944 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 36–37.*

³ «Совещание у председателя Союзной контрольной комиссии А. А. Жданова»: Стенограмма, 5 октября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 39.

ше немецких солдат, чем требовалось Жданову. В отместку Гитлер приказал своим войскам применить в Лапландии тактику «выжженной земли». Уже через две недели Жданову стало ясно, что беспокоиться насчет войны на севере Финляндии не стоит: немцы явно стремились покинуть эту территорию¹. На это, однако, потребовалось время, и бремя тяжелых боев на севере легло на плечи неопытных 19-летних солдат (они не подлежали демобилизации, поскольку именно таким был призывной возраст в мирное время). Территория Финляндии была полностью освобождена лишь к 1 мая 1945 г. Впрочем, для Москвы суть дела состояла в том, что эта задача выполнялась «официальной» финляндской армией. Поэтому Жданов отклонил предложение одного радикального политика-коммуниста о вербовке добровольцев для войны с немцами в Лапландии и Северной Норвегии².

5

Подведем итоги: Сталин не полностью достиг своих целей, но получил достаточно, чтобы быть уверенным – Финляндия находится и останется у него под контролем. Такое же мнение преобладало и на Западе. Финляндии удалось выйти из войны, избежав крушения государственности и оккупации, по трем главным причинам. Первая из них – *география*. Из Москвы Финляндия виделась как государство, находящееся в стороне от основного театра военных действий, и даже своего рода «остров». Она граничила не с Германией, а со Швецией, которая играла важную роль и своими действиями, и своим своим существованием. Если бы не Швеция, Финляндия не вышла бы из войны с «минимальным уроном». Вторая причина – *фактор времени*. Его воздействие в каждый конкретный момент зависело от расстановки сил на международной арене. Наиболее благоприятным для заключения мира был период, когда Германия уже слишком ослабла, чтобы предотвратить его военными средствами, а Красная армия еще не вошла в Хельсинки. Тут же весьма вовремя

¹ Запись беседы Жданова с членами президиума вновь созданного Общества «Финляндия – СССР» 20 октября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 43.

² Впрочем, какое-то время этот план рассматривался: об окончательном отказе Жданов объявил только после консультаций с Москвой. См.: Запись беседы Жданова с членами правления Общества «Финляндия – СССР» 11 декабря 1944 г.; Проект донесения (вероятно, адресованного Сталину) о встрече Жданова с Маури Рюэмя, без заголовка, начинается со слов «13 декабря имел...» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 43). В 1944 г. по своим политическим взглядам Рюэмя был «левее» официальной линии Компартии Финляндии.

подоспела и высадка союзников в Нормандии. На основной территории Финляндии мир наступил на девять месяцев раньше, чем во всей Европе, и за этот период – когда союзники еще оставались союзниками – было принято немало важных решений: в частности, и СССР, и западные державы приняли результаты финляндских выборов.

Третья причина – *финляндское общество*. Финляндское государство было отнюдь не идеальным, но подавляющее большинство народа твердо верило, что за него стоит сражаться до конца. В стране уже были предприняты первые шаги по ее превращению в социальное государство скандинавского типа, и с 1937 г. у власти находилась левоцентристская коалиция – в отличие от других государств, расположенных между СССР и Германией, которыми (за исключением Чехословакии) управляли авторитарные правые режимы, не пользовавшиеся такой широкой поддержкой народов, как руководство Финляндии.

Тот факт, что Финляндии удалось избежать боевых действий на основной части территории и оккупации, имел основополагающее значение для будущего. Это обеспечивало *преемственность* в развитии государства и других социальных институтов. В декабре 1944 г. Черчилль сетовал, что на Европейском континенте не останется ничего, кроме «обломков разрушенных государств» и их «беззащитных народов»¹. Финляндия в их число не попала, хотя ей и пришлось во многом измениться. Особенности хода войны и ее завершения создали условия для *защиты гражданского населения*. Лапландцы укрылись в Швеции, жители территорий Карелии, отошедших к СССР, были эвакуированы в другие районы Финляндии. Во Второй мировой войне Финляндия потеряла убитыми около 90 тыс. солдат. Для малой страны такие потери среди молодых мужчин весьма существенны, но на войне гибель солдат – явление если не естественное, то как минимум неизбежное. В то же время число гражданских, погибших в ходе военных действий, составило всего 2000 человек. Из всех участников войны лишь в Австралии доля мирных жителей в общем количестве жертв была столь же низкой (2%). В большинстве других стран Европы гражданских погибло куда больше, чем военных.

Последнее имело политические последствия в послевоенные десятилетия. У финнов война оставила чувство горечи, но оно не шло ни в какое сравнение с глубочайшим недовольством в тех странах, по которым два-три раза прокатились иностранные армии – что,

¹ Цит. по: *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. N. Y., 2010. P. 332.

как всегда, сопровождалось убийствами, насилием и разорением. Сравнительно низкий накал ожесточения позволил финнам смириться с внешнеполитическим курсом, которого лидеры страны придерживались в послевоенный период, и привыкнуть к «особым отношениям» с СССР. Что же касается политического руководства, то на этом уровне в двусторонних отношениях тема войны почти никогда не поднималась, но и никогда не забывалась – как французы после 1871 г. помнили об Эльзасе. Парадоксально, но факт: упорное сопротивление финнов на фронте стало частью фундамента «линии Паасикиви–Кекконена». В свою очередь, у советской стороны опыт войны породил определенное уважение к упрямому соседу и понимание, что на Финляндию не следует оказывать чрезмерное давление, а то она превратится в «рану постоянную» на теле СССР, как заметил Молотов на закате своей долгой жизни¹. Финнам же война дала определенную уверенность в себе: если мы даже ее успешно пережили, то мир уж точно переживем.

¹ Чуев Ф. И. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999. С. 21.

В. С. Христофоров (Москва)

**ПРОЦЕСС ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ МЕЖДУ
СССР И ФИНЛЯНДИЕЙ В 1944 г.: ВИДИМЫЕ
И ТАЙНЫЕ РЫЧАГИ ВЛИЯНИЯ В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКИХ АРХИВОВ**

Аннотация: В статье с использованием уникальных документов российских государственных и ведомственных архивов, в том числе материалов советских специальных служб, рассматривается процесс подготовки переговоров и заключения перемирия между СССР и Финляндией. Детально исследуются советско-финские переговоры, проведенные в марте и сентябре 1944 г. Показана роль США и Швеции в выводе Финляндии из войны, тайные и видимые усилия дипломатов и политиков. Исследуется тактика ведения переговоров финской делегацией, имевшиеся противоречия на переговорах в Москве.

Ключевые слова: Советский Союз, Финляндия, Швеция, Германия, Великобритания, мирные переговоры, условия, соглашение.

V. S. Khristoforov

**THE PROCESS OF CONCLUDING A TRUCE BETWEEN
THE USSR AND FINLAND IN 1944: OPEN AND SECRET
LEVERS OF INFLUENCE IN THE DOCUMENTS OF THE
RUSSIAN ARCHIVES**

Abstract: Using unique documents of Russian state and departmental archives, including materials of the Soviet special services, the article examines the process of preparing negotiations and concluding an armistice between the USSR and Finland. The article examines in detail the Soviet-Finnish negotiations held in March and September 1944. The role of the USA and Sweden in Finland's withdrawal from the war, secret and overt efforts of diplomats and politicians are shown. The author investigates the tactics

of negotiations by the Finnish delegation and the contradictions between Russian and Finnish parties during the negotiations in Moscow.

Key words: Soviet Union, Finland, Sweden, Germany, Great Britain, peace negotiations, conditions, agreement.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны во второй половине 1943 г. существенно изменил положение на фронтах и заставил финских политиков задуматься о перемирии. 14 января 1944 г. началось наступление советских войск против германской группы армий «Север», в результате которого была окончательно ликвидирована блокада Ленинграда. Стратегическое положение на Карельском перешейке с точки зрения Финляндии стало угрожающим.

Документы российских государственных и ведомственных архивов свидетельствуют, что в 1944 г. активно использовались как официальные, так и тайные рычаги влияния с целью склонить Финляндию к выходу из войны. Наряду с дипломатами активную роль в этом процессе играли советские разведчики и контрразведчики, обеспечивая политическое руководство информацией о планах и намерениях как противников, так и союзников. Советская внешняя разведка получала разностороннюю информацию о положении в Финляндии. 15 января 1944 г. НКГБ СССР направил в ГКО, НКВД и НКВД записку о том, что финское правительство намерено продолжать войну с Советским Союзом, по крайней мере, до открытия союзниками второго фронта в Европе.

В Хельсинки рассчитывали на поддержку и покровительство Вашингтона и прислушивались к его советам¹. В начале 1944 г. США потребовали от Финляндии начать мирные переговоры с Советским Союзом. Продолжалось и военное давление СССР. В феврале 1944 г. советские самолеты нанесли три бомбовых удара по финской территории. Столице Финляндии был нанесен существенный ущерб, разрушено много зданий, погибли 146 человек².

Дипломатическое давление на Хельсинки со стороны Вашингтона и военные меры Москвы привели к тому, что в начале февраля 1944 г. финское правительство начало поиски путей к мирным переговорам. Из Хельсинки в Стокгольм для встречи с А. М. Коллонтай направил Ю. Паасикиви. Коллонтай сообщила советские условия

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 63–64.

² Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 248.

заклучения перемирия¹. Паасикиви считал, что условия Москвы «прискорбные» и очень тяжелые, но вполне приемлемые. Ход войны, по его мнению, не оставлял надежд для лучших условий, поэтому необходимо их принять². 28 февраля состоялось заседание финского сейма, посвященное обсуждению условий Москвы.

В начале марта 1944 г. информация о результатах заседания сейма Финляндии стала известна советской разведке. 10 марта на столе у И. В. Сталина и В. М. Молотова лежала записка, в которой советская разведка информировала о том, что большинство членов Социал-демократической и Шведской народной партий высказалось за продолжение переговоров. В разведсообщениях приводились данные о позиции президента Р. Рюти, главнокомандующего К. Г. Маннергейма и других политиков. Большинство членов Коалиционной партии, в том числе и премьер-министр Э. Линкомиес, выступали за проведение переговоров. Министр иностранных дел К. Рамсай полагал возможным принять условия Москвы. Странниками заключения перемирия были министр обороны Р. Вальден и ряд генералов. Возражали против заключения перемирия прогерманские генералы³.

Тем не менее, финское правительство, заручившись поддержкой сейма, направило в Стокгольм отрицательный ответ на советские предложения. Молотов назвал ответ финского правительства «совершенно неудовлетворительным». Но в Кремле были согласны ждать положительного ответа до 18 марта и держать в секрете как переписку, так и факт организации советско-финских переговоров⁴.

Шведские и американские дипломаты вновь предприняли определенные усилия, чтобы склонить финнов к переговорам. 17 марта Коллонтай получила письмо финского правительства о намерении получить «разъяснения как относительно формальной интерпретации, так и реального содержания тех пунктов, в которых эти условия сформулированы». 18 марта в Стокгольм ушла телеграмма с поручением сообщить о том, что советское правительство не возражает против направления в Москву «одного или нескольких представителей финского правительства для получения от советского правительства интерпретаций советских условий перемирия».

26 марта финская делегация прибыла в Москву. В состав делегации входили два политических тяжеловеса – Паасикиви и Карл Энкель, и в качестве секретаря – его племянник, приближенный

¹ АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 27. Д. 155. Л. 6–7, 10.

² ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 2. Л. 1040–1041.

³ Там же. Д. 1. Л. 662, 755–756.

⁴ АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 27. Д. 155. Л. 12; П. 28. Д. 172. Л. 12.

к Маннергейму капитан Генштаба Георг Энкель. Две сильные личности – Паасикиви и Карл Энкель – имели разные точки зрения на тактику ведения переговоров.

Уже на первой встрече в Кремле 27 марта состоялась достаточно острая дискуссия. По мнению Паасикиви, благодаря тому, что Советский Союз к марту 1944 г. приобрел достаточную силу и мощь, советское правительство имело возможность «принудить» финнов «снять шапку» и ставить «ужасные условия». Паасикиви отмечал, как «трудно быть дипломатом побежденной страны»¹.

Финская делегация по мере возможности шла на уступки, с тем, чтобы обе стороны были удовлетворены. В то же время «чувство долга перед родиной не позволяло им принять предъявленные условия»². Паасикиви считал, что «продолжение войны таило для Финляндии больше опасностей, чем все неожиданные требования, которые могло предъявить советское правительство»³.

К. Энкель подчеркивал, что очень трудно встречаться с «господами, которые ничего не признают». По его мнению, в Москве все больше и больше росла ненависть и недоверие к Финляндии⁴.

29 марта финнам в письменном виде были переданы советские условия мира:

1. Разрыв Финляндией военных, политических и экономических отношений с Германией, интернирование всех ее войск и кораблей в течение апреля.

2. Возобновление советско-финского договора 1940 г. и отвод финских войск к границам 1940 г.

3. Немедленное возвращение советских и союзных военнопленных, а также советских людей, содержавшихся в концентрационных лагерях и использовавшихся на работах в Финляндии. Возвращение военнопленных должно быть обоюдным.

4. Демобилизация 50 процентов финской армии в течение мая и перевод на мирное положение всей финской армии в течение июня и июля.

5. Возмещение убытков, причиненных Финляндией военными действиями и оккупацией советской территории, в размере 600 млн американских долларов, выплачиваемых в течение 5 лет.

6. Возвращение Советскому Союзу Петсамо и Петсамской области, добровольно уступленных Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 гг.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 2. Л. 945, 957.

² Там же. Л. 952–953.

³ Там же. Л. 979–980.

⁴ Там же. Л. 947.

7. При условии принятия финской стороной изложенных условий, советское правительство считало возможным отказаться в пользу Финляндии от своих прав на аренду Ханко без какой-либо компенсации¹.

Паасикиви считал, что нужно быть чрезвычайно осторожным, так как возможно для Финляндии это была «последняя возможность сохранить свою независимость»². Энкель был настроен более решительно и полагал, что вопрос о границах подлежит новому рассмотрению, а условия демобилизации носят унижительный характер и их желательно избежать. Вступая в спор с Паасикиви, Энкель горячился, убеждая его, что нужно больше требовать от советской стороны, говорил, что «русским нельзя верить». Паасикиви на предложение Энкеля «требовать» заметил, что Финляндия попала в тяжелое положение, она осталась совершенно одна, у нее не было ни одного друга. Если бы победила Германия, то Финляндия была бы ее вассалом, это было бы лучше, чем быть вассалом Советского Союза, но Германия, подчеркивал Паасикиви, потерпит в войне поражение³.

Перед встречей с Молотовым 29 марта Энкель подготовил предложения об основах прочного мира после войны – это справедливость, проявленная со стороны сильного. Представленные условия перемирия еще более несправедливы и более суровы, чем условия 1940 г. Требования о демобилизации финской армии, возмещении убытков повлекут за собой большие трудности. По мнению Энкеля, все это унижительно для финского народа и отрицает высокие моральные принципы о невмешательстве в дела Финляндии⁴.

Паасикиви категорично заявил, что предложения Энкеля – это «бессмыслица», и если их передать советской стороне, то переговоры будут сорваны. Финская делегация не может устраивать демонстраций и так нагло отвечать великой державе⁵. Условия, предложенные Советским Союзом, по мнению Паасикиви, были самыми лучшими для обстановки, сложившейся на фронтах в начале 1944 г.

По мнению Энкеля, к сентябрю 1944 г. положение на советско-германском фронте станет определенным, будет понятно, победят ли немцы. Он все еще надеялся на победу в войне Германии и опасался связывать судьбу Финляндии с СССР⁶.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 40с. Оп. 2. Д. 2. Л. 1014–1015.

² Там же. Л. 948–949.

³ Там же. Л. 985–987.

⁴ Там же. Л. 996.

⁵ Там же. Л. 997–998.

⁶ Там же. Л. 1031–1039.

Паасикиви считал, что Финляндия не может ждать еще шесть месяцев, так как положение немцев безнадежно и Германия не имеет шансов на победу. Паасикиви полагал, что компромиссного мира не будет, так как «русские хотят краха Германии», он был уверен, что Россия выиграет войну¹.

Мнения членов финской делегации совпадали лишь в оценке суммы возмещения ущерба, они считали ее чрезвычайно большой.

После возвращения делегации из Москвы финское правительство и сейм детально изучили советские условия перемирия. После многосторонних консультаций через шведский МИД 18 апреля ответ был передан Коллонтай – принятие советских предложений в Хельсинки посчитали невозможным. 19 апреля шифртелеграмма из Стокгольма с текстом ответа финского правительства лежала на столе у Молотова. Отрицательный ответ финской стороны вызвал разочарование в Москве. 22 апреля в Москве прошла пресс-конференция, на которой была предоставлена полная информация о ходе советско-финских переговоров.

Вашингтон и Стокгольм продолжили по дипломатическим каналам склонять Хельсинки к вступлению в переговоры с Москвой. Посол США в Москве А. Гарриман весной и летом 1944 г. подчеркивал, что Вашингтон не прерывал дипломатических отношений с Хельсинки, полагая, что это даст возможность воздействовать на финнов в интересах СССР².

Но в Москве больше не доверяли устным заявлениям финнов и предложили, чтобы Хельсинки официально объявили о своей капитуляции³. Позиция Москвы вызвала бурную дискуссию в финском сейме. Стремясь не допустить нового этапа советско-финских переговоров о перемирии, в конце июня в Хельсинки прилетел Риббентроп. После того, как Рюти подписал обещание о том, что Финляндия будет продолжать следовать в военно-дипломатическом фарватере Германии, в Москве окончательно потеряли всякое доверие к финнам.

Нежелание советского правительства иметь дело с Рюти, критическая обстановка на фронте, негативные тенденции во внутреннем положении создали предпосылки к смене власти в Финляндии. Президент Рюти ушел в отставку. Маннергейм был избран президентом Финляндии⁴. По мнению Стокгольма, единственным человеком, способным повернуть финскую армию против немцев, был

¹ Там же. Л. 1045–1046.

² АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 19. Д. 109. Л. 35.

³ Там же. Д. 108. Л. 217–218.

⁴ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Указ. соч. С. 255.

Маннергейм. Он сформировал правительство с умыслом ослабить сопротивление заключению мира с СССР¹.

25 августа Коллонтай встретила с финским послом Г. Грипенбергом, который передал письмо, подписанное министром иностранных дел, с просьбой принять в Москве финскую делегацию для переговоров о перемирии. Грипенберг сообщил, что Маннергейм заявил германскому фельдмаршалу В. Кейтелю, который 17 августа находился в Хельсинки, что он как президент Финляндии не считает себя связанным тем соглашением, которое подписал прежний президент Рюти².

26 августа Молотов проинформировал послов США и Великобритании об обращении финского правительства. Молотов назвал условия, при которых советское правительство может принять финскую делегацию: финское правительство должно публично заявить о разрыве отношений с Германией и потребовать от Германии вывода немецких войск из пределов Финляндии не позже 15 сентября. При условии разрыва отношений с Берлином Москва обещала прекратить военные действия против финской армии с 6 часов утра 4 сентября. Если Германия до 15 сентября не выведет свои войска с территории Финляндии, то советское правительство направит части и соединения Красной армии для оказания помощи финской армии по выдворению частей Вермахта. Заметим, что данный сценарий был самым нежелательным сценарием для Хельсинки³.

29 августа Молотов направил телеграмму в Стокгольм, в которой содержался положительный ответ советского правительства, согласованный с англичанами и не встретивший возражений в Вашингтоне⁴.

В Хельсинки приняли советские условия, и 7 сентября в Москву прибыла финская делегация в составе 14 человек. Молотов принял главу делегации А. В. Хакцеля в Кремле в тот же день и сказал, что пока не может назначить точную дату начала переговоров, так как ждет ответа англичан по условиям перемирия. Хакцель сделал вывод о том, что советская сторона не очень торопится начинать переговоры. Затягивание переговоров, по мнению Хакцеля, усложняло положение. Большинство членов финской делегации хорошо понимало необходимость скорейшего выхода из войны и прекращения

¹ АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 28. Д. 172. Л. 254–255.

² Там же. Л. 263–265.

³ Английский посол Керр обещал Молотову срочно запросить мнение британского правительства. См.: Там же. П. 27. Д. 155. Л. 47–48.

⁴ Там же. Л. 49.

сотрудничества с Германией. Тем не менее, Хакцель был уверен, что русские не смогут поставить финнов на колени, даже если советская комиссия будет распоряжаться в Финляндии, как у себя дома¹. Днем 14 сентября Хакцель заявил в своем окружении, что устал от длительного ожидания и намерен уехать. Реакция Кремля на эту информацию, полученную от советских спецслужб, была практически мгновенной. Около 18 часов 30 минут в гостиницу прибыл и. о. заведующего протокольным отделом НКВД и сообщил Хакцелю, что советское правительство приглашает его в 23 часа для начала переговоров.

Длительное ожидание начала переговоров и эмоциональное перенапряжение оказали негативное влияние на состояние здоровья Хакцеля. Вскоре после получения сообщения НКВД у него случился правосторонний паралич². Тем не менее, финская делегация 14 сентября прибыла в особняк НКВД, где начался первый раунд переговоров. Молотов заявил, что Хакцелю будет обеспечен лучший медицинский уход и предложил до назначения нового руководителя финской комиссии изучить завизированный Молотовым и А. Керром проект соглашения о перемирии.

Проект предусматривал, что Финляндия выведет свои войска за линию советско-финской границы 1940 г., интернирует находившихся на финской территории германских и венгерских граждан, предоставит аэродромы на южном и юго-западном побережье для базирования советских самолетов. Финляндия должна прекратить все дипломатические, консульские и иные отношения, а также почтово-телеграфную и телефонную связь с Германией и Венгрией. Восстанавливалось действие советско-финского мирного договора 1940 г. с некоторыми изменениями. Финляндия возвращала область Петсамо, Советский Союз отказывался от прав на аренду полуострова Ханко. Финская сторона, в свою очередь, обязывалась предоставить на правах аренды сроком на 50 лет территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд.

Для руководства и контроля за исполнением соглашения о перемирии предлагалось учредить Союзную контрольную комиссию (СКК), которая будет работать под общим руководством и по указанию союзного (советского) главнокомандования, действующего от имени союзных держав. СКК наделялась соответствующими правами, а главной ее задачей было наблюдение за точным выполнением

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 40с. Оп. 2. Д. 6. Л. 4545.

² Там же. Л. 4554–4555.

соответствующих статей соглашения о перемирии и приложений к нему.

15 сентября из Москвы через Ленинград, Выборг, далее через залив до аэродрома Мальми вылетел советский самолет, на борту которого находился член финской делегации В. Гренблум с проектом соглашения¹. 16 сентября финское правительство обсудило полученный из Москвы текст². Требование об аренде Порккала-Удд произвело на членов правительства «тяжелое впечатление»³.

Новый руководитель финской делегации Карл Энкель прилетел в Москву 16 сентября около 18 часов и сразу же включился в работу, начав подготовку к переговорам с Молотовым. По его мнению, самыми тяжелыми условиями были экономические требования Москвы: с утратой ряда территорий экономические ресурсы страны будут настолько урезаны, что это не даст возможности уплатить такую высокую контрибуцию⁴.

16 сентября в 22 часа состоялась первая встреча⁵, на которой Молотов обвинил финскую сторону в том, что разоружение немецких войск в Северной Финляндии проводится недостаточно энергично⁶. Энкель попросил изменить на некоторых участках советско-финскую границу 1940 г. Молотов резко ответил, что после трех лет войны, которые Финляндия вела на стороне Германии против СССР, исключается какая бы то ни была возможность исправления в пользу Финляндии границы, установленной договором 1940 г.

На второй встрече, 18 сентября, Энкель сообщил, что по финским законам для подписания перемирия необходимо получить согласие сейма Финляндии. Молотов понял, что подписание соглашения опять откладывается. Он в ультимативной форме заявил, что если финская делегация не подпишет перемирия, то она может возвращаться обратно в Хельсинки, после этого последует оккупация Финляндии, для которой уже все подготовлено. Молотов не стал выслушивать возражения финской стороны и завершил встречу, которая продолжалась всего 15 минут.

Энкель срочно направил телеграмму в Хельсинки, подчеркивая «необходимость принятия срочных мер и недостаток времени для получения согласия сейма». Он просил президента Финляндии

¹ АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 19. Д. 109. Л. 211.

² ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 7. Л. 4665.

³ Там же. Л. 4665.

⁴ Там же. Л. 4653.

⁵ АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 19. Д. 109. Л. 224–225.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 7. Л. 4631–4632; АВП РФ. Ф. 200. Оп. 12. П. 19. Д. 109. Л. 224–225.

и финское правительство немедленно предоставить необходимые полномочия. Позднее члены финской делегации заявляли, что на них оказывалось сильное советско-британское давление и они действовали под влиянием неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Карл Энкель считал, что история оправдывает финскую делегацию, подписавшую соглашение, так как у нее не было другого выхода, а финский народ, уставший от войны, будет рад и таким тяжелым условиям перемирия.

19 сентября в особняке НКВД было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой. Таким образом завершилось тайное и явное влияние на Финляндию по выводу ее из Второй мировой войны.

Х. Мейландер (Хельсинки)

**СТРАХИ, НАДЕЖДЫ И СПЕШНЫЕ МЕРЫ
ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ: СТРАТЕГИЯ ФИНЛЯНДИИ
В ХОДЕ ВОЙНЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ, 1944–1945 гг.**

Аннотация: В сентябре 1944 г. Финляндия заключила Соглашение о перемирии со странами Антигитлеровской коалиции, по которому, наряду с другими условиями, она обязывалась разорвать отношения с бывшей союзницей – Германией и разоружить немецкие войска в Лапландии. После некоторых намеренных проволочек в начале октября в этом регионе начались активные боевые действия, но уже через месяц они сошли на нет: немцы отступили в Северную Норвегию, и в финской армии началась демобилизация. Решение финнов не сосредоточивать против немцев более мощную военную группировку отчасти объяснялось нежеланием воевать с бывшими союзниками. Но прежде всего руководство Финляндии опасалось, что СССР попытается вторгнуться в южные районы страны, если они останутся без защиты. Поэтому одновременно финская армия готовилась к партизанской войне. После нескольких нервных месяцев финляндское общество постепенно начало приходить в себя, и уже через десять лет в национальной памяти финнов войны против СССР и мир с ним отложились как необходимые этапы борьбы за сохранение независимости страны.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, Соглашение о перемирии 1944 г., Лапландская война, страх оккупации, подготовка к партизанской войне.

H. Meinander

**FEARS, HOPES AND HASTY PRECAUTIONS. FINNISH
STRATEGIES DURING THE WAR IN THE ARCTIC,
1944–1945**

Abstract: Finland signed in September 1944 an Armistice Agreement with the Allied Forces, according to which it among many other conditions was obliged to cut off its relation with its former ally Germany and disarm its

troops in Lapland. After some deliberate delays the active phase of this war began in early October, but it faded away one month later when the Germans retreated to northern Norway and the demobilization of the Finnish army had begun. The Finnish reluctance to concentrate more forces against the Germans was partly due to the repugnance to fight a former ally. But above all the Finns suspected that the Soviet Union would try to invade Southern Finland if it was left undefended. The Finnish army prepared therefore simultaneously for a guerilla war. After these nervous months Finnish society began gradually to recover and within a decade the Finns were already able to interpret both the wars against and peace with the Soviet Union as necessary for its survival as an independent nation.

Key words: Finland, USSR, The Armistice Agreement 1944, The Lapland War, Fear of Occupation, Preparations for Guerilla War.

Как известно, Финляндия была втянута во Вторую мировую войну в результате нападения СССР в конце ноября 1939 г., которое стало следствием так называемого Пакта Риббентропа–Молотова, заключенного Москвой и Берлином в августе того же года. Согласно секретному дополнительному протоколу к этому договору Финляндия, страны Балтии и восточные районы Польши входили в сферу интересов СССР. Однако в отличие от прибалтийских государств правительство Финляндии отклонило требования Москвы о переносе границы и создании советской военной базы на своей территории у Финского залива. Так называемую Зимнюю войну с СССР Финляндия проиграла, и по мирному договору, подписанному в марте 1940 г., вынуждена была передать Советскому Союзу ряд территорий и военно-морскую базу, но ее армии удалось предотвратить оккупацию страны, и она сохранила независимость.

Опасаясь нового нападения СССР, Хельсинки в январе 1941 г. принял секретное предложение Германии об участии Финляндии в генеральном наступлении на Советский Союз, запланированном на июнь того же года. Эта война закончилась так же, как и предыдущая: Финляндия ее проиграла, но избежала оккупации. Поэтому в сентябре 1944 г. финляндское правительство смогло заключить с союзными державами Соглашение о перемирии, по которому она уступила СССР новые территории, передала полуостров Порккала-Удд в аренду под советскую базу и обязалась выплатить значительные военные репарации¹.

¹ Текст Соглашения о перемирии 1944 г. на русском языке см.: Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии

Этим соглашением Финляндии также предписывалось немедленно разорвать отношения с Германией и изгнать части вермахта со своей территории. Германия согласно тайной договоренности с финляндским руководством в январе 1941 г. взяла на себя ответственность за оборону северного участка восточной границы Финляндии. И поскольку 200 тыс. немецких солдат еще находились на этих позициях в тот момент, когда Финляндия была вынуждена приступить к их «разоружению», зимой 1944–1945 гг. на севере страны между двумя бывшими союзниками развернулись настоящие боевые действия¹.

В данной статье будут рассмотрены меры, принимавшиеся в Финляндии до начала этой так называемой Лапландской войны, проанализирован ход боевых действий и показано, как финское общество и руководство действовали в условиях давления, оказывавшегося на Хельсинки, когда страна оказалась между Германией и СССР, словно между молотом и наковальней. Наконец, кратко остановимся на коллективных ощущениях и памяти финнов о событиях зимы 1944–1945 гг.

Осторожная подготовка

Требования предпринять безотлагательные действия против бывшего союзника – Германии – были впервые предъявлены правительству Финляндии накануне 14 сентября, когда в Москве начались переговоры относительно соглашения о перемирии со странами Антигитлеровской коалиции. Отправной точкой для переговоров стали предварительные условия перемирия между СССР и Финляндией, принятие которых обеспечило прекращение боевых действий обеими сторонами 5 сентября. Тогда в своем заявлении правительство Финляндии пообещало немедленно разорвать отношения с Германией, потребовать от нее вывода немецких войск с территории страны не позднее 15 сентября, а если этого не произойдет, предпринять соответствующие действия для их изгнания.

дии, с одной стороны, и Финляндией – с другой // HENINEN.NET [Электронный ресурс]. URL: <http://heninen.net/sopimus/1944.htm>. (дата обращения: 20.01.2020).

¹ Общие работы об участии Финляндии во Второй мировой войне: *Meinander H. Finland and the Great Powers. In World War II: Ideologies, Geopolitics, Diplomacy / ed. by Tiina Kinnunen, V. Kivimäki, Finland in World War II: History, Memory, Interpretations. Leiden, 2011. P. 49–91; Idem. Finland / ed. by D. Stahel, Joining Hitler's Crusade: European Nations and the Invasion of the Soviet Union, 1941. Cambridge, 2017. P. 17–45.*

14 сентября 1944 г. переговоры начались с того, что советский нарком иностранных дел В. М. Молотов вручил финской делегации проект договора о перемирии, подчеркнув: союзники ожидают, что Финляндия примет их без обсуждения. Он жестко поставил вопрос: какие действия предприняло финское правительство, чтобы уже с 15 сентября приступить к разоружению немецких войск? Не получив конкретного ответа, он в пространной тираде обвинил финнов в нежелании начинать войну против Германии. В течение двух последующих дней переговоров он продолжал критиковать финнов – ведь единственная их конкретная акция состояла в отражении попытки немцев высадить десант на острове Суурсаари в Финском заливе¹.

Впрочем, у флегматичности финнов были свои причины. Первая из них – требование о выводе финских войск с территорий, уступаемых Советскому Союзу. Во-вторых, как поняли финские переговорщики, конкретные условия разоружения немцев должны были быть выработаны на переговорах в Москве и предусматривали активную поддержку со стороны Красной армии. Но прежде всего медлительность финнов обуславливалась подозрением: если они направят против немцев слишком много войск, СССР не будет соблюдать условия перемирия, а попытается оккупировать страну.

Чтобы снизить риск такой катастрофы – войны на два фронта – финский главнокомандующий Густав Маннергейм, который с августа 1944 г. занимал также пост президента страны, приступил к расторжению союза с Германией с крайней осторожностью. 2 сентября, когда было объявлено о прекращении огня, Маннергейм направил Гитлеру личное послание, в котором благодарил немцев за неоценимую поддержку в ходе войны и выразил надежду, что расторжение союза с ними произойдет мирным путем. Таким образом, военнослужащим, дипломатам и другим гражданам Германии, находившимся в южных районах Финляндии, предоставлялась возможность беспрепятственно покинуть страну. Одновременно в северной части Финляндии, контролируемой немцами, бывшие союзники сотрудничали с финнами в эвакуации большинства ее мирных жителей в южные районы или Швецию, поскольку считалось, что конфронтация не обойдется без участия Красной армии².

Проявленная немцами гибкость была связана не только – и даже не в первую очередь – с тем, что в течение трех лет существования

¹ *Meinander H.* Finland 1944: Krig, samhälle, känslolandskap, Helsingfors, 2009. P. 280–284. Перевод на русский: *Мейндер Х.* Финляндия, 1944: Война, общество, настроения. М., 2014.

² *Ibid.* P. 263–270.

их союза финны проявили себя надежными братьями по оружию. Важнее было другое: германская сторона еще в 1943 г. пришла к выводу, что альянсу с финнами может прийти конец, и теперь хотела обеспечить безопасный вывод своих войск и снаряжения, а также сохранить контроль над никелевым месторождением у Печенги/Петсамо и Северной Норвегией. Соответственно, на тайной встрече в Рованиemi 18 сентября бывшие союзники договорились о предоставлении отступающим на север немецким войскам 26 финских паровозов и 700 вагонов.

На этой встрече было достигнуто и соглашение о том, что немцы в ходе вывода войск будут регулярно информировать финнов, на какое расстояние они отступили, чтобы избежать столкновений и ненужных потерь. Одновременно немецкие штабные офицеры объяснили, почему в ходе отступления из Лапландии они вынуждены разрушать инфраструктурные объекты: вмешательства Красной армии все равно не избежать, и дело так или иначе закончится советской оккупацией Финляндии. Неудивительно, что генерал-квартирмейстер А. Ф. Айро с самого начала окрестил операцию в Лапландии «осенними маневрами»¹.

Это тайное соглашение оставалось в силе лишь до конца сентября 1944 г. Через неделю после подписания Соглашения о перемирии в Хельсинки прибыла Союзная контрольная комиссия, основу которой составляла многочисленная советская делегация, и от финнов стали еще активнее требовать боевых действий против немецких войск в Лапландии. Но к тому времени большая часть тайных целей финнов и немцев в регионе была уже достигнута. Гражданское население было эвакуировано, а немцы начали организованное отступление в Северную Норвегию.

Шведское правительство внимательно следило за развитием событий и оказывало дипломатическую поддержку Финляндии в ее усилиях по выходу из войны. После объявления о перемирии (2 сентября 1944 г.) оно пообещало принять 100 тыс. финских беженцев из Лапландии. Позднее это число было сокращено, но 56 тыс. мирных жителей Лапландии нашли убежище в хорошо оборудованных лагерях беженцев на севере Швеции. Еще раньше в Швеции укрылись 40 тыс. детей, тысячи раненых солдат и других беженцев из Финляндии: в результате осенью 1944 г. финны составляли самую многочисленную группу беженцев в этой стране. Эта значительная гуманитарная помощь помогла развеять существовавшее ранее чув-

¹ *Ahto S. Aseveljet vastakkain: Lapin sota 1944–1945. Helsinki 1980. P. 10–119.*

ство горечи из-за того, что Швеция не приняла участие в Зимней войне, и прочно укрепить веру финнов в дружественное отношение их соседей¹.

Лапландская война

В конце сентября требования СССР к финнам о начале реальных военных действий против немецких войск настолько ужесточились, что главнокомандующий Маннергейм приказал «сделать что-нибудь такое, чему русские точно поверят». Это означало конец «странной войны»: 1 октября финны внезапно напали на немецкие войска в приморском городе Торнио у шведской границы. Наиболее активные боестолкновения продолжались в течение следующего месяца; в течение всего периода до капитуляции Германии в мае 1945 г. обе стороны потеряли по 1000 солдат убитыми².

Однако по сравнению с куда более ожесточенными боями между немцами и советскими войсками в районе Печенги масштаб этой войны был несомненно невелик: у обеих сторон не было особой мотивации сражаться. Финское командование сосредоточило против немцев не более 60 тыс. солдат, так что лучше оснащенная двухсоттысячная германская группировка могла при желании без труда остановить наступление финнов. Атака на Торнио, естественно, ожесточила немцев, – ведь они надеялись, что тайная договоренность о «войне понарошку» будет соблюдаться – и с этого момента они применяли в Лапландии тактику «выжженной земли» без каких-либо послаблений.

Самый заметный ущерб понес город Рованиеми – административный центр всего лапландского региона. К тому моменту, когда финские войска вечером 16 октября вышли к его окраинам, немцы уже девять дней разрушали город, и это на какое-то время вызвало у финнов желание расквитаться с ними. Маннергейм, которого Контрольная комиссия, где бал правили советские представители, постоянно побуждала наращивать военные усилия, приказал срочно перебросить в Лапландию еще 50 тыс. солдат. Однако к концу октября интенсивность советских требований об усилении военных действий против немцев снизилась. Последним удалось избежать окружения советскими войсками в Печенге и без больших потерь отойти в Северную Норвегию, где уничтожение инфраструктуры продолжилось.

¹ Ibid. P. 298.

² Ibid. P. 131–141, 157.

В результате финские части, которые планировалось перебросить на Лапландский фронт, были демобилизованы по статье 4 Соглашения о перемирии, предписывавшей Финляндии «перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев со дня подписания настоящего Соглашения»¹. Народ Финляндии, естественно, приветствовал демобилизацию. Пять лет участия во Второй мировой войне стали для финского общества тяжелым испытанием на прочность, и люди, конечно, не желали воевать дольше, чем это было необходимо.

В абсолютных цифрах потери финских вооруженных сил в 1939–1945 гг. – 94 тыс. погибших – конечно выглядят небольшими по сравнению с количеством жертв в других странах Восточной Европы. Но доля погибших солдат по отношению к численности населения Финляндии (2,6 % из 3,7 млн) оказывается выше, чем в венгерских (2,2 %) или румынских (1,9 %) вооруженных силах. При этом жертвы среди гражданского населения – 2000 человек или 0,05 % из 3,7 млн – были намного ниже, чем общий процент погибших гражданских в войне – в среднем 3,7 % населения участвовавших в ней стран. А по сравнению с потерями мирных жителей в СССР (8,25 % от его населения) эта разница еще более очевидна².

Как уже отмечалось, процент погибших гражданских в Финляндии был значительно ниже, потому что стране удалось избежать оккупации основной ее территории, а власти организованно эвакуировали население из зон боевых действий и районов, переданных СССР по Соглашению о перемирии. Это стало результатом не только упорного сопротивления финских войск, но и искусного дипломатического балансирования, которое также потребовалось осенью 1944 г.

Нас гнут, но мы не ломаемся

Официально финско-германская война в Лапландии продолжалась до самой капитуляции Германии в мае 1945 г., но на практике она сошла на нет в ноябре 1944 г., когда немецкие войска на-

¹ Текст Статьи 4 см.: Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией – с другой // HENINEN.NET [Электронный ресурс]. URL: <http://heninen.net/sopimus/1944.htm>. (дата обращения: 20.01.2020).

² World War II casualties // Wikipedia. The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II_casualties (дата обращения: 12.12.2019).

чали отступление к северо-западной финско-норвежской границе у Кильписъярви. Таким образом, катастрофической войны на два фронта удалось избежать, и руководство Финляндии могло сосредоточиться на выполнении других условий Соглашения о перемирии.

Эти условия в основном касались экономических и политических вопросов, например, роспуска «прогитлеровских» организаций (Статья 21) – в эту категорию, помимо военизированного «Шюцкора» и его женского аналога «Лотта Свард», попали не только все фашистские организации, но и ряд других антибольшевистских общественных объединений. Их роспуск происходил во второй половине октября 1944 г. одновременно с возвращением на политическую арену Коммунистической партии Финляндии при мощной поддержке Москвы и советской делегации в Союзной контрольной комиссии¹.

Это был поистине драматический сдвиг в политической жизни Финляндии и развитии ее гражданского общества. После подавления революции 1918 г. Компартия принимала участие в финских парламентских выборах под другими названиями, что вызывало недовольство правых популистов, и осенью 1930 г. любая коммунистическая деятельность в стране была объявлена вне закона. Таким образом, многие лидеры коммунистов вернулись на общественную арену прямо из тюрьмы. На первых послевоенных выборах в марте 1945 г. возглавляемая коммунистами социалистическая коалиция получила почти четверть мест в Сейме, что укрепило надежды компартии на скорое создание в Финляндии социалистической республики.

Однако, несмотря на участие коммунистов в левоцентристском правительстве в 1945–1948 гг., добиться своей цели им не удалось. Социал-демократическая партия Финляндии не пожелала войти в социалистическую коалицию, справедливо подозревая, что она управляется из Москвы. С осени 1944 г. социал-демократы играли ключевую роль в негласной, но масштабной кампании сопротивления коммунистам в парламенте, профсоюзах и СМИ².

В этих усилиях с социал-демократами сотрудничали буржуазные партии и общественные организации. Одним из направлений такой деятельности стала организованная подготовка к партизан-

¹ Текст статьи 21 см.: Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией – с другой // HENINEN.NET [Электронный ресурс]. URL: <http://heninen.net/sopimus/1944.htm>

² *Meinander H.* Finland 1944... P. 361–370, 377–381.

ской войне, проходившая параллельно с демобилизацией почти полумиллионной призывной армии в конце октября – начале декабря 1944 г. Воинские части расформировывались в тех же призывных центрах Шюцкора, откуда они тремя годами ранее отправлялись на войну. В процессе сбора униформы, снаряжения и вооружения военными властями значительная часть стрелкового оружия и боеприпасов была спрятана ответственными офицерами в разных частях страны на случай коммунистического переворота или советского вторжения, которое, как предсказывали некоторые пессимисты, рано или поздно должно произойти.

По некоторым позднейшим подсчетам, на тайных складах в стратегически важных пунктах было спрятано вооружение для 35 тыс. солдат. Эта сеть была частично раскрыта уже в мае 1945 г., что привело к затяжному судебному разбирательству, в результате которого почти 1500 человек были приговорены к небольшим тюремным срокам. Но, очевидно, немалая часть снаряжения и тайной партизанской сети оставалась на месте до 1960-х гг., когда произошла официальная реорганизация финской армии по принципу территориальной обороны – эта система действует по сей день¹.

Главкомандующий Маннергейм был проинформирован об этих действиях, но после их раскрытия лишь немногие высокопоставленные офицеры из штаба вооруженных сил в Миккели попали под суд и получили тюремные сроки за участие в планировании движения сопротивления. Другим крупным подготовительным мероприятием на случай военного переворота руками СССР или при его поддержке стала попытка создания в Швеции командного центра для руководства партизанской войной в Финляндии. Сразу после подписания Соглашения о перемирии в Швецию было переправлено большое количество современного радиооборудования, специалисты по шпионажу и документы с ценной разведывательной информацией о советской армии. Впрочем, об этой операции тоже вскоре стало известно, и в дальнейшем большая часть вывезенных материалов была продана шведам и американцам².

Эти разоблачения, мягко говоря, не вызвали восторга у руководства Финляндии. В то же время информация о наличии подпольной партизанской сети, возможно, послужила предостережением не только для финских коммунистов и советской делегации в Союзной контрольной комиссии, но и для высшего руководства в Москве.

¹ *Lukkari M. Asekätkentä*, Helsinki 1984. P. 33–63.

² *Ibid.* P. 265–275; *Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan: Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945*. Helsinki 1988. P. 272–280.

Летом 1944 г. Финляндии удалось – правда, при важнейшей поддержке Германии – отразить попытку советского вторжения. В результате ее призывная армия покинула поле боя в боеспособном состоянии и очевидно была готова при необходимости снова взяться за оружие¹.

Молотов, занимавший в годы войны пост наркома иностранных дел СССР, спустя много лет вспоминал: Москва была в состоянии захватить Финляндию и установить там советский строй, как в странах Прибалтики. Но из-за упорства финнов за это пришлось бы заплатить слишком высокую цену: как выразился сам Молотов, советское руководство имело бы «рану постоянную» на теле империи².

Восприятие и память

Осенью 1944 г. и последующей зимой настроения финляндского общества были во многом неоднозначны. Опасения и досаду вызывали не только территориальные, военные и политические условия Соглашения о перемирии. В начале ноября Союзная (а фактически советская) контрольная комиссия в Хельсинки разъяснила толкование Статьи 11 Соглашения относительно военных репараций. Текст статьи был составлен неконкретно: Финляндия обязывалась возместить «убытки, причиненные... Советскому Союзу военными действиями... в размере трехсот миллионов долларов с погашением в течение шести лет товарами». Теперь финское правительство известили, что эти миллионы следует исчислять по ценам 1938 г., так что с учетом инфляции военных лет сумма репараций фактически удваивалась.

После долгих переговоров, во время которых в Финляндии было сформировано новое правительство во главе с Ю. К. Паасикиви, стороны 17 декабря 1944 г. подписали детальное соглашение по репарациям, полностью соответствовавшее первоначальным советским требованиям. Кое-кто надеялся, что Паасикиви, владевший русским языком и ранее занимавший пост посланника в Москве, сумеет смягчить эти условия, но советская сторона настояла на своем. Вместо поставок лесоматериалов – главного экспортного товара Финляндии – две трети репараций должны были быть выплачены металлургической продукцией, что в дальнейшем потребовало от страны крупных капиталовложений в создание новых производственных мощностей.

¹ *Lukkari M.* Op. cit. P. 300–301.

² *Чуев Ф. И.* Молотов: полудержавный властелин. М., 1999. С. 21.

Одним словом, несмотря на приближающееся Рождество, настроение у финского правительства было отнюдь не праздничным. Мало того, Контрольная комиссия, ссылаясь на Статью 11 Соглашения о перемирии, начала требовать суда над политиками, входившими в правительство в военные годы, за их решение присоединиться к нацистской агрессии и союз с Германией в 1941–1944 гг. В результате жесткого давления Москвы это требование было удовлетворено осенью 1945 г., а в феврале 1946 г. бывший президент Ристо Рюти и еще семь «виновников войны» были осуждены на длительные сроки заключения¹.

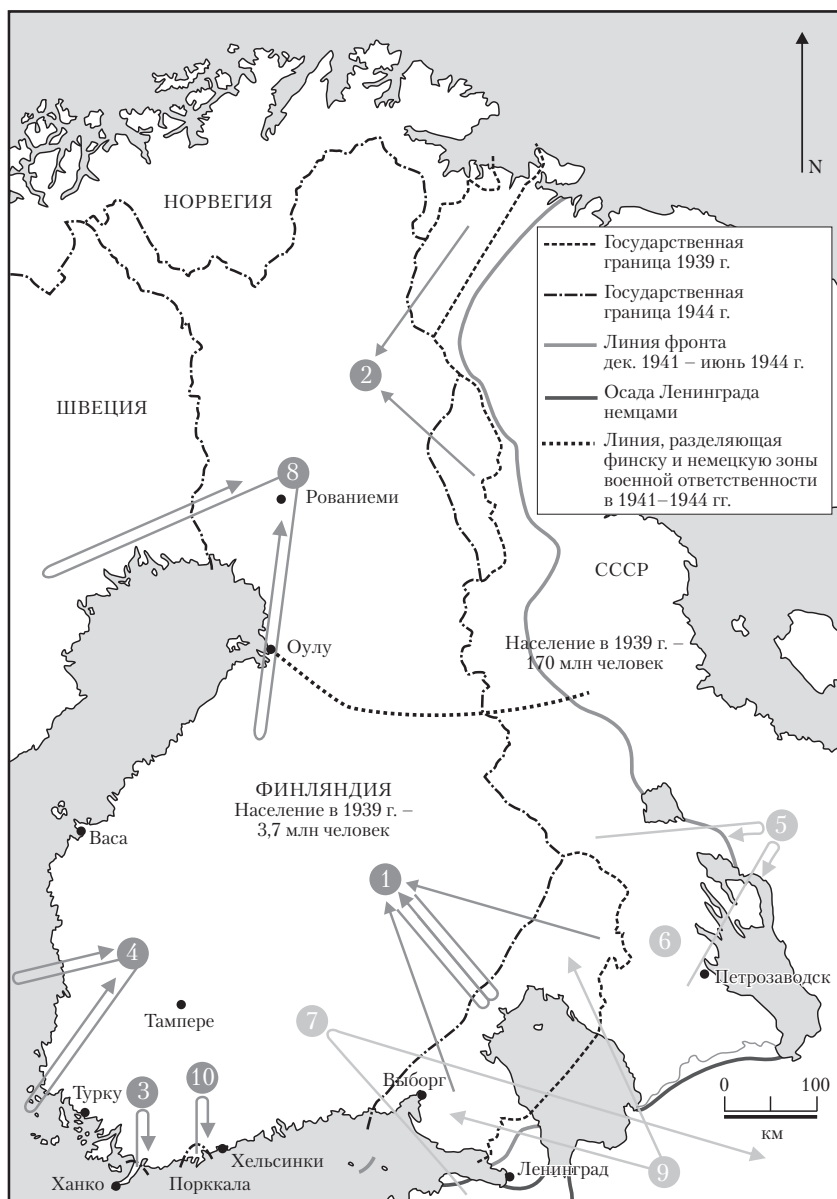
Главкомандующий Маннергейм с августа 1944 г. занимал и пост президента Республики, но предпочитал большую часть времени проводить в своей военной штаб-квартире в Миккели, в озерном краю на юго-востоке Финляндии. Официально это объяснялось его обязанностями по оперативному руководству военными действиями в Лапландии, но, очевидно, он оставался там и по соображениям безопасности. Советское вторжение или военная провокация по-прежнему считались вероятными, да и присутствие Контрольной комиссии в Хельсинки с ее постоянными требованиями вызывало тревогу.

Однако для простых людей жизнь к тому времени начала меняться. Последние погибшие солдаты упокоились на кладбищах родных приходов. Закончилась демобилизация армии: мужчины вернулись к своим семьям и работе. Более полумиллиона эвакуированных гражданских жителей Карелии, Лапландии и Порккалы находились во временных пунктах размещения, ожидая нового жилья².

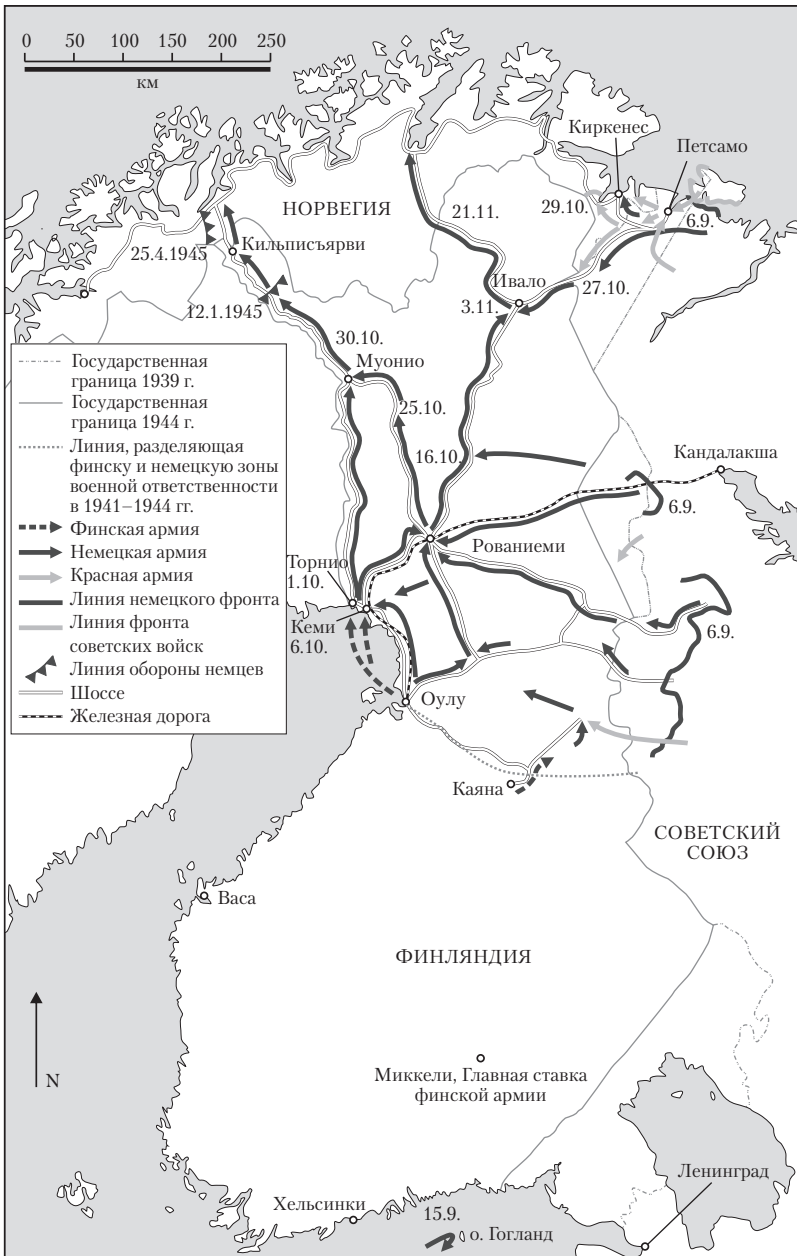
В тот момент мало у кого были время и возможность задуматься над долгосрочными итогами войны. Но к началу 1950-х гг., когда общество уже достаточно оправилось от пережитого, память о войне обрела более четкие очертания. Финны осознали, что их страна – единственное из малых государств, «зажатых» между Германией и СССР, которому удалось избежать оккупации. А с этим осознанием все большая часть населения стала ценить и усилия народа в годы войны, и мирные отношения с Советским Союзом, закрепленные Договором о дружбе 1948 г., который оставался в силе много десятилетий – вплоть до января 1992 г.

¹ *Tarkka J.* 13 artikla: Suomen sotasyllisyyskysymys ja liittoutuneiden sotarikospolitiikka vuosina 1944–1946. Helsinki, 1977. P. Passim.

² *Meinander H.* Finland 1944... P. 341–370.

Эвакуация, переселение и депортация гражданского населения
 в Финляндии и Советской Карелии (1939–1945 гг.)

Военные действия против немецкой армии в Лапландии (осень 1944 г.)

Условные обозначения

Финские граждане:

1 =	Эвакуированные финские карелы, 1939–1940 гг. и 1944 г. ¹	~ 407 000
	Из них вернулись в отвоеванные земли, 1941–1944 гг. ²	~ 280 000
2 =	Эвакуированные из Печенег, Сала и Куусамо, 1939–1940 гг. и 1944 г. ¹	11 000
3 =	Эвакуированные из Ханко, март 1940 г. (вернулись в 1941–1942 гг.) ¹	5000
4 =	Финские дети, отправленные в Швецию и Данию, 1939–1944 гг. ³	~ 80 000
8 =	Эвакуированные в период Лапландской войны, 1944–1945 гг. ⁴	104 000
10 =	Эвакуированные из Порккала, сентябрь 1944 г. (вернулись в 1956 г.) ¹	8000

Советские граждане:

5 =	Эвакуированные из оккупированной финнами Советской Карелии, 1941 г.	~ 200 000
6 =	Советское население на оккупированной финнами территории, 1941–1944 гг. ⁵	85 000
	В том числе интернированные в пересыльных/концентрационных лагерях, макс. ⁵	24 000
7 =	Финские ингерманландцы. Переселенные в Финляндию, март 1943 – июнь 1944 г. ⁶	63 000
	В том числе депортированные обратно в Советский Союз, 1944–1945 гг. ⁶	55 000
9 =	Советские граждане, переселенные в оккупированную Финскую Карелию:	~ 170 000
	после зимней войны, 1940–1941 гг.	
	после войны-продолжения, 1944–1945 гг. ⁷	~ 100 000

Источники:

¹ Tarja Raninen-Siiskonen. Vieraana omalla maala: Turkimus karjalaisen siirtoväen muistelukererronnasta. Helsinki, 1999. P. 13–15.

² *Silvo Hietanen*. «Evakkovuosi 1944 – jälleen matkassa» in Kansakunta sodassa. Vol. 3: Kuilunyli. Helsinki, 1992. P. 130.

³ Heikki Salminen. Lappukaulassa yli Pohjanlahden: Suomalaisten sotolasten historia. Turku, 2007. P. 6.

⁴ *Martti Ursin*. Pohjois-Suomentuhotja jallen rakennus saksalaissodan 1944–1945 jälkeen. Rovaniemi, 1980. P. 31.

⁵ Antti Laine. Suur-Suomen kahdet kasvot: Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessamiehitys hallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. P. 96–102, 119.

⁶ Pekka *Nevalainen*. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1990. P. 59, 296, 297.

⁷ *Antti Laine*. «Neuvostovallan alkuvaiheet 1950-luvun ensivuosiinasti» in Viipurinlaanin historia. Vol. VI: Karjalaitä rajanvarjossa. Lappeenranta, 2010. P. 398, 405, 406.

Ю. И. Мошник (Выборг)

«В НАПРАВЛЕНИИ ПЕТСАМО». ДЕЙСТВИЯ III АРМЕЙСКОГО КОРПУСА ФИНСКИХ СИЛ ОБОРОНЫ В ОКТЯБРЕ 1944 г.

Аннотация: Согласно условиям Соглашения о перемирии, заключенного 19 сентября 1944 г. СССР и Великобританией с Финляндией, на финские силы обороны возлагалось обязательство по разоружению и интернированию немецких войск, находившихся с лета 1941 г. на территории Финляндии. 1 октября 1944 г. с высадки финского десанта в порту Торнио началась военная операция в Лапландии, в которой недавние «братья по оружию» перешли к вооруженному противостоянию. Статья посвящена наступлению III Армейского корпуса финских сил обороны в начальный период Лапландской войны, а также вопросам взаимодействия финского военного командования с представителями Союзной контрольной комиссии в Финляндии и командованием частей Карельского фронта.

Ключевые слова: Лапландская война, К. Г. Маннергейм, Я. Сийласвуо, Союзная контрольная комиссия, С. Ф. Токарев, силы обороны Финляндии.

Yu. I. Moshnik

«TOWARDS PETSAMO». MILITARY ACTIONS OF THE III FINNISH ARMY CORPS IN OCTOBER 1944

Abstract: According to the terms of the cease fire agreement, concluded on September 19, 1944 by the USSR and Great Britain with Finland, the Finnish defense forces were obligated to disarm and intern the German troops stationed in Finland since the summer of 1941. On October 1, 1944, the date of the Finnish landing in the port of Tornio, a military operation began in Lapland. Recent «brothers in arms» switched to armed confrontation. The article is devoted to the offensive of the III Army Corps of the Finnish Defense

Forces in the initial period of the Lapland War, as well as the interaction of the Finnish military command with representatives of the Allied Control Commission in Finland and the command of the units of the Karelian Front.

Key words: Lapland war, K. G. Mannerheim, J. Siilasvuo, Allied Control Commission, S. F. Tokarev, Finnish Defense Forces.

4 сентября 1944 г., в день прекращения боевых действий между СССР и Финляндией, в штаб 19-й армии Карельского фронта поступила директива Военного Совета фронта, в которой содержался приказ «привести войска в полную готовность, чтобы немедленно по особому приказу фронта перейти в наступление с задачей разгромить 36 АК противника и, овладев Рованиеми, не допустить отхода сил 20 Лапландской армии в Норвегию и к Ботническому заливу»¹. Очевидно, что на тот момент советское военное командование предполагало вести военные действия против 20-й горной армии на территории финской Лапландии. Прекращение огня и начало мирных переговоров с Финляндией позволило эти планы скорректировать: выдворение немецких войск из Финляндии было возложено на сами финские силы обороны. Согласно второму пункту Соглашения о перемирии, заключенного Финляндией с СССР и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии в Москве 19 сентября 1944 г., Финляндия давала обязательство «разоружить германские наземные, морские и воздушные вооруженные силы, которые остались в Финляндии после 15 сентября 1944 г., и передать их личный состав Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военнопленных...»².

Вскоре после заключения перемирия, представитель ставки финского главного командования подполковник Уско Сакари Хааhti провел в Рованиеми переговоры с начальником штаба 20-й немецкой горной армии генерал-майором Херманом Хёлтером о практических мерах по выводу немецких войск. Они достигли договоренности о тайном сотрудничестве, которое позволило бы немецким войскам организованно отступать, используя железные дороги, а также избегать вооруженных столкновений и не уничтожать имущество³. Тогда же существовавшая с июня 1941 г. линия разграничения зон опера-

¹ ЦА МО. Ф. 214. Полевое управление Карельского фронта. Оп. 1437. Д. 2023. Л. 12.

² Suomen asetuskokoelma. 1944. № 645a. S. 1153.

³ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения / пер. с фин. З. Линден. М., 2014. С. 283.

тивного руководства немецких и финских воинских частей была смещена на восточном участке к северу¹.

Однако договоренность о мнимых военных действиях вскоре была нарушена, когда 15 сентября немецкий морской десант неожиданно для финнов попытался овладеть островом Суурсаари (Гогландом)² и финским силам обороны пришлось вступить в прямое противостояние с войсками вермахта. В любом случае, имитация боевых действий не могла бы продолжаться долго, поскольку советское командование узнало о «слаженном взаимодействии» немцев с финскими властями еще на этапе переговоров с финской делегацией в Москве³. Командующий 20-й горной армией генерал-полковник Лотар Рендулич писал впоследствии: «Для эвакуации из Лапландии армии требовалось... от двух до трех месяцев. Русские знали это. Поэтому столкновение с финнами было неизбежным»⁴. Он же вспоминал, что финны не чинили никаких препятствий, когда немцы взрывали ведущие на юг дороги: медлительность финнов, преследующих отступающие немецкие войска, получала, таким образом, оправдание в глазах Союзной контрольной комиссии. Генерал, однако, умалчивает о том, что помимо взорванных дорог и мостов, немцы сжигали дома эвакуированных жителей в Восточной Лапландии, и эти действия были восприняты финской стороной с заметным раздражением. Тем не менее, вплоть до конца сентября «осенние маневры» вермахта и финских подразделений удавалось согласовывать. Как отмечалось в журнале боевых действий оперативного отдела штаба III АК «немцы сражаться не хотят и сдаваться тоже не желают»⁵.

Еще в начале сентября началась переброска финских войск на север. К 9 сентября в район поселка Кухмо была переведена 6-я пехотная дивизия⁶, а к югу от Оулу передислоцировалась 15-я пехотная бригада. Именно на эти подразделения главнокомандованием воз-

¹ Микола К., Рейни К. Военные действия финнов против немцев на севере Финляндии в 1944 г. // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 26.

² Kansallis Arkisto (далее – КА). Sotapäiväkirjat-kokoelma (далее – СПК). Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Т-202882. Päämaja. Operatiivinen osasto. S. 392.

³ Куликов А. И. В сентябре 1944 года. Советско-финляндские переговоры о перемирии (по протокольным записям) // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 91.

⁴ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974. С. 191.

⁵ КА. СПК. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Т-4260. III Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto 1944–1944. S. 4.

⁶ Ibid. Т-5526. 6. Divisioonan esikunta. Operatiivinen osasto. S. 441.

лагалась задача по интернированию немецких войск¹. 19 сентября, в день заключения перемирия, «все подразделения на пространстве между от Оулуярви до Ботнического залива, а также подразделения Пеннанен в Кеми» были переданы приказом главнокомандующего в подчинение генерал-лейтенанта Рубена Лагуса². К 27–30 сентября в Оулу прибыла 3-я пехотная дивизия под командованием генерала Ааро Паяри. В конце месяца приказ о передислокации в район Оулу получила 11-я пехотная дивизия, а на востоке страны в район Суомуссалми была переброшена Пограничная егерская бригада. Общее руководство было возложено на штаб III Армейского корпуса, дислоцированный в Оулу. Командующим корпусом 27 сентября был назначен генерал-лейтенант Ялмар Сийласвуо.

Финские войска переводились на северное направление, преимущественно с Карельского перешейка. Это были участники недавних тяжелых боев, которым теперь предстояло встретиться с отдохнувшим, прекрасно вооруженным и знающим местные условия противником. Помимо тех солдат, кто воевал уже четвертый год, были и те, кто оказался на фронте только сейчас. Среди последних были, например, призывники из числа ингерманландских финнов, вывезенных с оккупированных вермахтом районов Ленинградской области в 1943 г. – то есть советские граждане, теперь воевавшие за Финляндию. Один из таких солдат писал из Оулу своей подруге: «Я сейчас в Северной Финляндии... Осталась ли ты здесь или вернулась домой? Если ты еще здесь, то когда освобожусь из армии, сразу приеду повидаться»³. Его письмо трогает недоуменной интонацией человека, против воли оказавшегося на чужой войне.

Вообще же для первых дней Лапландской войны недоумение, неприятие сложившейся ситуации было едва ли не самым сильным чувством. Вчерашние «братья по оружию» стали врагами. Вчерашний противник стал если не союзником, то стороной, диктующей свои правила. Еще летом 1944 г. сама возможность повернуть оружие против немцев расценивалась как подлость, на которую ни один финн не сможет пойти: «Дружба каждому человеку дорога. Финская армия всегда получала помощь от Германии, и поэтому мы не можем изменить германцам. Такому подлостью Финляндия ни-

¹ *Jääskeläinen H.* Suomalaisten sotilaalliset valmistelut Lapin sotaa 1944–1945 varten, sotaan varatut joukot sekä niiden soveltuvuus sotatoimiin Lapissa erityisesti taktiikan ja johtamistoiminnan kannalta tarkasteltuna // KA. Sotakorkeakoulu. DI 1283, 1977.

² KA. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. T-202882. S. 431.

³ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. 542. Коллекция писем 1933–1945 гг. Оп. 1. Д. 28.

когда не сможет сделать»¹, – заверяли органы военной пропаганды. В сентябре об этом пришлось забыть. 29 сентября 1944 г. финские войска понесли первые потери в боевых действиях против немцев. Пять солдат погибло в бою за мост у деревни Олхава, в приходе Ий².

Под контролем немецкой военной администрации в Лапландии находилось два расположенных рядом порта – Кеми и Торнио. К концу сентября там располагались только вспомогательные части, и генерал Я. Сийласвуо принял рискованное решение об организации десанта в Кеми. Первоначально высадка планировалась в ночь на 29 сентября, но из-за шторма операцию отложили. Кроме того, поступили сведения о том, что в Кеми находятся танковые войска немцев. Высадку перенесли в порт Рёуття в Торнио, где она и была реализована в ночь на 1 октября. Основной удар осуществляла 3-я пехотная дивизия. Первый эшелон составили подразделения 11-го пехотного полка под командованием генерал-лейтенанта Вольфа Халсти. Высадившись в Рёуття, Халсти докладывал в штаб III Армейского корпуса, что немцы еще в Торнио. «Окружение двумя ротами, под мостами, вброд. Немцы просят перемирия. Ответили, что требуем сдачи, или бой будет продолжаться»³. Сообщение недвусмысленно указывает на то, что войска вермахта не были готовы к тому, что война перестает быть притворной. Генерал Сийласвуо в интервью газете «Svenska Dagbladet» возложил ответственность за переход противостояния в активную фазу на противника, пояснив, что «действия немцев⁴ лишь облегчают финнам задачу»⁵.

На следующий день в Кеми по приказу Л. Рендулича была арестована группа гражданских лиц в качестве заложников. Немцы потребовали от финнов немедленно прекратить наступление, но угроза не возымела действия. Датированный этим же днем оперативный план III АК включал следующие задачи: «Армейский корпус окружает немецкие войска к юго-востоку от Кемийоки, перекрывает переправы через Кемийоки и продолжает наступление на Рованиеми и Юли-

¹ KA.T-5684/4. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. Yleinen ja salainen kirjeenvaihto. 1944.

² *Kulju M.* Tornion maihinnousu 1944. Helsinki, 2009. S. 37.

³ KA. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. T-4260. S. 19.

⁴ Имеется в виду методичное уничтожение немцами имущества эвакуированного населения Лапландии. Как отмечает исследователь истории Лапландской войны М. Кулю, генерал-полковник Л. Рендулич, «прославившийся» уничтожением Лапландии огнем, лишь воплотил план, разработанный своим предшественником на посту командующего армией генерал-полковника Э. Дитля по прямому указанию Гитлера (*Kulju M.* Lapinsota. 1944–1945. Helsinki, 2013. S. 19).

⁵ Laatokka. 1944. № 221. Lokakuu, 04. S. 1.

Торнио. <...> Группа Лагус (бронетанковая дивизия и 6-я пехотная дивизия) наступают от Пудасярви на Рованиemi. 15-я бригада наступает по прибрежному шоссе в сторону Кеми. <...> Основные силы 3-й пехотной дивизии из Торнио имеют ориентир на Кемийоки и, вдоль ее западного берега, на Рованиemi...»¹.

С этим планом командующий III АК генерал Я. Сийласвуо ознакомил прибывшего в Оулу 2 октября помощника по военным делам председателя Союзной контрольной комиссии генерал-майора Сергея Федоровича Токарева, который взял у командующего корпусом для ознакомления схему расположения финских и немецких частей, генеральный план, оперативные сводки и все оперативные приказы. В переданных Токареву планах содержалась информация о двух основных направлениях наступления финнов: одна дивизия должна была продвигаться по направлению к Рованиemi, две другие наступали в северном направлении, к Муонио². Токарев сообщил Сийласвуо, что части Красной армии, оказавшиеся на финской территории в районе Суомуссалми и Куусамо в результате оперативных действий, должны в скором времени отступить за линию границы и останутся в районе Салла. Кроме того, Токарев высказал мнение, что «чем быстрее будет произведено интернирование, тем раньше Финляндия сможет вернуться к мирной жизни»³, после чего отправился осматривать корабли в порту Оулу и встречаться с генералом Р. Лагусом. Очевидно, что в ходе этой (и последующих) встреч финское военное командование оставалось в подчиненном положении и было вынуждено беспрекословно выполнять указания советской стороны.

Добавим к этому, что страх перед возможной советской оккупацией порождал не только у военных, но и у гражданских лиц в Финляндии недоверие и неприязнь к представителям Союзной контрольной комиссии. Профессор Х. Мейнандер приводит весьма характерное воспоминание финской девушки П. Яухийнен, увидевшей осенью 1944 г. в ресторане г. Кархула «трех иностранцев в черных шинелях» и узнавшей в них офицеров из Контрольной комиссии – и эта встреча вызвала в ней чувство неистребимой ненависти⁴. Но было и другое отношение. Так, Х. Тервенен писала подруге 6.11.1944 г.: «Сюда в Хямеенлинну... приехала русская контрольная комиссия, я видела их в субботу на вокзале. Какие же они видные

¹ KA. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. T-202882. S. 504.

² Ibid. T-4260.

³ Ibid. T-4276. III Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto 1944–1944. S. 151.

⁴ Цит. по: Мейнандер Х. Указ. соч. С. 262.

мужчины и какая у них хорошая одежда!»¹ Реалии жизни финского общества осенью 1944 г. были полны подобных противоречий.

На протяжении семи суток, с 1 по 7 октября, в окрестностях Торнио и в направлении Кеми велись ожесточенные бои, причем немцы оказались вынуждены отбивать атаки финнов, прикрывая отступление основных сил. Особенно тяжелым оказался день 6 октября, когда финнам при поддержке артиллерии удалось, наконец, полностью овладеть ситуацией. В итоге 337 немецких солдат было интернировано. В боях погибло 200 немецких и 189 финских солдат². В Кеми в плен было взято около 300 немецких солдат. В донесении участвовавшей в боях под Кеми 15-й бригады сообщалось, что в числе военных трофеев оказалось «много вина, что вызвало затруднения»³. Несмотря на приложенные усилия, задачу по окружению и пленению немецких частей финской армии выполнить не удалось: основные силы немцев смогли отойти по шоссе Кеми – Рованиemi. При отступлении немцы минировали дороги и взрывали все мосты. Отступление частей вермахта оказалось успешным еще и потому, что финны практически не использовали авиацию.

Сразу после того, как бои под Торнио и Кеми закончились, в штаб корпуса прибыло три военных представителя Союзной контрольной комиссии: полковники Шерстков и Вагитов и подполковник Маховский, интересовавшиеся дальнейшими планами наступления, положением с ремонтом мостов, транспортной обеспеченностью финских войск и сроками планируемых операций. Когда Сийласуо попытался возразить, что он уже предоставил необходимые сведения генерал-майору Токареву, советские офицеры заявили, что «ситуация существенно изменилась»⁴. А утром 13 октября в штаб III АК вновь прибыл сам С. В. Токарев, который высказал свое удовлетворение быстротой, с которой было проведено наступление в направлении от Торнио и Кеми к Рованиemi, и ознакомился с новыми оперативными планами. По словам Сийласуо, его войскам была поставлена задача как можно скорее продвинуться в Кемиярви, а также в сторону Муонио, поскольку оттуда на север вело лишь одно шоссе, по которому немцы могли отступить в Норвегию. Перекрыв эту дорогу, можно было взять «в клещи» их основные силы. Озвученное генералом Сийласуо предложение еще ранее было высказа-

¹ ЛОГАВ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.

² *Мейндер* Х. Указ. соч. С. 289. Микола–Рейни приводят следующие цифры: более 1000 убитых немцев и 558 пленных. Финские потери составили 1236 человек (С. 32).

³ КА. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Т-4276. S. 171.

⁴ *Ibid.* S. 172.

но К. Г. Маннергеймом во время встречи с А. А. Ждановым. Речь шла именно о том, что финские войска перекроют шоссе за Муонио и отрежут, таким образом, немецким войскам возможности к отступлению¹. План в целом был одобрен Токаревым, который все же считал, что операция будет успешнее, если военно-воздушные силы (отдельная группа под командованием полковника Олави Сарко) перейдут в подчинение III АК. Когда же Токарев упрекнул Сийласвуо в том, что восстановление дорог ведется недостаточно быстро, тот не смог сдержать раздражение, заявив, что финские войска делают все, что от них зависит. С начала операции в порту Торнио к этому времени около 2000 немецких солдат, по словам командующего корпусом, было убито, более 1000 взято в плен и примерно 4000 получили ранения². Со своей стороны Сийласвуо старался узнать у Токарева, каковы планы советского командования в районе Суомуссалми – Куусамо – Салла и когда части Красной армии покинут территорию Финляндии. Токарев заверил, что советские войска не планируют продвигаться на запад, а присутствие их на востоке Финляндии продиктовано только оперативными задачами.

Помимо контроля над действиями финского командования в ходе очных контактов, представители Союзной контрольной комиссии проверяли информацию о возможных нарушениях соглашения о перемирии, полученную из других источников и требовали отчета. После боев в Торнио маршал Маннергейм был проинформирован советской стороной о том, что есть основания предполагать перемещение раненых немецких солдат на территорию Швеции при содействии или попустительстве финнов³. Маннергейм потребовал объяснений от Сийласвуо, однако тот заверил, что подчиненные ему подразделения выполняют возложенные на них задачи⁴.

На протяжении всего октября район Суомуссалми – Юнтусранта – Куусамо и Салла оставался территорией соприкосновения подразделений 26-й армии Карельского фронта и финской Пограничной бригады под командованием полковника Кууста Инкала. Хотя на пограничную бригаду боевых задач не возлагалось, они должны были следить за перемещениями советских войск. Солдаты 26-й

¹ *Мейландер Х.* Указ. соч. С. 278.

² KA. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. T-4260. S. 82.

³ *Ibid.* T-4276. S. 181, 184.

⁴ В середине октября в ходе проверки выяснилось, что вывоз раненых немцев в Швецию не осуществлялся, однако пленные немецкие военные в Торнио почти не охранялись и без особенного труда в темное время суток могли бежать из барачных помещений, где они содержались, и переправляться в Хапаранду. Дело было передано в полевой суд.

армии, в свою очередь, осуществляли патрулирование и разведку, периодически попадая в поле зрения Пограничной бригады. Так, 2 октября в районе Алаярви финнами была задержана разведгруппа, состоящая из 4 офицеров и 14 рядовых, а несколькими часами позже – еще одна группа в 12 человек (1 офицер и 11 рядовых). После короткого допроса они были отпущены¹. А 3 октября, как следует из «Журнала боевых действий 26-й Армии» за октябрь 1944 г., уже советские бойцы задержали «две группы финских военнослужащих в количестве 8 человек, которые вышли в районы, занятые нашими войсками... Задержанные военнослужащие показали свою принадлежность к егерскому взводу штабной роты пограничной егерской бригады. Взвод имеет задачу регулировать движение проходящих финских частей»². Последовавшая вскоре директива Военного совета армии предписывала не задерживать финских солдат и офицеров.

Вечером 16 октября подразделения 3-й пехотной дивизии финских сил обороны вступили в Рованиemi. Двумя днями ранее со стороны Пудасярви к городу подошла бронетанковая дивизия Р. Лагуса. Совместно с 6-й дивизией танкисты вышли на подступы к городу, но наткнулись на серьезное сопротивление противника. Рованиemi, где до недавнего времени располагался штаб 20-й горной армии, был полностью уничтожен немецкими войсками. Город представлял из себя дымящееся поле: из 1000 городских зданий уцелело не более 50³. Как показали дальнейшие события, разрушение и полное уничтожение ждало практически все населенные пункты, расположенные рядом с путями отступления немцев. В Муонио, Соданкюля, Ивало не были сожжены только церкви.

Действия финской армии под Рованиemi оказались недостаточно эффективными: немцам удалось вывести войска из-под удара без значительных потерь. 16 октября А. А. Жданов направил К. Г. Маннергейму резкое письмо, в котором требовал немедленной мобилизации всех имеющихся ресурсов для остановки войск вермахта⁴. Генерал-полковник упрекал финское командование в том, что отдельные успехи финских войск по овладению Торнио и Кемпи не были развиты в общий успех операции, несмотря на то, что были все возможности для этого. Особенное недовольство Жданова вызвали действия группы Лагуса, провалившейся, по его словам, опера-

¹ КА. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Т-4260. S. 23.

² ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1427. Д. 2029. Л. 3.

³ *Kulju M.* Lapin sota. 1944–1945. S. 268–270.

⁴ *Веригин С. Г., Чумаков Г. В.* Российский взгляд на Лапландскую войну: по материалам центральных российских архивов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 76–77.

цию по блокированию немцев под Рованиеми. Союзная контрольная комиссия потребовала срочно, в течение двух суток, приложить все усилия к разоружению и интернированию немецких войск, угрожая, в случае невыполнения, принять меры, которые Комиссия сочтет необходимыми.

После того, как финские войска заняли Рованиеми, фронт разделился на два основных направления: вдоль западной границы подразделения 11-й пехотной дивизии преследовали войска вермахта в направлении Муонио, в центральной Лапландии наступление велось в северо-восточном направлении, к Ивало. Общее руководство военными действиями в Лапландии было передано новообразованной группе «Лапландия» под командованием генерал-лейтенанта Х. Эквиста¹. К 30 октября Муонио был взят, но немецкие войска успели отойти к Килписярви. На востоке Пограничная бригада продвинулась на север к Савукоски, а группа Лагус – к Вуотсо. Немцы отступали, применяя тактику «выжженной земли» – и финские войска застревали, поскольку по уничтоженным дорогам невозможно было провести тяжелую артиллерию. Много времени требовалось на строительство паромных переправ на месте взорванных мостов. После вступления финских войск в Ивало 5 ноября боевые действия фактически прекратились.

Людские потери периода Лапландской войны в основном пришлись на октябрь 1944 г. Подразделения 20-й горной армии в противостоянии с финнами потеряли 1814 человек убитыми и 1305 пленными. Финские потери исчислялись 3940 военнослужащими (774 убитых, 2904 раненых, 262 пропавших без вести)².

¹ KA. SPK. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. T-4276. S. 232.

² Эрккиля В., Иивари П. К вопросу о получении новых сведений о Лапландской войне путем международного сотрудничества // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы VI научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Петрозаводск, 1–3 июня 2015 года). Петрозаводск, 2016. С. 144.

А. А. Чапенко (Мурманск)

**«УБЬЕШЬ НЕМЦА НА СЕВЕРЕ – ЛЕГЧЕ СТАНЕТ
ТВОИМ ТОВАРИЩАМ НА ЮГЕ»: ПОЗИЦИОННАЯ
ВОЙНА НА МУРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ,
1941–1944 гг.**

Аннотация: В статье представлена попытка наметить ключевые аспекты позиционной войны на Мурманском направлении в 1941–1944 гг. – от момента срыва замысла противника по захвату Мурманска в сентябре 1941 г. до начала Петсамо-Киркенесской операции осенью 1944 г. Эта последняя наступательная операция Красной армии знаменовала собой полное освобождение Советского Заполярья и Северной Норвегии и фактическое прекращение войны на данном театре военных действий. Автор фокусирует внимание на главных аспектах этой позиционной войны, ее причинах, действиях сторон, характеристике ключевых этапов противостояния на Мурманском направлении. Статья представляет собой фактически попытку постановки проблемы, которая нуждается в дальнейшем более пристальном и всестороннем изучении на основании архивных материалов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война в Заполярье, Мурманское направление, Петсамо-Киркенесская операция, позиционная война, 14-я армия, горный корпус «Норвегия», Мурманская группа войск, XIX горный корпус, апрельско-майская наступательная операция 1942 г., 20-я горная армия.

A. A. Chapenko

**«KILLING A GERMAN IN THE NORTH, YOU’RE
HELPING YOUR COMRADES IN THE SOUTH»:
POSITIONAL WAR ON THE LITSA FRONT, 1941–1944**

Abstract: The article outlines key aspects of the positional war on the Litsa Front 1941–1944, from the moment the enemy’s plan to seize Murmansk

was disrupted in September 1941, until the start of the Petsamo-Kirkenes Offensive in the autumn of 1944. This last offensive operation of the Red Army in the fall of 1944 resulted in the liberation of the Soviet Arctic and Eastern Finnmark in Northern Norway and the actual cessation of war in the theater of operations of the Soviet Northern Front. The author focuses on the main aspects of this positional war, on its causes, on the actions of the warring parties, on the characterization of the key stages of this confrontation in the Murmansk direction. The article addresses issues that need further closer and comprehensive study on the basis of archival materials from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: The Great Patriotic War in the Arctic, the Murmansk direction, the positional war, the 14th army, the mountain corps «Norway», the Murmansk group of troops, the 19th mountain corps, the April-May offensive operation in 1942, the 20th mountain army, Petsamo-Kirkenes Offensive.

«Убьешь немца на Севере – легче станет твоим товарищам на Юге» – именно под таким лозунгом в частях 14-й армии Карельского фронта в июне–ноябре 1942 г. проходили партсобрания¹. Этот необычный призыв, рожденный в условиях, наверное, сложнейшего периода Великой Отечественной войны, в полной мере показывает дуализм ситуации, связанной со значимостью того или иного фронта в разные периоды войны.

С одной стороны, этой фразой подчеркивается некая явная второстепенность театра боевых действий за Полярным кругом в сравнении с остальными участками советско-германского фронта, где в это время кипели ожесточенные бои и действительно происходили судьбоносные процессы, напрямую повлиявшие на исход Великой Отечественной.

С другой стороны, несмотря на то, что на Севере, исключая относительно короткий период лета–осени 1941 г. и апреля–мая 1942 г., не происходило крупных наступательных операций армейского или, тем более, фронтового масштаба, война здесь все равно велась. Может быть, не с такой интенсивностью и не с теми масштабами сил, как на юге, но, тем не менее, военнослужащие Красной армии выполняли каждодневные боевые задачи, уничтожали врага, несли потери, стараясь в меру своих скромных сил и не менее скромных возможностей Карельского фронта приблизить победу над противником.

¹ ЦА МО. Ф. 1280 Управление 101-й гвардейской (14-й) стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

Нанесенный ими урон противнику, может быть, и не был столь ощутимым, но свою лепту в победу над неприятелем войны, сражавшиеся на Мурманском направлении в позиционной войне 1941–1944 гг., безусловно, внесли.

Возможно, именно в силу своей мнимой незначительности тема позиционной войны, как некая хроника, построенная на анализе оперативных документов штаба 14-й армии, не становилась объектом пристального внимания со стороны профессиональных историков. Достаточно поверхностно этот вопрос рассматривался и в советской мемуаристике. Так, командующий Мурманской группой войск (или как ее по-другому называли Мурманской оперативной группой) генерал-майор Г. А. Вещезерский, касаясь позиционной войны в Заполярье, более или менее подробно остановился только на боях за высоты 314.9 и 258.3 в ноябре–декабре 1941 г.¹ Немного более информативны в этом плане мемуары Х. А. Худалова, который прошел всю войну в Заполярье. Начал он ее летом 1941 г. майором и командиром 62-го отдельного разведывательного батальона 52-й стрелковой дивизии, а закончил осенью 1944 г. генерал-майором, командиром 10-й гвардейской Сталинской стрелковой (бывшей 52-й стрелковой) дивизии. Харитон Алексеевич весьма подробно остановился на боях ноября 1941 г. за высоту 314.9², однако полностью провальную для советской стороны апрельско-майскую наступательную операцию 1942 г. он совершенно обошел вниманием. Зато автор мемуаров не забыл упомянуть о гораздо более значимом для него событии – визите в 10-ю гвардейскую Сталинскую стрелковую дивизию лектора мурманского горкома партии Антонины Ивановны Зелениной, которая неделю гостила у Х. А. Худалова, рассказывая бойцам о том, как живут и работают трудящиеся города и области по закону военного времени – все для фронта, все для победы над врагом³.

Фактически с завершением активной фазы боев с противником в летне-осеннюю кампанию 1941 г., примерно с конца сентября 1941 г., в боевых действиях на Мурманском направлении наблюдалось относительное затишье.

Крупных наступательных операций ни советская 14-я армия, ни неприятельский горный корпус «Норвегия», переименованный 10 ноября 1942 г. в XIX горный корпус, более не предпринимали. Связано это было с тем, что каждая из сторон понесла большие поте-

¹ *Вещезерский Г. А.* У хладных скал. М., 1965. С. 144–146.

² *Худалов Х. А.* У кромки континента. М., 1974. С. 69–72.

³ Там же. С. 78.

ри и была обескровлена в боях июня–сентября 1941 г. Как отмечают Крис Манн и Кристер Йоргенсен, арктический фронт у противника, с переходом сторон к позиционной войне, получил меткое наименование – «замерзший фронт»¹.

Хотя следует признать, что в сентябре–октябре 1941 г. определенные шансы на успешные наступательные действия у советских частей были. Связано это было с тем, что противник в это время осуществлял перегруппировку своих сил. Неприятель заменил на позициях две свои изнуренные непрерывными боями горные дивизии – 2-ю и 3-ю, свежей 6-й горной дивизией, которая начала пребывать на фронт в район реки Западная Лица из Греции еще в сентябре 1941 г.² Для более эффективной обороны враг принял решение о значительном выравнивании и сужении линии фронта³. Эти действия неприятель осуществлял в октябре. Немцы сохранили контроль над плацдармом на правом берегу реки Западная Лица, захваченном еще в июле 1941 г. (треугольник высот 258.3–314.9–263.5). Вдоль левого берега они силами своих саперных частей начали возведение нескольких линий опорных пунктов, на которых планировали находиться в глубокой пассивной обороне⁴.

Есть косвенные факты, что Ставка Верховного Главнокомандования и штаб Карельского фронта настаивали на том, чтобы сразу после срыва сентябрьского наступления врага силы 14-й армии, сражавшиеся на Мурманском направлении, немедленно атаковали противника и попытались закрепить свой успех, достигнутый в отражении сентябрьского наступления неприятеля. Однако, скорее всего, в силу того, что 52-я и 14-я стрелковые дивизии были максимально изнурены боями, а Полярная дивизия фактически не представляла собой сплоченного соединения, этот замысел так и не был реализован.

Таким образом, шанс воспользоваться перегруппировкой сил неприятеля, атаковать его и отбросить назад, к границе, по выше обозначенным причинам осенью 1941 г. использован не был.

Только в ноябре–декабре 1941 г. советская сторона предприняла попытки локальных наступательных действий с целью вы-

¹ Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике. Боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945 / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М., 2010. С. 99.

² ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6230. Д. 5. Л. 56.

³ Rief H. Gebirgsjäger vor Murmansk. Der Kampf des Gebirgskorps «Norwegen» an der Eismeerfront 1941/42. Innsbruck, 1957. S. 166.

⁴ Rief K. Odyssee einer Gebirgs-Division: Die 3. Gebirgs-Division im Einsatz. Graz, 1976. S. 217–218.

равнивания фронта и восстановления контроля над высотами, господствующими над долиной реки Западная Лица по ее правому берегу. Полярная дивизия к этому времени уже окончательно убыла с Мурманского направления, а на смену ей, на помощь 52-й и 14-й стрелковым дивизиям, на фронт пришла 12-я особая бригада морской пехоты Северного флота, сформированная в Архангельской области¹.

Однако несмотря на то, что на бумаге был создан выглядывший солидным перевес в силах над врагом – две стрелковые дивизии и бригада против одной немецкой горной дивизии, ситуация на фронте к концу октября 1941 г. складывалась не в пользу советской стороны. Ключевым фактором стала погода, игравшая на руку неприятелю. Выпал глубокий снег, значительно затруднявший передвижение войск вне дорог, которых в районе боевых действий фактически и не было. Значительно сократился световой день, а в начале декабря вообще началась полярная ночь. С одной стороны, темнота помогала готовившим наступление соединениям Красной армии, но с другой, она же и затрудняла координацию боевых действий, усложняла взаимодействие подразделений. Это вносило очень серьезные коррективы в ведение локальных боевых действий зимой 1941/1942 гг.

Первой локальной наступательной операцией на Мурманском направлении в условиях набравшей обороты позиционной войны стал штурм стратегически важных высот 314.9 в ноябре 1941 г. и высот 258.3 и 263.5 в декабре 1941 г.

С 6 ноября 1941 г., в ознаменование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, штаб 14-й армии принял решение провести наступление силами подразделений 52-й стрелковой дивизии и свежей 12-й особой бригады морской пехоты Северного флота. Целью этой операции был захват господствующей над районом боев высоты 314.9, контроль над которой был утерян во время третьего (сентябрьского) наступления противника².

Высота 314.9 позволяла врагу глубоко просматривать наш боевой порядок. Наступление началось после тщательной разведки 6 ноября. Причем с самой крутой стороны этой высоты, где неприятель точно не ожидал никаких активных действий, особенно в такую погоду (была пурга). Карабкаясь по крутым обледенелым скатам, продуваемые всеми ветрами, пехотинцы и моряки сумели захва-

¹ *Вещезерский Г. А.* Указ. соч. С. 144.

² *Худалов Х. А.* Указ. соч. С. 68.

тить высоту и сбить с нее неприятеля, нанеся ему, как следует из советских документов, потери до 500 человек (эти данные были явно завышены)¹.

9 ноября 1941 г. противник силой до батальона дважды (в 8.00 и в 16.00) неудачно пытался контратаковать наши позиции на занятой высоте 314.9. Ожесточенные бои здесь продолжались вплоть до 16 ноября 1941 г., однако большая часть этой высоты осталась в руках советских частей. Фактически одна часть высоты осталась в руках врага, а на другой закрепились захватившие части 52-й стреловой дивизии и моряки из 12-й бригады. Линия фронта здесь фактически прошла через высоту и сохранялась таковой вплоть до конца боевых действий. Противник укрепился на северной части высоты 314.9, севернее тригонометрического пункта, и перешел к глухой обороне².

С 10 по 17 декабря 1941 г. разведорганы 52-й стрелковой дивизии вели активную разведку расположения противника на высоте 258.3, находящейся рядом с высотой 314.9, готовясь к захвату этой «кровавой высоты», стоившей, как и в случае с высотой 314.9, огромных жертв каждой из сторон в ходе предшествующих (да и последующих) боев. Связано это было с тем, что высота 258.3, контроль над которой также был потерян в ходе предшествующих боевых действий, как и высота 314.9 представляла исключительную стратегическую значимость.

Первая фаза боев за высоту 258.3 проходила 21–24 декабря 1941 г., когда первоначально успех сопутствовал советским подразделениям. Противник был сбит с высоты. 24 декабря утром враг дважды пытался штурмовать высоту, и вновь был отброшен на исходные позиции. В 23.00 24 декабря горные егеря силой до двух рот после мощной артподготовки атаковали высоту 258.3 с востока. 25–26 декабря была сильная пурга, и поэтому активных боевых действий обе стороны не вели. С утра следующего дня бой за эту «кровавую высоту» вспыхнул с новой силой. С северо-востока ее контратаковало до батальона солдат противника³. Враг несколько потеснил наши подразделения, после чего был остановлен⁴. На высоте было подсчитано 107 убитых солдат противника⁵. Сражение шло и весь следующий день 27 декабря. Неприятелю удалось пробиться на вершину этой высоты. Позиции советских войск и немцев смешались. Неприятель

¹ ЦА МО. Ф. 363 Управление 14-й армии. Оп. 6228. Д. 80. Л. 9.

² Там же. Д. 80. Л. 9.

³ Там же. Оп. 6230. Д. 7. Л. 348.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 283.

⁵ Там же. Д. 7. Л. 350.

сумел овладеть тригонометрическим пунктом и вернуть контроль над этой высотой¹. Несмотря на неудачу в этих боях подразделений 52-й стрелковой дивизии, своего рода утешением для них стало присвоение соединению гвардейского звания. Как отмечал в своих мемуарах командующий мурманской группой войск генерал-майор Г. А. Вещезерский «в эти дни дивизии было присвоено звание 10-й гвардейской»².

В последние дни рокового и страшного для всего советского народа 1941 г. ожесточенные бои в этом треугольнике вспыхнули за третью стратегически значимую высоту – 263.5. В 8.00 30 декабря мелкие группы противника под натиском 112-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии оставили ее. В 13.40 30 декабря противник силой до взвода, а затем до роты неудачно пытался контратаковать и сбить советские подразделения с высоты 263.5. Вторая контратака последовала в 15.00, опять враг был отброшен. После упорного боя к исходу последнего дня 1941 г. (31 декабря) противник оттеснил подразделения Красной армии на западный скат высоты 263.5 и вновь овладел большей ее частью³.

Подытоживая бои в районе скалистых гор (за треугольник высот 314.9–258.3–263.5) в ноябре–декабре 1941 г. следует подчеркнуть, что в целом стратегическая цель советской стороны – сбросить врага с плацдарма на правобережье Западной Лицы – провалилась. Этот район противник уверенно удерживал вплоть до осени 1944 г. И линия фронта оставалась здесь неизменной до начала Петсамо-Киркенесской операции осенью 1944 г.⁴

Весной 1942 г. по мере улучшения погодных условий на Мурманском направлении, связанных с прекращением полярной ночи и началом таяния снега, Ставка Верховного Главнокомандования поставила Карельскому фронту задачу – провести наступательную операцию на Мурманском направлении. Целью ставился разгром вражеской группировки, стоявшей на рубеже реки Западная Лица. Прежде всего, это касалось 6-й горной дивизии горного корпуса «Норвегия»⁵. Штаб Карельского фронта при постановке задачи 14-й армии генерал-майора В. И. Щербакова, на которую было возложено

¹ Там же. Д. 3. Л. 284.

² *Вещезерский Г. А.* Указ. соч. С. 146.

³ ЦА МО. Ф. 1068 Управление 10-й гвардейской (52-й) стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 93. Л. 5.

⁴ *Мани К., Йоргенсен К.* Указ. соч. С. 175.

⁵ *Киселев А. А., Воронин А. В.* Крушение планов гитлеровской Германии в Заполярье // Заполярный плацдарм: Сб. статей. Мурманск, 2005. С. 27.

выполнение этого приказа, помимо разгрома немецкой группировки на Лица-фронте, дополнил ее еще одной – врага надлежало отбросить к государственной границе СССР¹.

Обе эти задачи выглядели крайне трудновыполнимыми, так как для проведения наступления 14-я армия не обладала численным преимуществом над врагом, который за прошедшую зиму к тому же очень хорошо укрепил свою оборону. В итоге наступательная операция частей 14-й армии на Мурманском направлении, которая проводилась с 28 апреля по 11 мая 1942 г., обернулась полным провалом. Она фактически стала последней реальной попыткой советской стороны (вплоть до октября 1944 г.) провести активные наступательные действия и разгромить неприятеля. Провал апрельско-майской наступательной операции помимо отсутствия численного перевеса над врагом был обусловлен также фактором погоды – 5 мая 1942 г. резко похолодало. Пошел дождь, а затем и снег². Кроме того горные егеря, готовя оборону осенью и зимой 1941/1942 гг., грамотно оценили возможные направления советского наступления, связанные как с намерением штурмовать оборонительный рубеж на Лица-фронте в лоб, так и с попытками обойти его справа при помощи олене-лыжных частей и слева посредством высадки Пикшуевского десанта. Понеся огромные потери и олене-лыжники и моряки-десантники поставленную боевую задачу не выполнили. Весной 1942 г. врага на Мурманском направлении не только не удалось отбросить за пределы СССР, но и не получилось нанести ему сколько-нибудь чувствительные удары. Советская историография, обходя подробное описание и анализ причин неудач апрельско-майской операции 1942 г., традиционно утверждала, что хоть эта операция и не увенчалась успехом, зато она, якобы, позволила сорвать новое летнее наступление горных егерей и финнов на Кандалакшу и Беломорск. Имелась в виду реально планируемая врагом операция «Lachsfang» («Ловля лосося»). Наступление войск 14-й армии в апреле–мае 1942 г., якобы, не только сорвало реализацию этой операции, но и вынудило противника перебросить часть своих сил на Мурманское направление, что в свою очередь позволило препятствовать перегруппировке сил неприятеля на иные участки советско-германского фронта³.

Осенью 1942 г. штаб 14-й армии какое-то время обдумывал вариант повторения весеннего варианта наступления уже осенью.

¹ Желтов А. С. В первый год войны // В боях за Советское Заполярье / сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин. Мурманск, 1982. С. 14.

² Журип Л. В. Бери шинель, пошли домой... Мурманск, 2013. С. 227–228.

³ Киселев А. А., Воронин А. В. Указ. соч. С. 29.

В более урезанном варианте врага предполагалось оттеснить до реки Титовка. Однако, думается, памятуя о потерях, понесенных весной, от этой идеи в итоге вполне оправданно отказались¹.

С весны 1942 г. война на Мурманском направлении окончательно вошла в позиционный ритм, который сохранялся вплоть до осени 1944 г. Противоборствующие стороны укрепляли оборону, строили опорные пункты, долговременные огневые точки, возводили новые минные поля и линии колючей проволоки. Активно на суше на Мурманском направлении в 1942–1944 гг. действовали только разведывательно-диверсионные группы и снайперы. Судьба войны решалась на других участках советско-германского фронта.

Подытоживая все вышесказанное необходимо подчеркнуть, что с провалом немецкого наступления на Мурманск летом–осенью 1941 г. немецкое командование первым осознало второстепенность данного театра, фактически отказавшись от любых попыток актуализировать стратегическую значимость этого направления в будущем. Фактически уже с сентября–октября 1941 г. враг однозначно перешел к глухой обороне, не планируя крупномасштабных наступательных операций на Мурманском направлении. Хотя имеются данные о подготовке врагом операции «Ловля лосося» и мероприятиях по подготовке к захвату полуостровов Средний и Рыбачий силами морских десантов, однако в плоскость конкретной реализации ни один из этих замыслов так и не перешел.

У советской стороны понимание второстепенности Мурманского направления появилось значительно позже. Для этого понадобилось заплатить страшную цену больших потерь в провальной апрельско-майской наступательной операции 1942 г. Неудачи боев весны 1942 г. наглядно доказали советскому командованию, что враг создал на всех потенциальных направлениях хорошо продуманную глубокую оборону, прорыв который без достижения многократного перевеса в силах и средствах был фактически невозможен. Да и, думается, советское командование также отдавало себе отчет в том, насколько вторичен этот театр боевых действий. Враг так и не смог взять полуострова Средний и Рыбачий, в ходе наступления лета–осени 1941 г. он захватил относительно небольшой и абсолютно безлюдный участок советской территории. Это исключало возможность осуществления здесь неприятелем оккупационного режима. Никакой особой экономической значимости захваченный участок территории в междуречье Титовки и Западной Лицы тоже не представлял. Советская угроза никелевым рудникам Петсамо также оказалась в достаточной

¹ Журип Л. В. Указ. соч. С. 229.

степени эфемерной. Обе стороны к концу весны 1942 г. окончательно перешли к позиционной войне, выжидая, как будут складываться события на остальных театрах боевых действий.

И только осенью 1944 г., когда уже четко обозначился коренной перелом в Великой Отечественной войне в целом, и когда из войны вышла Финляндия, обрушив фактически тем самым весь правый фланг немецкой группировки в Заполярье, сложились предпосылки для проведения Петсамо-Киркенесской наступательной операции. Она являлась «десятым сталинским ударом» и последней победоносной наступательной операцией Красной армии в 1944 г. Помимо этого, операция стала своеобразной финальной точкой позиционной войны в Заполярье и по-прежнему остается одной из самых интересных и малоизученных страниц в истории Великой Отечественной войны за Полярным кругом.

С. Г. Хольтсмарк (Осло)

НОРВЕЖСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ФИННМАРКА СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ В 1944 г.

Аннотация: В октябре 1944 г. части Красной армии перешли границу Норвегии: так началось освобождение страны от германской оккупации. В данной статье показано, как норвежское правительство и военное руководство Норвегии в Лондоне относились к возможности освобождения части страны советскими войсками, а не западными союзниками, и какую эволюцию претерпела их позиция. Зимняя война 1939–1940 гг. между СССР и Финляндией породила у норвежского руководства глубокое недоверие к намерениям Москвы, оно надеялось и предпочитало, чтобы вся Норвегия находилась в западной зоне ответственности. Однако в начале 1944 г. норвежское правительство осознало необходимость готовиться к более реальному варианту развития событий – к тому, что первыми союзными силами, которые войдут в Норвегию, будут советские войска. Предложения норвежского правительства об отправке в СССР норвежских частей и военной миссии для сотрудничества с советской стороной были в итоге приняты Москвой – в тот самый день, когда первые советские солдаты перешли границу.

Ключевые слова: Норвегия во Второй мировой войне, освобождение в 1944 г., Норвегия в 1944 г., Восточный Финнмарк в 1944 г., Норвежская военная миссия в 1944 г., советско-норвежское соглашение 16 мая 1944 г., Трюгве Ли, Юхан Нюгорсволл, Арне Д. Даль, Красная армия и Норвегия, Киркенес в 1944 г.

S. G. Holtsmark

THE NORWEGIAN GOVERNMENT AND THE SOVIET LIBERATION OF EASTERN FINNMARK IN 1944

Abstract: In October 1944 units of the Red Army crossed the Norwegian border and thus initiated the liberation of Norway from German occupation.

This contribution discusses the evolution of the attitudes of the Norwegian government-in-exile and military leadership in London to the prospect that parts of Norway would be liberated by Soviet troops, not troops of the Western allies. Soviet-Finnish Winter War of 1939–40 left a legacy of deep mistrust of Soviet intentions, and the Norwegians both hoped for and preferred that all of Norway would be a Western zone of operations. From early 1944 the Norwegian government realized the need to prepare for the more realistic alternative, that the Red Army would be the first Allied troops to enter Norway. The Norwegian government's efforts to send Norwegian troops and a military mission to work with the Soviets finally received Moscow's positive response on the same day as the first Soviet soldiers crossed the border.

Key words: Norway in Second World War, Liberation 1944, Norway 1944, Eastern Finnmark 1944, Norwegian Military Mission 1944, Norwegian-Soviet Agreement 16 May 1944, Trygve Lie, Johan Nygaardsvold, Arne D. Dahl, Red Army and Norway, Kirkenes 1944.

18 октября 1944 г. первые части Красной армии перешли границу Норвегии в Восточном Финнмарке.

Еще через неделю, 25 октября, советские войска освободили Киркенес, выбив оттуда немецких оккупантов. Передовые подразделения Красной армии продвинулись вплоть до реки Тана. На этом Петсамо-Киркенесская операция завершилась – в дальнейшем советское командование предоставило возможность норвежским войскам, прибывшим из Шотландии и Швеции, собственными силами установить контроль над норвежской территорией, покинутой отступающими немцами.

За неделю боев на норвежской земле Красная армия потеряла от 600 до 700 человек убитыми. Именно такая цифра приводится в письме начальника Генерального штаба РККА, направленном в Наркомат иностранных дел сразу после завершения операции в Северной Норвегии¹. Впрочем, общее число советских солдат, погибших в Норвегии, было куда больше: до капитуляции Германии в мае 1945 г. в Норвегии, в том числе в ее северных регионах, до 13 тыс. советских военнопленных стали жертвами голода, болезней, казней и бессудных расправ. Таким образом, даже здесь Красной армии пришлось заплатить высокую цену за победу над нацистами.

В этой статье рассматриваются некоторые аспекты предыстории освобождения Восточного Финнмарка советской армией – как они

¹ А. И. Антонов – В. Г. Деканозову, 24 января 1945 г. // АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 81. Д. 168. Л. 7–9.

виделись из лондонских кабинетов норвежского правительства в изгнании. Как норвежское правительство реагировало на возможность того, что первыми освободителями на норвежской земле окажутся советские, а не американские или британские солдаты? С зимы 1943 г., когда Красная армия перешла в общее наступление, изгоняя немецких оккупантов с советской территории, такой вариант развития событий постепенно становился все более вероятным.

Чтобы проследить эволюцию позиции норвежского правительства, необходимо вернуться к лету 1941 г. и одному из поворотных моментов в войне: началу операции «Барбаросса» – нападению Германии на СССР.

Норвежское правительство, в отличие от британского, заявило о полной солидарности с Советским Союзом не без колебаний. Причиной отчасти было нежелание лить воду на мельницу антисоветской пропаганды в оккупированной Норвегии, а отчасти сомнения в способности Красной армии выдержать натиск Вермахта. Тем не менее с 22 июня 1941 г. обе страны стали партнерами по общей борьбе с нацистской Германией, правда, в абсолютно различных ролях.

СССР был немедленно признан союзником в равном статусе с Великобританией, а с декабря 1941 г. – и с США. Более того, после решающих побед в начале 1943 г. Москва все больше определяла повестку дня дискуссий Большой тройки о послевоенном территориально-политическом устройстве Европы. А на завершающих этапах и в конце войны СССР однозначно превратился в преобладающую военную державу на континенте, по крайней мере в том, что касалось сухопутных сил.

А теперь сравним это с положением норвежского руководства – правительства малой страны в изгнании, с крайне ограниченными собственными военными силами, зависящего от доброй воли и поддержки союзников в реализации своих политических – не говоря уже о военных – задач. То же самое относилось и к обсуждению будущего освобождения Норвегии от германской оккупации – повестку дня и рамки военно-политических дискуссий на этот счет определяли отнюдь не норвежцы. Поэтому в тех немногих случаях, когда норвежская территория становилась объектом военно-стратегического анализа и планирования советской стороны и западных союзников, Москва сосредоточивалась на отношениях с великими западными державами, – Британией и США, а не норвежским правительством. Аналогичным образом советские планы и предложения, касавшиеся норвежской территории, как правило, были элементами более общих замыслов, в которых собственно отношениям с Норвегией не уделялось большого внимания.

Что же касается норвежского правительства в Лондоне, то оно, при всей ограниченности его возможностей влиять на общие военные усилия Антигитлеровской коалиции, с самого начала рассматривало планы по освобождению Норвегии и восстановлению законной военной и гражданской власти на ее территории как одну из своих главных задач.

Учитывая географическое положение Норвегии – на периферии континентальной Европы, но в непосредственной близости от одного из очагов советско-германского противостояния – норвежцы с самого начала искали ответ на следующий вопрос: к чьей зоне военных операций она принадлежит – советской или западной? И в практическом плане: кто возьмет на себя инициативу или сыграет главную роль в освобождении Норвегии – советские войска или силы западных союзников?

Премьер-министр Юхан Нюгорсволл, министр иностранных дел Трюгве Ли и другие видные представители норвежского гражданского и военного руководства изначально крайне скептически относились к намерениям СССР. Непосредственной причиной этих опасений была советско-финская Зимняя война 1939–1940 гг., во многом развеявшая остатки симпатии к Советскому Союзу и советскому строю. Сам Трюгве Ли в ходе Зимней войны был на стороне тех общественных деятелей, кто требовал от норвежских властей активнее поддерживать Финляндию в этом конфликте¹.

Наглядной иллюстрацией отношения к Советскому Союзу может служить письмо бывшего премьер-министра и министра иностранных дел Юхана Людвиг Мувинкеля, игравшего видную роль в норвежской политической жизни в течение всего межвоенного периода, главе правительства Нюгорсволлу. Оно было написано 17 июня 1941 г., всего за неделю до начала операции «Барбаросса»:

«Нельзя позволить СССР стать союзником демократических стран в их борьбе за свободу [...] Конечно, мы заинтересованы в том, чтобы два злодея взаимно ослабили друг друга, но нельзя забывать, что мы сражаемся во имя демократии и свободы, и нельзя допустить, чтобы новый мир строился на основе беспринципной и незаконной политики двух режимов, “подружившихся” в 1939 году. Если мы слишком сильно свяжем свое будущее с Советским Союзом, подлинными демократы всех стран будут встревожены»².

¹ *Lie T. Leve eller dø: Norge i krig*. Oslo, 1955. P. 73.

² Письмо Ю. Л. Мувинкеля Ю. Нюгорсволлу, 17 июня 1941 г. // Norwegian National Archives (Riksarkivet, далее – NNA). UK–1945. Box 14. File 13.

Бесспорно подобные точки зрения, наряду с сомнениями в способности СССР противостоять германской военной машине, отчасти позволяют объяснить нерешительность реакции норвежского руководства на нападение Германии 22 июня 1941 г.: если британский премьер Уинстон Черчилль немедленно выразил СССР безоговорочную поддержку, то норвежское правительство лишь через несколько дней последовало его примеру собственным публичным заявлением¹.

В правительстве уже осенью 1941 г. начали обсуждать возможность превращения Норвегии в театр боевых действий². Эти дискуссии стали более актуальными в начале 1942 г., когда до норвежцев дошли слухи о том, что СССР и Финляндия вот-вот заключат перемирие, за которым последует советское наступление против немцев на фронте у Западной Лицы. Такое наступление неизбежно должно было затронуть норвежскую территорию и основную тыловую базу немцев – город Киркенес в Восточном Финнмарке.

Генералу Карлу Густаву Флейшеру, тогдашнему главнокомандующему норвежскими вооруженными силами, не нравилась идея участия советских войск в освобождении и оккупации союзниками Северной Норвегии, «прежде всего из-за несомненного интереса русских к этим районам Норвегии, и, во-вторых, из-за пропагандистской кампании, которая в этом случае будет развязана немцами и квислингами в Норвегии». По мнению Флейшера, «намного предпочтительнее» было бы задействовать британские, канадские и американские войска³.

Аналогичным образом дискуссии, проходившие в январе 1942 г. в так называемом Совете обороны, консультативном органе при норвежском правительстве, выявили опасения относительно экспансионистских целей СССР на Севере. Встревоженный ходившими тогда слухами, Совет решил запросить у британцев, считают ли они вероятными или неминуемыми боевые действия между советскими и немецкими войсками на северо-восточной границе Норвегии. Если ответ будет утвердительным, предполагалось, во избежание такого развития событий и вступления советских войск на норвежскую территорию, попросить британцев об организации

¹ Это сделал Трюгве Ли в радиообращении к норвежскому народу 28 июня 1941 г.

² Идея о совместных советско-британских операциях в Норвегии также обсуждалась в переписке между Черчиллем и Сталиным.

³ Ad angrep på Nord-Norge, 9. februar 1942 // NNA. FO–London. 162, V/21, НОК j.nr. N 176/42.

совместной с норвежцами экспедиции для захвата Финнмарка¹. Примерно в это же время кронпринц Улав в письме президенту Рузвельту предупреждал: существует «большой риск, что Россия захочет на постоянной основе и навсегда аннексировать часть Северной Норвегии»².

В последующие месяцы и годы подобные опасения относительно участия СССР всплывали на поверхность при каждом обсуждении сценариев освобождения Северной Норвегии. В марте 1943 г. в письме к главнокомандующему генералу Вильгельму Ханстеену министр юстиции Терье Вольд без обиняков заявил: он надеется, что западные союзники проведут операцию в Северной Норвегии, упредив тем самым советское вмешательство. Однако, оценивая различные варианты развития событий, он сделал вывод, что освобождение в этот регион, скорее всего, придет с Востока, а не с Запада. Таким образом, у норвежского правительства нет другого выхода, кроме как попытаться наладить контакт и сотрудничество с советской стороной, в надежде обеспечить тем самым «свободу и независимость нашей страны в будущем»³.

В своем ответе генерал Ханстеен подчеркнул: если перемирие между СССР и Финляндией приведет к тому, что советские части, преследуя немцев, войдут на норвежскую территорию, крайне важно обеспечить в этом районе присутствие норвежских войск. В такой ситуации, полагал Ханстеен, норвежские солдаты к востоку «от границы с Финляндией (Россией) будут обозначать норвежский суверенитет», а к западу от нее – сражаться с немцами. В то же время Ханстеен выразил надежду, что советские войска останутся на границе, предоставив норвежцам и западным союзникам задачу продолжать наступление на запад и юг страны. Ханстеен оптимистически относился к возможности заручиться согласием Москвы на такую схему действий, а о доставке норвежских войск из Шотландии за имеющееся время было «нетрудно» договориться с британцами⁴. В 1944 г., однако, выяснилось, что все обстоит не так просто.

В целом при выработке планов и политической линии относительно будущего освобождения страны норвежское правительство

¹ Протокол заседания Совета обороны, 15 января 1942 г. // NNA. FD–London. 1325/1.

² Письмо кронпринца Улава Ф. Д. Рузвельту, 23 февраля 1942 г. // Roosevelt Archives. PSF Norway 1941–1945. Цит. по: *Riste O.* London-regjeringa. Vol. II. P. 291–292.

³ Письмо Терье Вольда Вильгельму Ханстеену, 19 марта 1943 г. // NNA. FD–London. 1113.

⁴ Письмо Ханстеена Торпу, 27 марта 1943 г. // NNA. FD–London. 1113.

исходило из того, что эту задачу будут выполнять западные союзники с участием норвежцев. В основе лежало предположение о том, что Большая тройка договорилась о передаче всей Норвегии в зону военных операций Запада. Вероятно, такое мнение возникло после заявления, которое британский министр иностранных дел сделал в беседе с норвежским коллегой Трюгве Ли в январе 1942 г., вскоре после возвращения из первой поездки в Москву.

В разговоре с Ли Иден особо подчеркнул: Сталин однозначно заявил, что у СССР нет никаких территориальных или политических требований относительно Норвегии. Советский лидер также четко дал понять, что Советский Союз не будет возражать против участия Норвегии в послевоенной системе безопасности Запада¹. Ли очевидно истолковал эти слова как косвенное подтверждение, что Норвегия *и во время войны* будет принадлежать к зоне ответственности западных держав. Однако на деле западные союзники и Москва никогда не заключали такой договоренности в отношении Норвегии.

Ли вновь поставил этот вопрос перед Иденом в декабре 1943 г., напрямую сославшись на их беседу в январе предыдущего года. Помимо вероятного советского наступления против немцев на Севере, Ли был встревожен подписанным десятью днями раньше советско-чехословацким Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Он опасался, что Москва пожелает заключить аналогичное соглашение и с норвежским правительством, поскольку после перемирия с Финляндией, по которому финны уступят Советскому Союзу Петсамскую область, у СССР и Норвегии появится общая граница. Иден естественно не смог дать Ли ответ, на который тот надеялся².

Еще больше обеспокоила норвежского министра иностранных дел статья, напечатанная 23 января 1944 г., где вновь рассматривалась вероятность финско-советского перемирия и продвижения советских войск на территорию Северной Норвегии³. Ли снова попросил британскую сторону прояснить этот вопрос, но опять же безуспешно. В результате Ли и его коллеги по кабинету министров постепенно пришли к выводу, что участие Советского Союза в ос-

¹ Запись Т. Ли о беседе с Э. Иденом, 5 января 1942 г. // NNA. Архив Министерства иностранных дел (далее – MFA). 25.1/2. Иден точно передал заявления Сталина во время их встреч в Москве.

² Запись Т. Ли о беседе с Э. Иденом, 22 декабря 1943 г. // NNA. MFA. 25.1/2.

³ *Hartmann P.* Bak fronten. Fra Oslo og London 1939–1945. Oslo, 1955. P. 159; *Riste O.* Op. cit. P. 163; *Lie T.* Hjemover. Oslo, 1958. P. 123.

вобождении Северной Норвегии – наиболее вероятный вариант¹, и надо действовать исходя из этого.

Весной 1943 г. норвежское и британское правительства начали переговоры относительно соглашения о гражданской администрации и юрисдикции на освобожденных территориях Норвегии, на случай военной операции западных союзников в этой стране. Текст документа был согласован с правительствами Британии и США, но по причинам, не зависящим от норвежской стороны, подписание документа было отложено.

Теперь, когда советские солдаты вполне могли стать первыми освободителями, вступившими на норвежскую землю, правительство начало обдумывать вопрос о заключении аналогичного соглашения и с Москвой. Соответственно, Ли сообщил британскому Форин Офис: если предполагаемой договоренности о принадлежности Норвегии к зоне военных операций западных союзников не существует, норвежское правительство должно будет начать переговоры с советской стороной, чтобы обезопасить интересы страны².

В начале февраля 1944 г. Ли в беседе с советским послом при норвежском и других лондонских правительствах в изгнании Виктором Лебедевым намекнул на возможную заинтересованность норвежского руководства в отдельном соглашении с СССР об администрации и юрисдикции на освобожденных территориях. Пока, указал он, переговоры о таком соглашении ведутся только с правительствами Британии и США. Затем Ли продолжил: «У нас сложилось впечатление, что Норвегия принадлежит к англо-американской зоне военных операций, и, следовательно, русские войска на норвежской земле действовать не будут. Если такое предположение ошибочно, нам надо будет переосмыслить этот вопрос»³.

Таким образом, стратегия Норвегии на тот момент выглядела следующим образом: с одной стороны, Ли и его коллеги изо всех сил старались добиться, чтобы задача освобождения Норвегии была возложена на норвежские и англо-американские войска. Иначе, утверждал Ли, вывод немецких войск из Северной Финляндии, а возможно и некоторых районов Северной Норвегии может привести к тому, что Красная армия проникнет «вглубь норвежской территории»⁴.

¹ Протокол заседания правительства, 25 января 1944 г. // NNA; *Lie T. Njemover*. P. 124–125.

² Протокол заседания правительства, 25 января 1944 г. // NNA.

³ Запись Ли о беседе с Лебедевым, 4 февраля 1944 г. // NNA. MFA. 25.1/2, j.nr. 2625/44.

⁴ Запись Ли, 19 февраля 1944 г. UD. 27.5/36; Запись Ли, 18 февраля 1944 г. UD. 25.1/2.

С другой стороны, вариант развития событий, при котором СССР первой из держав Антигитлеровской коалиции начнет серьезные боевые действия против немцев в Норвегии, становился как минимум столь же вероятным, как и высадка западных союзников на ее территории.

Официальный запрос норвежского правительства о начале переговоров по соглашению о гражданской администрации и юрисдикции был направлен советскому послу в конце апреля. В этой ноте указывалось на отсутствие определенности относительно того, «было ли фактически заключено указанное соглашение между великими державами относительно операций в Норвегии, и если оно было заключено, то в таком случае действует ли оно, или же союзники пришли к другим договоренностям»¹.

Советская сторона согласилась вступить в переговоры, и советско-норвежское соглашение было подписано 16 мая 1944 г.² Его текст основывался на уже имевшихся проектах таких же документов с Британией и США: норвежцы подписали соглашения с ними в тот же день.

В последующие недели и месяцы норвежское правительство стремилось договориться с Москвой относительно реализации положений соглашения от 16 мая. В частности, оно просило советскую сторону принять норвежскую военную миссию и воинский контингент для участия в боях вместе с советскими войсками, если те войдут на территорию Норвегии. Этот вопрос приобрел еще большую актуальность после прекращения 5 сентября боевых действий на советско-финском фронте и особенно с началом Петсамо-Киркенесской операции 7 октября.

Однако лишь 18 октября, когда первые советские солдаты уже перешли границу, советское правительство наконец отреагировало на неоднократные просьбы норвежцев. По наиболее важному для них вопросу – о согласии принять норвежскую военную миссию и норвежские части из Шотландии и Швеции для участия в боевых операциях в Норвегии – ответ был положительным. Первые норвежские солдаты отплыли из Скапа-Флоу на борту крейсера «Беруик» («Berwick») 1 ноября 1944 г., а через несколько дней в СССР на британском эсминце отправились и члены военной миссии. 6 ноября в Мурманск прибыл «Беруик», а на следующее утро – эсминец с военной миссией на борту. После этого военная миссия и воин-

¹ Письмо Ли Лебедеву, 25 апреля 1944 г. См.: Советско-норвежские отношения, 1917–1955: Сборник документов. М., 1997. Док. 256.

² Там же. Док. 257.

ский контингент были морем переправлены в Петсамо, а оттуда по суше – на норвежскую территорию, в Киркенес. Норвежские войска действовали в оперативном подчинении советского командования; их оснащение и снабжение осуществлялось в основном Красной армией. В январе–феврале 1945 г. первый отряд из Шотландии был усилен так называемыми полицейскими частями, сформированными в Швеции.

Даже в феврале 1945 г. норвежский министр иностранных дел еще не был полностью спокоен относительно дальнейших намерений СССР в связи с его военным присутствием в Восточном Финнмарке¹. Впрочем, когда Ли приезжал в Москву в ноябре 1944 г., Молотов и его заместитель Владимир Деканозов неоднократно заверяли его, что советские войска свое дело сделали, и завершить начатое – задача самих норвежцев². Из заявлений Молотова и Деканозова Ли сделал вывод: вопрос о том, продолжат ли советские войска наступление или останутся на занятых позициях, зависит, прежде всего, от норвежской стороны. Советские заверения подкреплялись также неоднократными призывами к норвежцам прислать больше войск³. Москва недвусмысленно давала понять как норвежскому, так и британскому военному и гражданскому руководству о своем скептическом отношении к масштабу военного вклада норвежцев⁴.

Норвежские военные власти в Восточном Финнмарке оценивали намерения СССР относительно этого региона менее однозначно. Командующий норвежским контингентом Арне Даль опасался, что советская сторона вынашивает злокозненные планы: «Существует серьезная опасность, что они [советские войска] никогда отсюда не уйдут, что они рассматривают весь Сёр-Варангер вплоть до входа в Варангер-фьорд и реки Тана как свою сферу интересов и намерены перенести границу на вышеупомянутую линию»⁵.

Даже в апреле 1945 г. Даль направил в Лондон тревожное донесение, предупреждая, что советские войска вот-вот начнут наступление на территорию фюльке Тромса. Однако к этому времени правительство уже не придавало особой важности предупрежде-

¹ Письмо Ли и. о. министра обороны Свену Нильсену и генералу Ханстену, 9 февраля 1945 г. // NNA. MFA. 27.5/36.

² Запись Ли, 29 декабря 1944 г. // NNA. MFA. 25.1/2.

³ См. выше о переговорах Ли в Москве. У посла Андворда сложилось такое же впечатление по итогам беседы с Молотовым. См. Донесение норвежского посольства в Москве, декабрь 1944 г. NNA. FO–London. 26/32.

⁴ См.: Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman. 1941–1945. N. Y., 1958. P. 265.

⁵ Донесение А. Даля, 30 ноября 1944 г. // NNA. FO–London. 26/32.

ниям Даля, не подкрепленным сколько-нибудь убедительными доказательствами.

Советская сторона, естественно, старалась развеять опасения норвежцев относительно развития событий в Финнмарке. В марте 1945 г. Лондонское правительство получило четкий сигнал на этот счет: глава Пятого Европейского отдела НКВД предложил сформировать совместную советско-норвежскую комиссию по восстановлению и демаркации «старой границы» между двумя странами¹.

* * *

Опасения норвежцев относительно последствий освобождения Северной Норвегии советскими войсками оказались необоснованными. 25 сентября 1945 г. последние советские солдаты пересекли норвежскую границу в обратном направлении, оставив после себя чувство благодарности и признательности со стороны местного населения и всего норвежского общества.

¹ Донесение норвежского посольства в Москве, март 1945 г. // NNA. FD–London. 2664/610–1.

Т. Кристиансен (Тромсё)

**ВОЙНА И ИСТОРИЯ НА СЕВЕРЕ:
ПЕТСАМО-КИРКЕНЕССКАЯ ОПЕРАЦИЯ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО
ФИННМАРКА КРАСНОЙ АРМИЕЙ В ЗАПАДНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация: В данной статье кратко анализируется освещение в ряде трудов западных историков таких тем, как освобождение советскими войсками Крайнего Севера Норвегии, принудительная эвакуация гражданского населения фюльке Финнмарк и полное разрушение немцами этого региона. С одной стороны, боевые действия советских войск в Арктике по профессиональным соображениям привлекали пристальное внимание военных и специалистов по политической истории из разных стран. С другой стороны, страдания мирных норвежских граждан и немецкая тактика «выжженной земли» на Крайнем Севере много лет вызывала интерес, прежде всего на уровне самого региона. Позднее эта ситуация изменилась, и сегодня историки, журналисты и документалисты освещают все аспекты событий на Крайнем Севере в 1944–1945 гг.

Ключевые слова: норвежская историография Второй мировой войны, освобождение Восточного Финнмарка, Петсамо-Киркенесская операция, отступление немцев из Финляндии и Северной Норвегии, опустошение Финнмарка немцами.

T. Kristiansen

**CARNAGE AND HISTORY IN THE NORTH:
THE PETSAMO-KIRKENES OFFENSIVE AND THE
SOVIET LIBERATION OF EASTERN FINNMARK
IN WESTERN HISTORIOGRAPHY**

Abstract: This chapter gives a brief account of how the Soviet liberation of the Norwegian far north, the forced evacuation of civilians and the German total

destruction of county Finnmark have manifested themselves in a selected number of western historical accounts. On the one hand, for professional reasons, the Soviet military operations in the Arctic have attracted a keen interest among militaries and political historians internationally. On the other hand, the plight of the Norwegian civilians and the German «scorched earth-strategy» in the far north did first of all attract local interest for many years. This eventually changed and today the events in the far north 1944–45 are broadly accounted for by historians, journalists and documentarists.

Key words: Norwegian war historiography, Liberation of Eastern Finnmark, Petsamo-Kirkenes offensive, German retreat from Finland and North Norway, German destruction of Finnmark.

Введение

События 1944–1945 гг. на Севере по драматизму не имели аналогов в военной истории Норвегии Нового и Новейшего времени. С точки зрения норвежцев в это время имели место две неразрывно связанные, но все же отдельные цепи событий. Первая касается разных этапов советского наступления, вынудившего немцев отступить из Финской Лапландии и норвежского фюльке Финнмарк, а вторая – насильственной эвакуации местного населения и полного опустошения ряда районов Северной Норвегии как неотъемлемого элемента отступления немцев.

Освобождение Финнмарка с самого начала расценивалось как выдающийся подвиг и проявление военного искусства советской армии. Поэтому боевые действия на этом театре – на суше, море и в воздухе – внимательно изучались как в России, так и в других странах, тем более что это была единственная масштабная военная операция в Арктике. Впрочем, для норвежцев не меньшее значение, чем собственно боевые действия, имеет тактика «выжженной земли», применявшаяся немцами в ходе отступления. Население фюльке Финнмарк и северных районов фюльке Тромс подверглось жестокой принудительной эвакуации. После такой «очистки территории» города, деревни, фермы, дороги, мосты, порты и инфраструктура связи разрушались фактически до основания. Тем, кто сумел уклониться от эвакуации, пришлось пережить необычайные лишения в условиях суровой арктической зимы, и одновременно укрываться от облав, проводившихся немецкими войсками.

Учитывая масштаб и разрушительные последствия этих событий, можно было бы ожидать немедленного появления как в странах, которые они напрямую затронули, так и за их пределами, целого потока литературы о самих военных действиях и о страданиях мирного

населения. В данной статье я постараюсь дать краткий обзор освещения трагедии Севера в ряде западных исторических трудов. При этом я не буду разбирать конкретные работы, а кратко остановлюсь на некоторых из тем, преобладающих в англо-американской, немецкой и норвежской историографии. С самой же подборкой наиболее значимых трудов можно ознакомиться в прилагаемой избранной библиографии.

Литература по региональным и локальным аспектам этой темы чрезвычайно разнообразна. Одна категория работ посвящена событиям немецких и советских военных операций на Крайнем Севере. Как правило, их авторами движет профессиональный интерес: проанализировать методы и особенности проведения масштабных военных операций в условиях Заполярья. Кроме того, существует немалый массив литературы, где освобождение советскими войсками Финнмарка изучается в контексте постепенного превращения Севера в политическое «поле битвы». Демаркационная линия между различными политическими системами прошла и через Крайний Север, и ученые пытаются понять мотивацию и цели основных акторов в регионе в преддверии «холодной войны». В то же время в последние десятилетия появляется все больше работ, авторы которых сосредоточиваются на гуманитарных, этнических, политических и социально-экономических последствиях войны на Крайнем Севере, а значит и судьбе местного населения.

Стратегия и военные операции на Севере

Как отмечают ученые, все эксперты согласны в том, что Север крайне важен для России как «запасной выход» в океан в периоды войн, когда она не может воспользоваться морскими путями, проходящими через Датские проливы и Босфор. Соответственно, когда выходы из Черного моря и Балтики перекрывались, Север Норвегии становился объектом «большой стратегии» России. Для Германии норвежское побережье тоже служило «аварийным выходом» в условиях британской блокады в Северном море и Ла-Манше. Из-за этих факторов регион приобретал стратегическую важность для всех воюющих великих держав. Это значение региона в военное время признают практически все исследователи.

Военные операции СССР, Германии и Финляндии на Крайнем Севере вызвали куда больший интерес у международного научного сообщества, чем судьбы мирного населения региона. В этом нет ничего удивительного, ведь до Второй мировой войны масштабные боевые действия в условиях арктической зимы никогда не велись, и потому анализ этого опыта весьма полезен для военных. Поэтому

немало исследований посвящено тому, как вооруженные силы разных стран решали проблемы, связанные с экстремальными условиями Севера: суровым климатом, удаленностью от основных баз, белыми ночами летом и полярной ночью зимой, слабо развитой сетью автодорог, аэродромов и морских портов. Более того, обеспечение многотысячных группировок в далеком Заполярье, где немногочисленные тыловые базы находились на большом расстоянии друг от друга, было для обеих сторон сложной логистической и снабженческой задачей.

Значительный интерес, в частности, вызвала эволюция оперативных замыслов германских и советских вооруженных сил на Севере в ходе кампании в Норвегии в 1940 г. и после нападения нацистов на СССР в июне 1941 г. Интересуют исследователей и оборонительные операции Красной армии после нападения Германии в 1941 г. – в связи с тем, что в этом регионе России немцам не удалось выполнить основные задачи. Целью наступления горнострелкового корпуса был захват Мурманска, а еще один армейский корпус должен был перерезать железную дорогу Ленинград–Мурманск, а затем наступать на Кандавакшу. Этот первоначальный план провалился из-за упорного сопротивления советской 14-й армии под командованием генерала В. А. Фролова. Советские войска заняли сильные оборонительные позиции на рубеже реки Западная Лица, и с 1942 г. активные боевые действия на этом фронте прекратились – вплоть до советского наступления летом 1944 г.

В июне 1944 г. Красная армия атаковала финнов на тех территориях, что они отвоевали в ходе так называемой Войны-продолжения. 19 сентября Финляндия вышла из войны. Тем самым советская сторона перешла от позиционной войны к активным действиям и приступила к подготовке массированного наступления, названного Петсамо-Киркенесской операцией. На Север были переброшены значительные подкрепления, в том числе танковые, артиллерийские и авиационные части, в результате чего Красная армия добилась превосходства над противником на суше и в воздухе, а у побережья господствовал Северный флот. Численно превосходящие немцев советские войска 15 октября взяли Петсамо, а 22 октября, после ожесточенных боев, пал и городок Никель. Немцы отошли на норвежскую территорию, и советское командование получило от Москвы «добро» на переход границы с Норвегией. 25 октября советские части вступили на норвежскую землю. Немцы были вынуждены отойти из Киркенеса, и 13 ноября советский передовой отряд продвинулся до реки Тана.

Отход крупной немецкой группировки из Финляндии и Северной Норвегии привлекал куда меньше внимания ученых, чем советские

наступательные действия, хотя это была сложнейшая операция. В военной истории найдется немного примеров организованного отступления армии, насчитывавшей 200 тыс. солдат и 60 тыс. лошадей, в чрезвычайно трудных условиях бездорожья и сурового климата. Тем не менее, именно советское наступление вызывает значительный интерес у ученых и профессиональных военных – не только в России, Норвегии и Финляндии, но и в других странах. Петсамо-Киркенесская операция была одним из этапов генерального наступления, которое в итоге и привело к полному разгрому Германии в мае 1945 г. Внимание международного научного сообщества привлекал целый ряд аспектов военных действий в Заполярье. Природные условия Арктики чрезвычайно затрудняют военные операции – именно поэтому они изучались под разными углами зрения. Петсамо-Киркенесское наступление и на сегодняшний день остается самой масштабной и сложной по организации операцией в этих условиях. Поэтому она вызывала особый интерес и в годы «холодной войны», когда военные стратеги на Западе и Востоке готовились к военной конфронтации в Заполярье.

Один из аспектов военных действий, вызывающий с конца 1960-х гг. все больший интерес норвежских ученых и общественности – это вклад в победу и судьба северонорвежских партизан. Партизаны были единственными норвежцами, принимавшими участие в боевых действиях на Севере. Это были норвежские граждане, поступившие на службу в советские вооруженные силы и занимавшиеся сбором разведанных в глубоком тылу врага. Они, скорее всего, внесли неопределимый вклад в победу, однако по ряду причин норвежцы на советской службе оставались за рамками ведущих направлений в историографии до конца 1960-х гг.¹

Военных историков не слишком интересовали нюансы политических аспектов кампании 1944–1945 гг. на Севере, но они отмечают, что эти операции были слабо скоординированы с наступлением западных союзников против Германии. При этом очевидно, что западные державы сосредоточивали все внимание на центральном фронте и наступлении на Берлин. Вести боевые действия на Севере было предоставлено Красной армии. Норвежские историки, однако, уделяют большое внимание политическим вопросам, связанным с действиями советских войск в Финнмарке и их выводом с норвежской территории осенью 1945 г. в соответствии с имевшимися договоренностями. В ходе войны стало ясно, что Крайний Север прочно вошел

¹ См., например: *Eriksen H. K. Partisaner i Finnmark*. Oslo, 1969; *Idem. Partisanenes død*. Oslo, 1972.

в формулы безопасности великих держав. Долгое время он оставался на «дальней орбите» этих интересов, но в результате германской агрессии против Норвегии в 1940 г. и против СССР в 1941 г. Север приобретал все большее значение для Москвы в плане обеспечения морских коммуникаций и предотвращения захвата немцами сырьевых ресурсов этого региона. Для руководства соседней малой страны – норвежского правительства в изгнании – вопросы, связанные с Севером, примерно с 1943 г. стали первым пунктом в повестке дня¹. Норвежских историков особенно интересуют мотивы и планы СССР, прежде всего вопрос о том, было ли освобождение Финнмарка предвестником более масштабных амбиций Москвы в регионе, а также о позиции Лондона и Вашингтона на этот счет.

«Сравнить с землей»: судьба Финнмарка и его населения

В зарубежной историографии тема опустошения Финнмарка немцами и бедствий, постигших его мирное население, почти не освещалась. Наверно, этому не стоит удивляться, учитывая несравнимый масштаб людских страданий и разрушений в других странах Европы, и прежде всего в СССР. Даже в самой Норвегии в первые годы после завершения Второй мировой войны на Севере не вызывала особого интереса у исследователей. В соответствии с тогдашними тенденциями во всей европейской науке они занимались такими темами, как боевые действия, Сопротивление – гражданское и военное – и освобождение, а не жертвами и страданиями. Когда в мае 1945 г. наконец наступил мир, восстановление норвежского Крайнего Севера стало самым насущным и масштабным национальным проектом, что также предопределяло направленность научных исследований.

Прошло много лет, и ситуация изменилась: с 1970-х гг. судьба населения и сообществ на Севере неизменно пользуется большим вниманием со стороны историков, журналистов и документалистов. На сегодняшний день ручеек таких исследований превратился в насто-

¹ См.: *Riste O.* London-regjeringa. Norge i krigsalliansen 1940–1945. Vol. II. 1942–1945: Vegen heim. Oslo, 1979; *Holtmark S. G.* Between 'russophobia' and 'bridgebuilding'. The Norwegian Government and the Soviet Union 1940–1945. Defence Studies No. 5. Oslo, 1988; *Idem.* A Soviet Grab for the High North? USSR, Svalbard and Northern Norway 1920–1953. Defence Studies No. 7. Oslo, 1993; *Udgaard N. M.* Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy. Oslo, 1973; *Macintosh M.* The Western Allies, the Soviet Union and Finnmark 1944–1945. In Patrick Salmon (ed.). Britain and Norway in the Second World War. London, 1995.

ящий поток работ местного и общерегионального охвата, посвященных бедствиям, мучениям, лишениям и страданиям мирных жителей, и теперь это единственная призма, через которую большинство норвежцев рассматривает войну на Севере в 1944–1945 гг. Немцы причинили его населению сильнейшие страдания и нанесли региону огромный материальный ущерб. Новая литература пестрит приковывающими внимание трагическими историями отдельных людей. Примечательно, что эти работы, зачастую глубоко черпающие из колодца возмущения и психологии жертвы, написаны не теми, кто пережил эти события: все их авторы родились через много лет после окончания войны.

Для жителей Финмарка 1941–1945 гг. несомненно представляют собой самый драматичный период в новейшей истории региона. Особенно тяжело пришлось людям в промежутке между октябрём 1944 и маем 1945 гг. По приказу Берлина немецкая армия в ходе отступления из Финляндии в Норвегию, где она заняла оборонительные позиции в Тромсё, применяла тактику «выжженной земли». Командующий армией генерал Лотар Рендулич выполнял этот приказ неукоснительно – с катастрофическими последствиями для региона. Однако на Нюрнбергском трибунале он был оправдан по обвинениям в военных преступлениях на территории Норвегии, что возмутило многих и до сих пор вызывает у норвежских авторов гнев и недоумение¹. Трибунал не счел насильственную эвакуацию гражданских лиц и последующее применение тактики «выжженной земли» нарушением международного права, поскольку немцы предупредили об этом заранее и предоставили мирному населению транспорт для переезда в безопасное место вне зоны боевых действий. Норвежские историки однако утверждают, что трибунал не стал глубоко вникать в вопрос о том, вызвано ли было разрушение инфраструктуры военной необходимостью, в чем сами они сильно сомневаются.

Эта ситуация – один из примеров асимметрии в перцепциях и выводах специалистов по краеведению и региональным исследованиям, с одной стороны, и историков, рассматривающих события «на расстоянии», с точки зрения решений, принимаемых на политическом и стратегическом уровне – с другой. В германской историографии существует даже тенденция оправдывать опустошение Финмарка гуманитарными мотивами – якобы стремлением защитить мирных граждан от суровых условий враждебной, холодной тундры. Такая

¹ См.: *Jaklin A.* Brent jord 1944–1945. Heltene. Ofrene. De skyldige. Oslo, 2016; *Olsen P. K.* Jevnet med jorden. Brenningen av Finnmark og Nord-Troms 1944. Oslo, 2019.

же апологетическая тенденция прослеживается и в немецкой мемуарной литературе.

Международное «поле битвы»

Норвежские ученые особенно интересуются политическими аспектами действий великих держав на Севере и эволюцией реакции на них самих североευропейских стран. Видное место в этой сфере исследований занимают труды Улава Ристе и Свена Г. Хольтсмарка. Ристе во всех деталях осветил политику норвежского правительства в изгнании и западных союзников на основе документов из британских, американских и норвежских архивов. Хольтсмарк, в свою очередь, работал в недавно открытых российских архивах и первым проанализировал соображения советской стороны на уровне политического и военного руководства.

Норвежское правительство в изгнании предпочитало, чтобы Финнмарк освобождали западные союзники при участии норвежцев, однако западные державы отвергли этот вариант. Поскольку они сосредоточили усилия на финальных сражениях с нацистами на Континенте, и у них не было ресурсов для одновременного ведения боевых действий на Крайнем Севере. Поэтому они рассматривали наступление на Петсамо и Киркенес как малоинтересную для них фланговую операцию, осуществление которой можно предоставить русским.

В связи с этим норвежские ученые задаются основополагающим вопросом: существовала ли в Москве подспудная тенденция к переводу политики на Севере в экспансионистское русло? Более того, эта тема часто становится объектом гаданий в научно-популярной литературе. Замышляла ли советская сторона обеспечить себе в Северной Норвегии и на Шпицбергене «плацдарм» вроде того, что она создала в Петсамо́й области? Или Москва, как и Лондон, рассматривала Норвегию как неотъемлемую часть западной сферы интересов?

Поскольку СССР, как и предусматривалось, вывел войска из Финнмарка в 1945 г., его трудно заподозрить в экспансионистских планах в этом регионе. Поэтому в научных кругах преобладает точка зрения, что Москва по-прежнему соблюдала договор о границе 1826 г., расценивая ее не только как границу между Россией и Норвегией, но и как демаркационную линию между западной и советской сферами интересов. Кроме того, утверждается, что, поскольку советские власти не пытались установить на освобожденной территории Финнмарка оккупационный режим, а хранили верность соглашению с норвежским правительством, само существование тайных экспансионистских планов крайне маловероятно. Некоторые

представители НКВД СССР и вооруженных сил действительно вынашивали такие замыслы, но их точка зрения была отвергнута советским руководством.

Заключение

Различия в подходах между норвежскими историками и их зарубежными коллегами очевидны – равно как и различия в точках зрения специалистов по локальным и региональным исследованиям. Если норвежские авторы всех категорий освещают широкий круг тем, то в англо-американской и немецкой историографии интерес в основном ограничивается военными операциями в Арктике – с точки зрения «извлечения уроков». Что же касается главной причины, по которой разрушения на норвежском Севере не привлекли большого внимания за рубежом, то она, конечно, может не понравиться жителям региона, но факт остается фактом: страдания норвежцев невозможно сравнить с тем, что пришлось пережить гражданам других стран, куда сильнее ощутившим на себе бедствия войны.

В целом общая картина ситуации на Крайнем Севере известна уже давно. Однако подробности о судьбах людей в регионе, детали его военно-политической истории раскрываются лишь постепенно. Смена акцента с высокой политики и стратегии на последствия войны для местных сообществ не изменила общую картину, но привнесла в историографию войны на Крайнем Севере новые краски, живые эмоции и драматизм личных переживаний.

Избранная библиография

- Eriksen K. E. and Halvorsen T.* Frigjøring. Norge i krig. Vol. 8. Oslo, 1987.
- Gebhardt J. F.* The Petsamo-Kirkenes Operation: Soviet Breakthrough and Pursuit in the Arctic, October 1944. Leavenworth Papers no. 17. Combat Studies Institute, Kansas, 1990.
- Handzik H.* Politische Bedingungen sowjetischer militärischer Rückzüge. Fünf Fallstudien: Europa 1944–1947. Ebenhausen, 1983.
- Holtmark S. G.* Between 'russophobia' and 'bridgebuilding'. The Norwegian Government and the Soviet Union 1940–1945. Defence Studies No. 5. Oslo, 1988.
- Holtmark S. G.* A Soviet Grab for the High North? USSR, Svalbard and Northern Norway 1920–1953. Defence Studies No. 7. Oslo, 1993.
- Hæskén O.* Petsamo-Kirkenes-operasjonen oktober 1944. FFI/Rapport-92/5020. Norwegian Defence Research Establishment, 1992.
- Jaklin A.* Brent jord 1944–45. Heltene. Ofrene. De skyldige. Oslo, 2016.
- Kaltenegger R.* Deutsche Gebirgsjäger im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1977.

Lippe J. et al. Finnmark fritt. Erindringer fra frigjøringskampene mot Hitler-armeen i nord. Oslo, 1964.

Macintosh M. The Western Allies, the Soviet Union and Finnmark 1944–45. In Patrick Salmon (ed.). Britain and Norway in the Second World War. London, 1995.

Olsen P. K. Jevnet med jorden. Brenningen av Finnmark og Nord-Troms 1944. Oslo, 2019.

Rapoport Y. Soviet operations in North-Norway in 1944–1945. Plans and motives. M. A. thesis. The Hebrew University of Jerusalem, 1978.

Riste O. London-regjeringa. Norge i krigsalliansen 1940–1945. Vol. II. 1942–1945: Vegen heim. Oslo, 1979.

Sunde H. Kampene på Ishavsfronten // Norwegian Military Journal, 1977/1978. 4 parts.

Udgaard N. M. Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy. Oslo, 1973.

Ziemke E. F. The German Northern Theater of Operations 1940–1945. Department of the Army Pamphlet No. 20–271. Washington DC, 1959.

А. И. Рупасов (Санкт-Петербург)

СЕВЕРНЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН СЕВЕРНОГО ФЛОТА В ПЕТСАМО-КИРКЕНЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ (МАРТ–ОКТАБРЬ 1944 г.)

Аннотация: В статье рассматривается планирование участия воинских частей Северного оборонительного района Северного флота в операциях Карельского фронта весной–осенью 1944 г. Причиной отказа от проведения наступательных операций в марте 1944 г. стало проведение в Москве советско-финляндских переговоров об условиях выхода Финляндии из войны. В сентябре 1944 г. неопределенность в развитии ситуации после подписания Финляндией соглашения о перемирии также обусловила перенос сроков наступательной операции в Заполярье.

Ключевые слова: Северный флот, Северный оборонительный район, Заполярье, планирование, десантные операции, 1944 г.

A. I. Rupasov

THE NORTHERN DEFENSIVE SECTOR OF THE SOVIET NORTHERN FLEET IN THE PETSAMO-KIRKENES OFFENSIVE (MARCH–OCTOBER 1944)

Abstract: The article deals with the planning of the Northern Defensive Sector of the Soviet Northern fleet in the operations of the Karelian front in the spring-autumn of 1944. The preparations for the Soviet-Finnish negotiations and the negotiations in Moscow on the conditions of Finland's withdrawal from the war led to the refusal to conduct an offensive operation in the Arctic in March 1944. In September 1944, uncertainty in the development of the situation after the signing of the armistice agreement by Finland also caused the postponement of the offensive in the Arctic. A special role in the Petsamo-Kirkenes Offensive was assigned to the landing parties of the Northern Defensive Sector of the Soviet Northern fleet.

Key words: Northern fleet, Northern Defensive Sector, Polar Region, planning, landing operations, 1944.

При планировании и проведении операции Карельского фронта, которая позже стала именоваться Петсамо-Киркенесской, более чем значительная роль отводилась Северному оборонительному району Северного флота. СОР СФ был создан как оперативно-стратегическая единица с подчинением Ставке Верховного Главнокомандования 31 июля 1942 г. на базе 23-го укрепрайона 14-й армии Карельского фронта с задачами обороны полуостровов Средний и Рыбачий. В его состав входили три бригады морской пехоты (12-я, 63-я и 254-я), 104-й пушечно-артиллерийский полк, 347-й, 348-й и 349-й отдельные пулеметные батальоны, заградительный отряд, 336-й отдельный батальон связи, 338-й отдельный саперный батальон, 113-й и 145-й отдельные дивизионы береговой артиллерии, 112-й отдельный зенитный дивизион, полевой госпиталь № 2215 на 190 коек, прачечный отряд. В оперативное подчинение СОР передавались торпедные катера и самолеты. С сентября 1943 по 5 января 1945 г. командовал СОР генерал-лейтенант Е. Т. Дубовцев.

Петсамо-Киркенесская операция проводилась глубокой осенью 1944 г. Однако планы по ее проведению были разработаны более чем за полгода до ее начала, но не были тогда реализованы. 7 марта 1944 г. Командующий Карельским фронтом генерал армии К. Мерецков директивой № 001/44/ОП Северному флоту приказывал: «Силами не менее одной стрелковой бригады содействовать 14-й армии в разгроме горного немецкого корпуса “Норвегия” и в овладении Петсамо». Задачи, поставленные командующим фронтом, сводились к следующим: «а) ближайшая задача – овладеть полуостровом Могильный и мысом Пикшуев и наступать в направлении Титовка-река, навстречу легкому корпусу 14-й армии, окружить и совместно с главными силами 14-й армии уничтожить Западно-Лицкую группировку; б) в последующем – нанести удар частью сил СОР с п-ова Средний в общем направлении на Титовка-река, имея задачей содействовать развитию наступления 14-й армии на Петсамо; в) в дальнейшем – совместно с 14[-й] армией овладеть Петсамо, нанося удар с востока и северо-востока»¹.

15 марта К. Мерецков, прибывший в Мурманск, «устно уточнил» командующему Северного флота задачу на операцию: силами 254 БМП² и 12 КБМП³ содействовать 14-й армии в разгроме горно-

¹ План операции Северного флота по содействию 14-й армии Карельского фронта в разгроме Западно-Лицкой группировки противника. 18.03.1944 // Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации – Архив Военно-морского флота (далее – АВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 86–107.

² Бригада морской пехоты.

³ Краснознаменная бригада морской пехоты.

го немецкого корпуса «Норвегия» и в овладении Петсамо, перешеек полуострова Средний оборонять 63-й БМП, а 347-му, 348-му и 34-му пулеметным батальонам выполнять прежние задачи. Северный флот должен был быть готов к проведению операции 20 марта. Согласно полученным разведанным, всего при развитии наступления перед частями СОР следовало ожидать следующие силы противника на разных этапах наступления: три батальона 388-го пехотного полка, 118-й резервный батальон, 68-й самокатный батальон и еще до трех батальонов из резерва 2-й горно-егерской дивизии. Считалось, что противник может подтянуть резервы: из района южнее р. Титовка в район опорных пунктов «Могильный» и «Обергоф» – 3-й батальон 388-го пехотного полка, 118-й резервный батальон и 68-й самокатный батальон через 3–4 часа; части 2-й горно-егерской дивизии на машинах из района Петсамо в район Титовка – через 5–6 часов. В операции должны были быть задействованы 254-я БМП, 12-я КБМП, отдельный отряд Береговой обороны Главной базы Северного флота, штрафная рота СОР – всего 6778 человек (из них 570 офицеров), на их вооружении имелось винтовок – 4054, автоматов – 1566, пулеметов ручных – 234, пулеметов станковых – 40, пулеметов ДШК – 10, ПТР – 74; 45 мм пушек – 8; 76 мм (горных) – 14; минометов 50 мм – 42; 82 мм – 36; 120 мм – 8; лошадей – 206, саней – 124. Эти части непосредственно должны были участвовать в наступлении¹. Все остальные пехотные части СОР оставались выполнять задачи по обороне полуостровов Средний и Рыбачий. Предписывалось в целях маскировки усилить до начала операции службу наблюдения переднего края на полуострове Средний с целью не допустить захвата противником в плен бойцов и офицеров СОР, широко использовать службу офицерского наблюдения, засад и подслушивания. Подготовка операции предусматривала помимо прочего развертывание передовых пунктов питания тыла флота в Порту Владимир и передовых пунктов питания тыла СОР (создавались запасы продовольствия на пять суток, из них сухой паек на двое суток, 2 боекомплекта артиллерийского боезапаса, вещевого имущества на 10 % от личного состава). Вероятная убыль в личном составе оценивалась в 30 %, пополнение не предусматривалось.

18 марта 1944 г. Мерецков утвердил «План операции Северного флота по содействию 14 А в разгроме Западно-Лицкой группировки противника», предусматривавший высадку оперативного десанта в составе двух бригад морской пехоты на южный берег Мотовского

¹ Кроме того, задействовалась артиллерия поддержки пехоты с полуостровов Рыбачий и Средний: всего 49 орудий (100 мм – 3, 107 мм – 4, 122 мм – 25, 130 мм – 7, 152 мм – 10).

залива. Однако минула назначенная дата проведения операции – 20 марта, но она так и не была начата. Когда 25 марта 1944 г. начальник штаба Северного флота контр-адмирал Михаил Иванович Федоров переслал исполняющему дела начальника Главного морского штаба ВМФ контр-адмиралу Георгию Андреевичу Степанову план операции, документ утратил свою актуальность. Перенос проведения операции на неопределенное время с неизбежностью потребовал бы внесения в него существенных корректив. Причины для отказа от операции должны были быть существенными, и они определенно не лежали в плоскости готовности Карельского фронта и Северного флота к ее выполнению.

Зимой 1943–1944 г. для правительства Финляндии стало очевидным, что разгром Германии становится перспективой близкого будущего. Желательность зондажа позиции СССР в вопросе выхода Финляндии из войны стала неоспоримой. Этим зондажем в Стокгольме в середине февраля 1944 г. занимался Ю. К. Паасикиви, неоднократно встречавшийся благодаря посредничеству шведской стороны с полпредом А. М. Коллонтай в Сальтшёбадене. Условия советской стороны Паасикиви передал в Хельсинки 19 февраля. 23 февраля правительственная комиссия по внешней политике занялась рассмотрением вопроса о переговорах с Москвой. Советское правительство в качестве одного из важнейших условий до приезда финских представителей в Москву ставило получение согласия правительства Финляндии на интернирование немецких войск. Данное условие было сочтено членами правительственной комиссии невыполнимым, несмотря на то, что советская сторона не настаивала на объявлении войны Финляндией Германии. На закрытом заседании парламента 29 февраля премьер-министр Э. Линкомиес констатировал, что поставленные Москвой условия тяжелы, однако следует учитывать серьезное осложнение общей военной ситуации, поэтому заключение мира остается, собственно, единственной альтернативой. Премьер просил у парламента полномочий на продолжение контактов с Москвой и получил их во время вечернего голосования. Перед финским правительством встала проблема формы ответа Москве. После продолжительной работы над формулировкой была выработана следующая: «Правительству известно о том, что предпосылкой нейтралитета Финляндии после перемирия станет отсутствие на ее территории войск воюющих чужих государств. Вопрос, однако, настолько сложен, что требует более точного изучения. По этой причине правительство Финляндии предлагает начать переговоры, в связи с которыми оно получило бы возможность изложить свое мнение по этому и другим вопросам, которые касаются поставленных Советским Союзом условий перемирия». 8 марта ответ был

через Стокгольм отправлен в Москву, а накануне командующий Карельским фронтом К. Мерецков отдал директиву Северному флоту быть готовым к проведению операции 20 марта.

Ответ из Москвы поступил в Хельсинки в ночь на 19 марта, финской стороне предлагалось направить в Москву для переговоров одного-двух представителей. Днем ранее генерал армии Мерецков утвердил вышеупомянутый план действий Северного флота. Согласие, данное Москвой на приезд финских представителей, послужило причиной переноса сроков операции. Хотя исход переговоров в Москве не был известен, надежды на то, что финская сторона согласится на требование об интернировании германских войск, сохранялись. В случае согласия Хельсинки стратегическая ситуация на Севере могла кардинальным образом измениться: можно было предвидеть сопротивление со стороны командования немецких частей финским властям осуществить мероприятия по интернированию.

Только 25 марта Ю. К. Паасикиви и Карл Энкель выехали в Турку, откуда вылетели в Стокгольм, а затем 26 марта в Москву. Несколько дней переговоров не принесли для финской стороны результатов. Советская сторона категорично настаивала на интернировании немецких частей или их изгнании до конца апреля. В итоге 1 апреля Паасикиви и Энкель покинули Москву. Переговоры в Москве другим итогом имели отказ от проведения операций Карельским фронтом и Северным флотом.

Командование Карельским фронтом в конце августа 1944 г. не обладало конкретной информацией о дальнейших действиях и их сроках. Неопределенность и на этот раз была обусловлена очередным зондажем финской стороной условий перемирия, предпринятых в Стокгольме. Предварительные условия Советского Союза были получены 29 августа: Финляндия должна была немедленно объявить о разрыве отношений с Германией, согласиться приступить к интернированию германских частей, если они к 15 сентября не покинут Финляндию. На закрытом заседании парламента 2 сентября правительство получило поддержку в вопросе разрыва отношений с Германией. За день до этого Маннергейм направил через Стокгольм личное послание Сталину, в котором предложил прекращение военных действий уже 3 сентября и отвод финской армии на границу 1940 г. к 25 сентября. О том, что Финляндия решила разорвать отношения с Германией, в штабе немецкой 20-й горной армии узнали в ночь на 3 сентября, тогда же в Рованиemi поступил приказ фюрера: территорию никелевых рудников на Колосйоки в Петсамо защищать силами XIX горного корпуса, другие части армии отвести в центральную Лапландию, держать под контролем проходящие по ее территории дороги к побережью Ледовитого океана и в Норвегию.

Также 3 сентября командующий 14-й армией Карельского фронта генерал-лейтенант Щербаков устно проинформировал командование Северного флота о предполагающейся операции фронта по освобождению Советского Заполярья, «схематично сообщил о направлении удара частей армии и составе ожидаемого пополнения, также о производимой перегруппировке сил»¹. Одновременно просил оказать содействие флотом в прорыве обороны противника на перешейке полуострова Средний. 8-го сентября командующий Карельским фронтом маршал Мерецков устно подтвердил готовящееся наступление войск 14-й армии и поставил Северному флоту следующие задачи: содействовать прорывом обороны противника на перешейке Средний; обеспечить последующий выход бригад морской пехоты СОР на соединение с частями 14-й армии; осуществить совместное наступление на Петсамо. Однако Мерецков не мог сказать, когда должна проводиться операция.

Подписанием соглашения о перемирии на финскую сторону возлагалась обязанность осуществить интернирование немецких частей. Созданное под командованием генерал-лейтенанта Ялмара Сийласвуо специальное командование со штабом в Оулу получило приказ об этом 26 сентября. А 29 сентября командующий Карельским фронтом посетил командование Северным флотом и поставил устно уже определенную задачу, которая сводилась к следующему:

«а) двумя морскими бригадами при содействии авиации и кораблей флота прорвать оборону противника перед фронтом СОР;

б) после прорыва обороны на перешейке бригадам морской пехоты овладеть дорогой Титовка – Пароваара, отрезав отход немцев по ней к Петсамо, соединиться с частями 14[-й] армии и совместно развивать наступление на Петсамо, имея в виду овладеть им;

в) обеспечить перевозку войск и снабжения 14 А с Мурманска на западный берег Кольского залива»².

За прорывом группой сухопутных и десантных войск СОР западного участка обороны противника на перешейке Средний должен был последовать обход левого фланга обороны противника с выхо-

¹ Краткий информационный отчет операции «ВЕСТ» Северного флота по содействию приморскому флангу Карельского фронта в прорыве обороны противника на Мурманском направлении, овладению Петсамо (Печенга) и портом Лиинахамари в период 7–15 октября 1944 г., подготовленный начальником оперативного отдела штаба СФ капитаном 2-го ранга Г. Ивановым // АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 2–36.

² Отчет о боевых действиях Северного Оборонительного Района Северного Флота по содействию флангу 14[-й] армии в разгроме Западно-Лицкой группировки противника в период 9–15 октября 1944 года (операция «Вест»). 20.11.44 // АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–31.

дом на дорогу Титовка – Петсамо в районе Расва-Тунтури, чтобы предотвратить отвод войск противника по дороге на Петсамо. Для прорыва обороны противника на перешейке Средний скрытно высаживался десант 63-й БМП на южное побережье Маативуоно. 12-я КБМП к полуночи сосредоточивалась перед передним краем и к рассвету после артиллерийской обработки позиций врага должна была выйти на внутренний край обороны противника и на дорогу Пароваара – Титовка в районе оз. Ларас-ярви. Перед прорывом (между 05.00–06.00) наносился массированный 30-минутный удар артиллерии СОР по обороне противника в порядке очередности: командные пункты, живая сила, огневые точки.

На следующий день, 30 сентября, советская сторона фактически поставила ультиматум финскому правительству: не позднее 8 часов утра 1 октября финская армия должна начать активные действия против немецких частей. По разведанным советскому командованию стало известно, что на Севере Финляндии и, в частности, на Мурманском направлении немцы усиливали оборонительные сооружения и увеличивали состав сил, главным образом за счет войск, прибывающих с юга Финляндии.

7 октября силы Северного флота включали:

войска прорыва обороны – 12 КБМП (личный состав 3900, винтовок 1150, ППШ – 1100, ручных пулеметов – 110, станковых пулеметов – 16, противотанковых ружей – 60, минометов 50 мм – 37, 82 мм – 34, 120 мм – 8, орудий 45 мм – 12, орудий 76 мм – 12; десантные войска – 63 БМП (с приданными частями – 3000 человек, винтовок – 1000, ППШ – 1200, пулеметов ручных – 102, станковых пулеметов – 16, ПТР – 45, минометов 82 мм – 32, 50 мм – 30, боезапас – 3 БК, продовольствие на 5 суток; войска обороны перешейка Средний – 347 и 348 ОПБ МП заняли оборону на перешейке Средний. Резерв – 349 ОПБ на полуострове Средний – отдельная танковая рота: людей – 690, винтовок – 300, ППШ – 40, ручных пулеметов – 20, ПТР – 20, танков: «М-5» – 2, «Т-26» – 4, «Т-38» – 5, бронемашин – 3. Помимо этого – артиллерия прорыва на полуострове Средний в составе: орудий 152 мм береговых – 2, 152 мм полевых – 8, 130 мм береговых – 7, 122 мм пушек – 21, 122 мм гаубиц – 8, 107 мм пушек – 4, 100 мм береговых – 3, 76 мм полевых – 58, 45 мм полевых – 56; минометов: 120 мм – 16, 107 мм – 2, 82 мм – 21.

Военная подготовка частей СОР была направлена на достижение взаимодействия взвода, роты, батальона для действий при прорыве сильно укрепленной позиции противника на сухопутном участке фронта и высадке десанта на побережье противника. Были проведены тренировки в посадке на корабли и высадке личного состава на необорудованный берег; 16 батальонных учений на тему действий

батальона, высаженного на побережье противника; 10 батальонных учений на тему прорыва сильно укрепленной позиции противника при поддержке артиллерии; одно бригадное учение на тему действий бригады морской пехоты, высаженной на берег противника; одно бригадное учение на тему прорыва сильно укрепленной позиции противника при поддержке артиллерии и одно ночное объединенное учение с войсками 12 КБМП, 63 БМП, 349 ОП БМП и танковой ротой на тему прорыва на сухопутном участке фронта и действия бригады, высаженной на берег противника, выходящей для удара во фланг и тыл противнику.

Учения проводились на местности, аналогичной той, где предстояло действовать. Она была специально оборудована для занятий инженерными заграждениями. Кроме того, было проведено 42 учения с ротами, где личный состав совершенствовался в прохождении крутых подъемов и спусков на горах, преодолевая проволочные заграждения и минные поля, и офицерский состав тренировался в управлении боем своего подразделения. Была проведена командно-штабная игра в масштабе СОР на тему прорыва обороны противника на сухопутном участке фронта с одновременной высадкой десанта на приморском фланге противника. Помимо этого, в подготовительный период большая работа осуществлялась инженерными частями – работало 6 разведпартий в основном на направлении наступления 12 КБМП, которыми были подготовлены 37 проходов в проволочных заграждениях, разминировано и снято 816 противопехотных мин противника, снято собственных 5 минных полей (858 мин)¹.

63 БМП с приданными подразделениями в ночь с 9 на 10 октября после интенсивной воздушной и артиллерийской обработки батарей противника высадились на южное побережье Мааттивоуно. С рассветом 10 октября 12 КБМП с приданными подразделениями после артиллерийской подготовки прорвала сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на участке Иивари – хребет Муста-Тунтури, выбила противника из опорных пунктов и к исходу дня 10 октября соединилась с подразделениями 63 БМП. Последняя, развивая наступление, 11 октября перерезала дорогу Титовка – Пароваара. В ночь на 13 октября десантный отряд в количестве 660 человек под командованием командира 349 ОПБ майора Тимофеева высадился в порт Лиинахамари. 12 КБМП, выйдя на мыс Крестовый в 13.20 14 октября, форсировала

¹ Всего за период боев саперными подразделениями было снято 35 654 противопехотные мины, 2173 фугаса, 4586 противотанковых мин, разных «сюрпризов» 1630.

залив Петсамовуоно, соединилась с передовыми частями 14-й армии и тем самым завершила окружение противника в районе Петсамо.

63 БМП, развивая наступление по дороге на Пароваара, преодолевая инженерные заграждения, минные поля, вышла к селению Пароваара и завязала бои на его окраине. В 16.00 14 октября, сломив сопротивление противника, заняла Пароваара и совместно с танковой ротой овладела опорным пунктом Исомукка. Диверсионный отряд (разведотряд СОР и разведотряд Штаба СФ) под командованием командира разведотряда СОР капитана И. П. Барченко, высаженный совместно с частями 63 БМП на южное побережье Мааттывуоно, вышел в район огневой позиции 4-х орудийной 150 мм батареи на мысе Крестовый (Лиинахамари), в ночь на 12 октября атаковал и захватил ее.

63 БМП после уничтожения разрозненных групп противника в районе Исомукка 15 октября на катерах форсировала залив Петсамовуоно и соединилась с остальными частями СОР. Части Карельского фронта, отрезав все пути отхода противнику на запад, к 4 часам утра 15 октября совместно с частями Северного оборонительного района овладели Петсамо.

Части Северного оборонительного района, очищая район от мелких групп противника, прочно закрепились на побережье Петсамовуоно, содействуя своим левым флангом продвижению частей фронта на запад. 12 КБМП и 63 БМП рядом последовательных десантов, высаженных на катерах в Пеуравуоно, Суоловуоно, Кобхольм-фьорд, вышли на Яр-фьорд и очистили побережье от разрозненных групп противника.

В результате боев части СОР СФ прорвали сильно укрепленную оборонительную позицию противника в районе хребта Муста-Тунтури, нанеся ему потери в живой силе и технике, и преследуя поспешно отходящие части, вышли на западный берег Петсамовуоно, овладели сильно укрепленным районом и портом Лиинахамари, населенными пунктами – Пароваара, Трифона, Кокко. За 6 дней боев, действуя в условиях сильно пересеченной местности и преодолевая бездорожье, минные поля и заграждения, части СОР прошли 80 км.

Потери частей СОР за этот период боев составили 1152 человека убитыми и ранеными (из них 7 пропали без вести). Потери противника – убито до 3000 солдат и офицеров, захвачено в плен 108 солдат и офицеров.

Д. А. Журавлев (Санкт-Петербург)

ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СЕВЕРНОГО ФЛОТА В 1944–1945 гг.

Аннотация: В статье, наравне с общей характеристикой деятельности лечебных учреждений Северного флота в последний год Великой Отечественной войны, проведен анализ документов медицинской службы, в которых содержатся данные о лечении английских и американских военнослужащих и гражданских лиц в госпиталях и лазаретах Северного флота. Основным документом для исследования стали истории болезни, которые содержат важные детали о пребывании в Советском Союзе иностранных граждан в период войны, уровне оказываемой медицинской помощи, исходах лечения и пр.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-медицинская служба, Северный флот, истории болезни, конвои, иностранные моряки, госпиталь, раненые, больные.

D. A. Zhuravlev

HOSPITALS OF THE NORTHERN FLEET IN 1944–1945

Abstract: The article, along with the general characteristics of the activities of hospitals of the Northern Navy in the last year of the Great Patriotic War, analyzes the documents of the medical service, which contain data on the treatment of English and American military personnel and civilians in hospitals and infirmaries of the Northern Navy. The main document for the study was the set of medical records, which contain important details about the stay of foreign citizens in the Soviet Union during the war, the level of medical care, provided treatment outcomes, etc.

Key words: Great Patriotic War, military medical service, Soviet Northern Fleet, medical records, convoys, foreign sailors, hospital, wounded, sick.

К 1944 г. медицинской службой Северного флота был накоплен значительный опыт работы, что позволяло эффективно действовать в условиях крупной наступательной операции. Это показали события последнего года Великой Отечественной войны.

Санитарные потери на флоте в период проведения Петсамо-Киркенесской операции составили 7,6 % от общего числа санитарных потерь за операцию¹.

Медицинское обеспечение сил Северного флота проходило в крайне непростых условиях. На это влияло незначительное развитие лечебной сети при большой протяженности театра военных действий, значительная разобщенность и отрезанность на длительное время отдельных гарнизонов, климатогеографические условия².

Наиболее крупными лечебными учреждениями флота являлись на тот момент военно-морские госпитали в Полярном, Мурманске и лазареты в Грязной Губе и Ваенге. Несмотря на то, что в значительной степени им удалось ликвидировать отставание от крупных лечебных учреждений Красной армии, ощутимые проблемы в вопросах организации работы продолжали существовать. Это касалось кадров, материального обеспечения, снабжения кровью, оказания квалифицированной медицинской помощи. Госпитали Северного флота в зависимости от обстановки работали и как медсанбаты и как тыловые госпитали. Именно этим объясняются показатели возвращенных в строй – 69,1 среди раненых и 92,8 % больных. Значительная часть тяжелораненых на Северном флоте была эвакуирована в тыл.

Этому было немало причин, и одна из основных – ограниченный коечный фонд военно-морских госпиталей вблизи театра военных действий. Так, 71 ВМГ в Грязной Губе вынужден был направлять раненых в периоды наибольшего напряжения в Мурманск и Печенгу³. То же относилось и к работе 72 (Лиинахамари) и 73 ВМГ (Полярный).

В ходе Петсамо-Киркенесской операции санитарные службы Северного флота и Карельского фронта взаимодействовали в первую очередь в области эвакуации, а также в вопросах снабжения медицинским имуществом⁴. Результаты работы медицинских служб армии и флота в итоге оказались на высоком уровне.

¹ Медицинская служба Военно-морских сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. Вып. 1. Л., 1954. С. 113.

² Архив военно-медицинских документов (далее – Архив ВМД). Ф. 5694. Оп. 54870. Д. 5. Л. 3.

³ Там же. Ф. 5694. Оп. 35610. Д. 2. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 71 об.

Затрагивая тему работы лечебных учреждений Северного флота в 1944–1945 гг. стоит обратить внимание на малоизвестную тему, а также источник, который крайне редко используется в исторических исследованиях.

Истории болезни являются специфическим источником, который наряду с другими документами военно-медицинской службы дает возможность охарактеризовать особенности получения ранеными и больными военнослужащими, а подчас и гражданскими лицами, ранения или заболевания, их лечения и последующих мероприятий. Тем более этот материал представляет интерес при исследовании вопросов оказания медицинской помощи иностранным гражданам на севере Советского Союза в финальной стадии Второй мировой войны.

Остановимся на примерах, связанных с историей пребывания в советских лечебных учреждениях Северного флота американских и британских граждан. Общий массив историй болезни, выявленных в архиве военно-медицинских документов, превышает 200 единиц. В значительной степени это период 1942–1943 гг., время наиболее значительных морских грузоперевозок и, вместе с тем, самых больших потерь в судах и личном составе, находившемся на них.

Противник стремился воспрепятствовать движению караванов судов, в связи с чем союзники несли большие потери. Один из ветеранов, моряк торгового флота вспоминал происходившее: «Нам рассказывали, что если мы окажемся в такой водице, то мы сможем продержаться в ней от силы одну – полторы минуты. Большинство моряков, которых не успевали быстро вытащить из студеной воды, умирали. В девяти случаях из десяти смерть от переохлаждения наступала настолько быстро, что если бы даже помощь пришла через одну или две минуты, то все равно было бы поздно»¹.

Помощь терпящим бедствие в открытом море приходила, как правило, от советских моряков, спешивших к месту катастрофы. В ряде случаев члены экипажа здесь же оказывали пострадавшим и первую медицинскую помощь, используя подручные средства и всю свою находчивость: «С обмороженными руками и ногами больше половины... Одежки на них почти никакой... Наши ребята дали им свое нижнее белье... Да, на обмороженные руки и ноги израсходовали все бинты из санитарных сумок и целую банку технического вазелина. Юнга притащил. Ох! Будет же мне от мотористов!.. – покрутил головой боцман. – И все равно не хватило. Хорошо комендоры под-

¹ «Встречайте, скалистые горы»: Свидетельства ветеранов Второй мировой войны – участников Северных конвоев. 1941–1945 гг. СПб., 2009. С. 23–24.

сказали: в финскую кампанию обмороженные лица и руки ребятам пушечным салом натирали. Противно, конечно, но зато хорошо помогло. Его-то и пустили в ход...»¹

Характерен случай Арифа Тейлора (гражданский, «начпрод», транспорт «Идеферд», 1926 г. р.). Он поступил в Главный ВМГ 22.04.1945 г., был выписан 23.04.1945 г. в Британскую миссию. «Без диагноза, общее ознобление». 22.04.1945 г. во время торпедирования корабля попал в воду и вскоре был принят на советский корабль. Здесь был согрет, получил 50 гр. водки. Доставлен в госпиталь в хорошем состоянии. При приеме в госпиталь было дано 100 гр. водки.

Обмороженные моряки составляли и большую часть больных в советских госпиталях Мурманска и Архангельска. Вот как передает картину, представшую перед его глазами в госпитале, свидетель тех событий, известный польский подводник, командир подлодки «Ястреб» Болеслав Романовский: «Так поразивший меня вначале смрад был вызван гниющими ранами, ожогами и обморожениями. Подавляющее большинство обитателей нашей палаты составляли моряки разных наций с торговых судов. У тех, кто долго пробыл на открытых плотках и в шлюпках, нередко были ампутированы руки и ноги. Часть палаты занимали моряки с танкеров. Они прыгали со своих торпедированных судов в море, залитое горячей нефтью. Верхняя половина их тел была обожжена, нижняя – обморожена»².

Курс лечения обморожений был весьма долгим. Подчас это заболевание (так оно трактовалось в тот период) сочеталось с другими травмами и ранениями и тогда лечение затягивалось на еще больший срок. В Архангельском военно-морском госпитале больные выписывались в среднем через 106 дней после обморожения³. Советские врачи придерживались тактики консервативного лечения, не прибегая без крайней необходимости к ампутациям конечностей.

Пострадавшим иностранным военнослужащим и гражданам с судов Северных морских конвоев первая медицинская помощь оказывалась на сопровождающих судах, а первая врачебная и квалифицированная медицинская помощь – в советских базовых лазаретах (Белужья Губа на Новой Земле, Тириберка, остров Кильдин, полуостров Поной) и в военно-морских госпиталях, располагав-

¹ Нечаев В. М. Нельзя забыть // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 160.

² Романовский Б. Пятнадцатый конвой // Братство северных конвоев, 1941–1945: Сборник. Архангельск, 1991. С. 86.

³ Центральный Военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 1655. Оп. 021805. Д. 2. Л. 40–41.

шихся в городах прибрежных территорий (Мурманск, Архангельск, Северодвинск, Молотовск, Кандалакша и др.).

Из историй болезни мы узнаем значительное число подробностей о повседневной жизни и деятельности раненых и больных, их лечебнии. Истории болезни содержат информацию относительно перемещений раненых и больных военнослужащих между лечебными учреждениями, причем в большинстве случаев причины подобного перевода и указания на предыдущие и следующие госпитали содержатся в самом документе¹.

Истории болезни на американских и британских граждан велись по той же форме, что и для советских военнослужащих. Паспортная часть истории болезни, как правило, заполнялась на русском языке, записи в ее медицинских разделах также сделаны на русском, с написанием в ряде случаев терминов и лекарственных препаратов на латинском языке. В составе изученных нами документов найдены отдельные истории болезни, где встречаются записи на английском языке, сделанные, вероятно, британским врачом. Иностранные врачи, курировавшие как своих соотечественников, так и американских граждан, фиксировали состояние больного на родном языке, но врачебные предписания оформляли уже их советские коллеги. Вместе с тем, никаких особых различий или отступлений от порядка заполнения этих документов на иностранных раненых и больных нами не отмечено.

Со времени появления на Севере первого судна союзников, поток грузов для СССР стал неуклонно расти, увеличивалось и количество судов их перевозивших. Это привело к образованию новых формирований береговой службы, увеличению численности судовых команд и обслуживающего персонала. Вполне естественно, что в данной ситуации возникала потребность в расширении и медицинской помощи.

Собственного лечебного учреждения у союзников не существовало, а потому раненые и больные военнослужащие поступали в советские военные госпитали – постоянные военно-морские, эвакуационные, а также в развернутые лазареты. Эти лечебные учреждения имели в своем составе высококвалифицированный медицинский персонал, являлись наиболее оснащенными и выгодно отличались от гражданских лечебных заведений по вопросам снабжения и обеспечения кадрами.

На Северном флоте присутствие союзников было весьма заметно, что нашло свое отражение и в работе медицинской службы.

¹ Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. М., 1947. Стлб. 1041.

В Архангельске, Мурманске и Полярном работали английские врачи, существовали и иностранные лечебные учреждения, либо специальные лечебные отделения для иностранных раненых и больных в составе советских госпиталей. В ряде документов есть указания на то, что в эвакуационном госпитале № 2524 в Архангельске существовало отделение для союзников.

Как правило, пункты, заполнение которых не требовало опроса раненого или больного, были более полными по сравнению с теми, где необходимо было предоставление сведений от конкретного лица. Так, в пункте «Данные объективного исследования» довольно подробно указывалось телосложение больного, его антропометрические данные, состояние отдельных органов и систем. Объем занесенной информации в историю болезни зависел от ряда факторов: прежде всего, от состояния раненого или больного, наличия и квалификации переводчика и его осведомленности о поступающем, компетентности заполнявшего данный документ медработника в медицинских и общих вопросах и др.

В обстоятельно заполненных историях болезни в анамнезе жизни присутствуют сведения о наследственности больного, его вредных привычках – курит ли он и употребляет алкоголь, и если да, то в какой мере и др. В графе «Наследственность» чаще всего стояла формальная запись – «неотягощенная». Фиксировались также перенесенные заболевания больного, особенно венерические. Американские и английские моряки были подчас довольно откровенны, предоставляя подобную информацию, вероятно, осознавая ее значение для лечащего врача.

Во всех историях болезни указано, откуда прибыл раненый или больной, куда направлен, а также сколько дней пробыл в том или ином лечебном учреждении. При перемещении раненого или больного в другое лечебное учреждение, на него заводилась новая история болезни. При этом следует отметить, что приводимые сведения могли быть совершенно различными для одного и того же лица. Вместе с тем, в новую историю болезни подшивались также выписки из предыдущих, тем самым составляя своеобразную летопись.

Личные данные иностранного раненого или больного записывались с большим числом ошибок, прежде всего это касалось его фамилии и имени. Если на этого пациента заводили еще одну историю болезни, то, как правило, в ней были существенные изменения в написании паспортных данных. Фамилии и имена записывались в большинстве своем на слух, рождая при фиксации на бумаге довольно причудливые лингвистические курьезы.

При заполнении историй болезни иностранного раненого или больного медицинский персонал лечебных учреждений стремился придерживаться тех правил, которые были установлены для со-

ветских военнослужащих, включая указание отчества пациента, его партийность и сведения о военкомате, которым он был призван. В результате иностранные раненые и больные получали столь непривычно для них звучащие отчества в русскоязычном варианте. Иными становились их имена и фамилии.

Часто происходила путаница при установлении гражданства того или иного больного. В некоторых историях болезни в графе «национальность» было зафиксировано «британская». Нередко американцев зачисляли в британцы, учитывая, в первую очередь, национальную принадлежность кораблей, на которых они служили.

В историю болезни входила также опись имущества, бывшего с раненым или больным в момент его поступления в лечебное учреждение, которое хранилось в шкафах приемного покоя¹, а особо ценные вещи и документы – в административно-хозяйственной части или отделении госпиталя, дополнительно зарегистрированные в специальном журнале².

Как правило, те раненые и больные иностранные граждане, кому позволяло состояние здоровья, при оформлении в лечебные учреждения проходили санобработку – их мыли, стригли, предоставляли чистое белье и делали прививку от столбняка.

Исходы лечения, указанные в историях болезни, были разными, но в целом – положительные («выписан в хорошем состоянии», «выписан в удовлетворительном состоянии», «выздоровление» и пр.). Жалоб со стороны больных на лечение и уход по изученным документам не поступало.

Как показывает анализ историй болезни, медицинская помощь иностранным гражданам оказывалась в том же объеме, в котором она предоставлялась и советским военнослужащим, а подчас им уделялось даже больше внимания. В подавляющем большинстве случаев консультации и хирургические вмешательства им проводили лучшие специалисты медицинской службы ВМФ – терапевты, хирурги, оториноларингологи, стоматологи и др.

Советские военные госпитали находились в непосредственной близости от линии фронта, в связи с чем часто подвергались артобстрелам и бомбардировкам со стороны противника, постоянно испытывали недостатки в медикаментах и продовольствии, характерные для военного времени. Поэтому иностранные моряки нередко роптали на условия содержания, расценивая пребывание в них как ограничение свободы, а также как крайне опасное место, связанное с ужасами войны. И их можно понять, поскольку сравнение с бла-

¹ ЦВМА. Ф. 2267. Оп. 8319. Д. 2. Л. 76 об.

² Там же. Ф. 2268. Оп. 3. Д. 4. Л. 2.

гоустроенными госпиталями, находящимися на не тронутой войной территории США, было не в пользу отечественных, развернутых недалеко от передовой линии обороны. Налицо была и разность в восприятии двух культур.

Участник Северных конвоев Джон А. П. Кенни так описывает существовавшие опасения в среде иностранных моряков: «Мы очень боялись быть ранеными. Наши врачи с “Эдинбурга” работали в госпитале Мурманска и рассказывали страшные истории о палатах, где кровати стояли одна к одной, в операционной было шесть столов, а снабжение медикаментами – минимальное»¹.

Другие лечебные учреждения Северного флота испытывали схожие трудности. В отчете о работе военно-морского госпиталя № 73, располагавшегося в Полярном в первые месяцы войны, в частности отмечалось: «Рыбий жир и витамин С госпиталь получает в очень небольшом, явно недостаточном количестве, так, совершенно неудовлетворительно снабжение госпиталя такими необходимыми вещами, как хлористый кальций, соляная кислота и барий для рентгеноскопии желудка. Нет основного фуксина и азотной кислоты для лаборатории. Не хватает парафина для парафинотерапии. Госпиталь не обеспечен нагревательными приборами»².

Большие сложности с размещением пациентов испытывало командование 200-коечного Архангельского военно-морского госпиталя, когда в отдельные периоды войны число развернутых в нем коек доходило до 1000 и более³. Для дополнительного размещения раненых и больных использовались здания Соломбальской поликлиники водников и средней школы № 46⁴. Там раненых и больных размещали в более или менее подходящих свободных помещениях, включая краснофлотскую столовую, библиотеку и все коридоры⁵. Увеличение численности больных влекло трудности с их снабжением – не хватало медикаментов, оборудования, госпитальной утвари и пр.

Бывали периоды, когда медицинский персонал госпиталя работал по несколько суток подряд, без сна и отдыха, стараясь оказать помощь всем раненым и больным, доставленным в данное лечебное учреждение⁶.

¹ Джон А. П. Кенни. Спасение в штормовом море // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 136.

² Архив ВМД. Ф. 5694. Оп. 48264. Д. 2. Л. 461.

³ Там же. Ф. 5694. Оп. 54866. Д. 2. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 5 об.

⁵ Там же. Оп. 48264. Д. 2. Л. 543.

⁶ Там же. Оп. 48273. Д. 3. Л. 170.

Советская сторона предпринимала максимум усилий для того, чтобы иностранные моряки получали все необходимое. К сожалению, это не всегда и не везде было возможно. Руководство Северных конвоев это хорошо понимало. Так, в речи начальника американского отдела судоперевозок в Мурманске, с которой он обратился 8 августа 1942 г. к группе соотечественников, это довольно четко выражено: «Вам предстоит оказаться на берегу в стране, совершенно не похожей на любое другое место, где вам приходилось быть до этого. Эта страна перенесла все тяготы и лишения войны и ей необходимы наша помощь и сотрудничество. Вам придется находиться здесь достаточно долго, чтобы убедиться в том, что деньги здесь ничего не значат. Если бы это было не так, то у нас не было бы проблем. Эта часть страны удалена от источников снабжения. Но для каждого из вас найдется место для сна и достаточное количество неприхотливой пищи, чтобы сохранить здоровье. Но, к сожалению, помимо самого необходимого, вы вряд ли можете на что-то рассчитывать»¹.

По многочисленным записям в историях болезни можно отметить, что рацион питания иностранных моряков был более или менее полноценным и по возможности разнообразным. Врачи имели возможность назначать раненым и больным госпитальное диетическое питание, включая молочные и молочно-растительные блюда.

В условиях военного времени недостаток необходимых лекарственных средств и препаратов медицинские работники старались компенсировать природными продуктами. Так, в Мурманском военно-морском госпитале силами персонала и выздоравливающих больных был организован сбор ягод черники и голубики, а также грибов, которые поступали в рацион питания раненых и больных².

Условия пребывания и лечения в госпиталях иностранных моряков были заметно лучше, чем советских раненых и больных. Об этом свидетельствуют и иностранные очевидцы тех событий: «Представляю себе, в каких тяжелых условиях должны были находиться советские раненые. Нам, союзникам, все ж таки приносили передачи с транспортов и кораблей, да и занимались нами, вдобавок к русскому медперсоналу, два молодых врача с потопленного английского крейсера. Один из этих врачей, ирландец О'Коннор, заодно опекал и госпиталь в Ваенге»³.

Как показывает изучение записей, сделанных в историях болезни, иностранным морякам оказывалась медицинская помощь на

¹ Встречайте, скалистые горы... С. 25.

² ЦВМА. Ф. 2269. Оп. 8320. Д. 1. Л. 154.

³ *Романовский Б.* Пятнадцатый конвой // Братство северных конвоев, 1941–1945: Сборник. Архангельск, 1991. С. 88.

высоком уровне, доступном в тех условиях. Так, анализы и разного рода исследования проводились сразу же и в полном объеме после поступления больного в госпиталь. Результаты проведенного обследования находили отражение в предписаниях врачей, выбиравших оптимальные методы лечения союзников.

Лечебные учреждения Северного флота, и в первую очередь военно-морские госпитали, считались наиболее подготовленными и достаточно оснащенными для оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи. Они демонстрировали отличные показатели работы, среди которых наиболее важный – число возвращенных в строй военнослужащих.

Безусловно, в то тяжелое время периодически отмечались и недостатки в организации лечебной работы, медицинском снабжении и культурном обслуживании раненых больных в госпиталях Северного флота¹, но они не носили масштабного характера, и не имели решающего отрицательного влияния на процесс восстановления пациентов.

Несколько иные условия организации лечебного процесса были в медицинских учреждениях Ваенги и Полярного, находившихся на достаточном удалении от линии фронта. Сюда доставляли раненых и больных для завершения лечения и последующей реабилитации. Эти лечебные учреждения отличали хорошо налаженное вещевое, продовольственное и медицинское снабжение, банно-прачечное обслуживание.

Вот как описывает свое пребывание в госпиталях Северного флота, находившихся на удалении от передовой, старший кок Осмудсен с теплохода «Болтон Кэсл»: «Из Мурманской гавани нас отправили в госпиталь в Полярный. Доктора и сестры были просто чудесны. Помню, как мне сразу дали кружку горячего кофе с молоком, а я, покончив с ним, попросил еще. Сестра бросилась выполнять мою просьбу бегом! Ничто не казалось им слишком хлопотным. Спустя неделю нас решили перевести в Архангельск, где мы были размещены в здании школы. Условия там были хорошими, то же самое можно было сказать и о питании, исключая разве, что черный хлеб. И здесь все были к нам очень добры»².

И в других лечебных учреждениях Северного флота иностранные моряки встречали такую же заботу со стороны советских медицинских работников.

¹ Архив ВМД. Ф. 5694. Оп. 48263. Д. 19. Л. 9–10; ЦВМА. Ф. 794. Оп. 9. Д. 1. Л. 161; Ф. 1655. Оп. 7109. Д. 5. Л. 130; Ф. 2267. Оп. 8319. Д. 2. Л. 56; Ф. 2268. Оп. 3. Д. 3. Л. 288.

² Все были к нам очень добры. Из воспоминаний английских ветеранов конвоя PQ-17 // Моряк Севера. 1986. 18 июня. С. 4.

Кочегар Робинсон с парохода «Эрлстон» вспоминал: «По прибытии в прифронтовой госпиталь наиболее пострадавшим оказали нужную помощь и уложили на койки, а прочих вымыли и накормили (превосходной рыбой с макаронами, кофе и хлебом с маслом). Боже, как нам было хорошо! На следующий день нас доставили на машинах к судну, шедшему в Полярный, где мы провели в госпитале три дня и еще некоторое время в лагере для выздоравливающих, чтобы мы могли набраться сил перед переездом по железной дороге в Архангельск»¹.

Своей отзывчивостью и вниманием советские медицинские работники подчас компенсировали недостатки в снабжении, отсутствии чего-то необходимого. Бывший матрос Ферошиус О'Флаэрти с парохода «Джон Уайтерспун» после окончания Второй мировой войны вспоминал: «У всех у нас частично были обморожены ноги. 11 дней и ночей я не мог нормально спать: меня будило даже прикосновение одеяла. В таком же состоянии были и остальные члены экипажа. Каждую ночь нас обходила няня, предлагая снотворные таблетки и приговаривая: “Шли-и-ип, шли-и-ип!” Кровати не имели пружин, а матрасы напоминали солому, но мы были благодарны сестрам, делавшим для нас с теми средствами, которыми они располагали, все, что только представлялось возможным. Мы не ожидали, что для нас найдут время и доктора – у тех хватало хлопот с гораздо более тяжелыми пациентами, имевшими полностью отмороженные конечности»².

Прибыв в советские порты, английские и американские моряки некоторое время проводили в Архангельске, Мурманске и Ваенге. Досуг их не отличался разнообразием. Красоты местной природы и прелести девушек не могли занять активных молодых людей, и лучшим занятием становились спортивные игры. Американцы предпочитали волейбол, а вот англичане – футбол. Из сотни англичан, госпитализированных на советском Севере, почти четверть получили травмы, играя в футбол. Трещали кости и сухожилия. Причиной тому был накал страстей, и никто не хотел проигрывать. Вероятно, и грунт, на котором приходилось играть, был также негостеприимным для подданных Ее Величества.

Приведем один показательный пример. Матрос английского флота Джонс Кенос в ноябре 1944 г. играл в футбол (в истории болезни со свойственной англичанам педантичностью зафиксировано время – 4.10 дня) и получил удар бутсой в правую половину лица.

¹ Там же.

² Там же.

В результате – перелом нижней челюсти и месяц лечения в Главном военно-морском госпитале Северного флота в Полярном. При этом первую помощь – подобие давящей повязки на подбородок – оказал английский врач.

Случаи из жизни американских и британских моряков, волею судеб оказавшихся в Советском Союзе и проходивших лечение в медицинских учреждениях Северного флота, неповторимы, содержат многочисленные детали из их повседневной жизни и службы. Рискуя, они отправлялись в крайне тяжелый и опаснейший путь, на помощь своим «братьям по оружию». И советские медики, лечившие попавших в бедствие иностранных раненых и больных, делали все возможное, для того чтобы спасти их жизни, сберечь их здоровье и вернуть в строй. Их опыт, практика лечения раненых и больных в годы войны, легли в основу послевоенного устройства как военно-медицинских учреждений, так и гражданского здравоохранения, особенно это касалось хирургии.

С. Г. Веригин (Петрозаводск)

РЕЙДЫ ПАРТИЗАН КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА В ЗАПОЛЯРЬЕ (1942–1944)

Аннотация: В статье раскрываются особенности партизанского движения на Карельском фронте в регионе Заполярья. Основное внимание уделено рейдам партизан на приграничную территорию Северной Финляндии и проблемам взаимоотношений партизан с мирными финскими гражданами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Заполярье, Карелия, партизаны, Карельский фронт.

S. G. Verigin

RAIDS OF PARTISANS OF THE KARELIAN FRONT IN THE ARCTIC (1942–1944)

Abstract: The article reveals the features of the partisan movement of the Karelian Front in the Arctic region. The main attention is paid to partisan raids on the border territory of Northern Finland and the problems of the partisans' relations with Finnish civilians.

Key words: World War II, the Arctic, Karelia, partisans, Karelian Front.

С первых дней Великой Отечественной войны партизанское движение в СССР формировалось как централизованная и организованная сила, призванная решать конкретные задачи, прежде всего в интересах действующей Красной армии. В северо-западном регионе эта черта проявилась особенно ярко. Вместе с тем условия деятельности партизанских отрядов Карельского фронта в Карелии и в Заполярье во многом отличались от других временно оккупированных территорий страны. Во-первых, в оккупированных районах Заполярья практически отсутствовало местное население. В та-

ких условиях нельзя было рассчитывать на создание, пополнение и снабжение партизанских отрядов с помощью местных жителей. Во-вторых, большие трудности представлял для партизан суровый климат – длинная снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки.

Эти особенности определили специфические формы и методы партизанской войны на Севере. Постоянно действующие и основные базы партизанских отрядов находились в тыловых районах Мурманской области и Карелии, а их деятельность носила характер периодических выходов в тыл противника на межоперационных разрывах, сроком на 15–20 дней¹. Чтобы выполнить ту или иную задачу приходилось дважды пересекать линию фронта, преодолевать расстояние от 300 до 500 км². При этом партизанские отряды действовали не только на оккупированной немецкими и финскими войсками территории Кольского полуострова и Карелии, но и совершали походы на территорию Северной (Заполярной) Финляндии.

Именно этой последней особенности партизанского движения в полосе Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны и посвящена данная статья. Актуальность этого вопроса определяется тем, что с конца 1980 – начала 1990-х гг. в Финляндии в СМИ, в научных и общественных кругах стали широко обсуждаться действия советских партизан в финском Заполярье в период Великой Отечественной войны, и в первую очередь так называемые «злодеяния» советских партизан против мирного финского населения. Во многих публичных выступлениях советские партизаны характеризовались как террористы, воевавшие с мирным гражданским населением, совершавшие преступления против человечности и нарушавшие международные законы ведения войны. Даже высказывались предложения потребовать от России признания ветеранов партизанского движения военными преступниками со всеми вытекающими последствиями. Ряд финских организаций и политических деятелей обратились в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг., прежде всего в Заполярье. Своей кульминации антипартизанская кампания в Финляндии достигла к началу 2000-х гг.

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (далее – Архив УФСБ РФ по РК). Ф. ЛД. Д. № 1 «Штаб партизанского движения Карельского фронта». Ч. IV. Л. 43.

² История Карелии с древнейших времен до настоящего времени. Петрозаводск: Периодика, 2001.

В 1999 г. в Финляндии даже создали общественную организацию «Гражданское население – ветераны Войны-продолжения», которую возглавила финская писательница Тююне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан. Она стремится привлечь внимание общественности к рейдам советских партизан в заполярные районы Финляндии, в результате чего, по ее оценкам, погибло 176 мирных граждан¹.

Большой общественный резонанс в Финляндии и в Карелии получила книга Вейкко Эрркиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в Хельсинки в 1999 г.² Данная работа – результат расследования, проведенного автором в 1995–1998 гг. За это время В. Эрркиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими партизанами, участвовавшими в рейдах на территорию Заполярной Финляндии, из которых наиболее важными свидетелями считал бойца отряда «Большевик» Валентина Смирнова, командира группы Николая Дмитриенко, руководителя разведки отряда «Большевик Заполярья» Анатолия Голубева и медсестер Валентину Дерябину и Хельгу Лобух, а также оставшихся в живых командиров карельских партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Большевик» – Александра Смирнова и Георгия Калашникова.

Эрркиля утверждает, что партизаны убили 147 мирных финских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание³. При этом он цитирует слова командира отряда «Полярник» Дмитрия Подоплекина: «Если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал», и командира отряда «Большевик Заполярья» Александра Смирнова: «Наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу»⁴. Вторая возможная причина, по мнению В. Эрркиля, заключалась в том, что с помощью террора партизан против мирных жителей на Севере Финляндии советское правительство стремилось запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны⁵.

¹ STT – Juha Raippalinna. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä // Warkauden lehti. 2002. 16. tammi Kuuta.

² *Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin.* Helsinki, 1999.

³ Ibid. S. 109, 224.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. S. 224, 266.

В 2011 г. крупнейшее финское издательство «Otava» выпустило новую книгу этого автора – «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан»¹.

В ней Эрккиля продолжил прежнюю тему, рассказал о трагедии небольших приграничных поселений в Лапландии, которые подверглись нападениям советских партизанских отрядов в 1941–1944 гг. По словам автора, он впервые узнал о жестоких нападениях советских партизан на приграничные финские деревни в Лапландии еще в 70-е годы прошлого столетия, но тогда об этой трагической странице советско-финляндской истории предпочитали не говорить ни в СССР, ни в Финляндии. По его мнению, за годы войны от рук советских партизан погибло около 200 мирных жителей Финляндии².

Следует отметить, что представителями финляндской и российской общественности, учеными двух стран предпринимались попытки в более спокойной обстановке совместно обсудить данную проблему. Она была в центре внимания на прошедшей в Петрозаводске в октябре 2009 г. Международной научной конференции «Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009 гг.». Состоялась дискуссия российских и финляндских исследователей, в ходе которой коллегам из соседней страны была предоставлена трибуна для изложения своей позиции по данному вопросу. Выступила и руководитель общественной организации Финляндии «Гражданское население – ветераны Войны-продолжения» Тююне Мартикайнен. Общее мнение склонилось к тому, что следует уходить от излишней политизированности данной проблемы и сделать вопрос о рейдах карельских партизан на территорию Заполярной Финляндии в 1941–1944 гг., а также последствия этих рейдов для мирного гражданского населения объектом исторических исследований.

В ноябре 2012 г. в Петрозаводском госуниверситете состоялось обсуждение книги В. Эрккиля «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан» с участием автора и других финских коллег. В ходе дискуссии российские историки изложили собственную точку зрения на описываемые события. Они отметили, что в годы войны у финнов были созданы свои диверсионные формирования – так называемые отряды «дальних разведчиков», численность которых примерно равнялась численности карельских партизан – около 1,5 тыс. человек. Они уходили в рейды по глубоким советским тылам вплоть до Архангельской и Вологодской областей и совершали большое количество преступлений против советского гражданского на-

¹ *Erkkilä V. Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet.* Helsinki, 2011.

² «МК» в Карелии». 2011. 23–30 ноября. С. 14.

селения. После окончания войны значительная часть этих «дальних разведчиков», боясь наказаний за свои преступления, вынуждена была перебраться в США.

Ни в какое сравнение не идут и цифры погибших мирных граждан двух государств. Если число жертв от рейдов партизан с финской стороны в районе Заполярья достигает 200 человек, то в годы оккупации только в одном Петрозаводске в концентрационных лагерях содержалось около 22 тыс. советских граждан, и только за лето 1942 г. от голода и болезней умерло более 4 тыс. человек. Причем эти цифры признают и объективные финляндские исследователи. А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4,5 тыс. человек из 22 тыс. умерло от недоедания и болезней»¹.

Созданные под руководством ЦК Компартии КФССР партизанские отряды до лета 1942 г. на финляндскую территорию не заходили. Это объяснялось, прежде всего, тем, что с августа по декабрь 1941 г. большинство партизанских отрядов Карельского фронта использовались зачастую не по своему прямому назначению. Многие из них по требованию армейского командования воевали на передовой как обычные воинские подразделения. Кроме того, тяжелая для Красной армии оперативная обстановка на фронте требовала в этот период проведения диверсионных операций в ближайшем тылу противника.

Но уже в конце весны 1942 г. 4-й отдел НКВД КФССР, осуществлявший до июня оперативное руководство диверсионной и партизанской борьбой в тылу врага, разработал план мероприятий по усилению партизанского движения Карельского фронта на летний период 1942 г., который предусматривал привлечение партизанских отрядов к действиям на финляндской территории². Теперь уже партизаны должны были стать главной боевой силой при проведении таких операций. Созданный в июне 1942 г. штаб партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта продолжил намеченный карельскими чекистами курс. Такая смена акцентов в применении партизанских формирований для рейдов в глубокий тыл противника объяснялась выросшей за первый год войны боевой силой и опытом партизанских отрядов. Помимо этого, центральное и региональное руководство партизанским движением стремилось максимально использовать любые средства для дезорганизации тыла противника.

¹ Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 43.

² Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 115-а. Л. 31–33.

Этого требовала также и тяжелая военная обстановка, сложившаяся в 1942 г. на южном фланге советско-германского фронта.

Поэтому уже в июне 1942 г. партизанский отряд «Полярник», сформированный в феврале в Архангельске и входивший в состав 1-й партизанской бригады Карельского фронта, срочно перебросили из Южной Карелии на Кольский полуостров в Мурманскую область. В начале июля 1942 г. этот отряд под командованием Д. А. Подоплекина вышел в рейд на территорию Финляндии в район Корья – Хангасниemi – Савукоски. Цель похода – диверсии на коммуникациях 36-го армейского корпуса немецкой армии «Норвегия», воевавшей в Заполярье. 22 июля 1942 г. группа партизан под руководством комиссара отряда Д. Г. Майзера атаковала разъезд № 11 на железной дороге Кемиярви-Алакурти, охранявшийся ротой финнов. В коротком бою было уничтожено до 40 солдат, два склада с боеприпасами, две казармы и 27 железнодорожных вагонов. В начале октября 1942 г. диверсионная группа того же отряда под командованием Пискова снова была направлена в тот же район для подрыва железной дороги. Заминировав железнодорожное полотно, партизаны дождались приближения воинского эшелона и на глазах у вражеских патрулей, охранявших пути, подорвали установленный заряд. Поезд упал под откос. По докладу командира группы в крушении погибло до 300 финских солдат. А группа вернулась на базу без потерь.

В этом же районе 12 сентября 1942 г. диверсионная группа в количестве 9 человек под командованием Конышева взорвала железнодорожный мост вместе с воинским эшелоном, шедшим к фронту. После крушения партизаны еще 30 минут обстреливали место диверсии. Затем группа без потерь благополучно отошла в свой тыл, устраивая по пути засады на дорогах¹.

На ухтинском направлении Карельского фронта в июле 1942 г. на финляндскую территорию проникали диверсионные группы партизанского отряда «Боевой клич» под командованием Е. М. Кокоры. Так, 5 июля группа партизан во главе с Ф. И. Канторовым организовала засаду на автодороге Куусамо – Ухта. В засаду попали и были уничтожены две легковые машины и грузовик с солдатами. Среди убитых оказались три женщины: Тойни Яннес – председатель солдатских домов Финляндии, доктор философии; Грета Палоярви – жена командира 3-й пехотной дивизии финнов; Файни Афлект – директор 5-го центра солдатских домов. На этом же направлении

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9–10.

в сентябре на финляндской территории активно действовали партизанские отряды «Вперед» (командир – К. В. Бондюк), «Красный Онежец» (командир – И. Я. Кравченко), «Красный партизан» (командир – Ф. Ф. Журих)¹. Всего же на территории финляндской Лапландии (Северная Финляндия) летом–осенью 1942 г. проводили боевые операции 8 партизанских отрядов Карельского фронта.

В зимний период 1942–1943 гг. партизанские операции на финляндской территории, как и в предыдущую зиму, были приостановлены. Весной 1943 г. по указанию Военного совета Карельского фронта штаб партизанского движения принял решение расширить боевые действия партизан в Северной Финляндии. Летом 1943 г. 14 из 18 партизанских отрядов (по другим источникам – 11 отрядов) совершили несколько глубоких рейдов в заполярной части Финляндии (Финская Лапландия) в районе городов Нурмес, Куусамо, Рованиemi. Перед партизанами ставились две взаимосвязанные стратегические задачи – разрушение военных коммуникаций в прифронтовой полосе и дезорганизация хозяйственной жизни финского населения.

В летней компании 1944 г. перед партизанскими отрядами Карельского фронта были поставлены новые цели. В условиях разворачиваемого наступления советских войск в Карелии партизаны должны были своими действиями в тылу финских и немецких частей срывать переброску резервов противника, затруднять их отход на новые рубежи обороны, обеспечивать наше командование своевременной разведывательной информацией. Поэтому в июне 1944 г. 18 из 19 партизанских отрядов приступили к активным действиям на коммуникациях противника, причем большая их часть – на Кольском полуострове и в Северной Карелии².

5 сентября 1944 г. по приказу Ставки ВГК Карельский фронт прекратил боевые действия против Финляндии. В связи с этим партизанские отряды получили распоряжение ШПД вернуться в свой тыл. 15 октября 1944 г. в соответствии с директивой Генерального штаба Красной армии и указанием Военного совета Карельского фронта партизанские отряды и штаб партизанского движения были расформированы как выполнившие свои задачи. Оценивая вклад партизанского движения в Карелии и Заполярье в достижение Победы, можно сделать вывод о том, что несмотря на тяжелейшие условия северного региона партизанские отряды были важным во-

¹ Там же. Л. 74.

² Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк / под ред. А. И. Бабина. М., 1984. С. 174.

енным фактором в развитии боевых действий на Карельском фронте на протяжении всей войны.

Вместе с тем, в истории партизанского движения на Карельском фронте имеются вопросы, которые за прошедшие после окончания войны десятилетия по политическим и идеологическим причинам не получили должного и объективного освещения в отечественной историографии. К ним относится проблема взаимоотношений советских партизан и гражданского населения Заполярной Финляндии. В финляндской военно-исторической литературе и особенно в СМИ данная проблема крайне политизирована.

Необходимо подчеркнуть, что одним из первых случаев нападения партизан на мирных жителей финляндские историки называют события 3 сентября 1941 г. в деревне Куоску, в Восточной Лапландии. Однако в этом случае допущена ошибка, так как это были не партизаны, а диверсионная группа пограничников. Жертвами атаки стали семь гражданских лиц, а часть деревни была сожжена. Позже в 1943–1944 гг. на эту деревню были совершены еще несколько нападений уже партизанскими группами¹.

В первый год войны целенаправленных операций против гражданского населения Финляндии партизанские отряды не проводили. Но уже летом–осенью 1942 г. имели место случаи применения оружия против гражданского населения. Так, например, 24 сентября 1942 г. отряд «Вперед» (командир – К. В. Бондюк) напал на финский хутор Вииксимо.

Архивные документы военных лет из фондов российских архивов объясняют это событие следующим образом. В отряде закончилось продовольствие. Тогда командир принял решение выйти на финский хутор Вииксимо и реквизировать продукты у местных жителей. Заодно было решено уничтожить «шюцкоровскую» организацию в этом поселении, отобрать оружие, которым в пограничной полосе Финляндии были вооружены фактически все взрослые мужчины. На эту операцию был выделен один взвод. На подходе к хутору партизаны задержали старосту поселения. От него узнали, что на хуторе проживает 29 человек, часть жителей вооружена. Оцепив хутор, партизаны собрали всех жителей. Среди собранных 12 мужчин были призывного возраста. Как докладывал командованию после похода К. В. Бондюк, финны вели себя дерзко и независимо. Тогда он решил всех взрослых мужчин расстрелять, а женщин и детей запереть в хозяйственной постройке. Но во время расстрела

¹ *Дащинский С. Н.* Советские партизаны в финской Лапландии // Север. 1995. № 2. С. 115.

женщины вырвались из сарая. И тогда были убиты все 29 жителей хутора. В это время к поселению подъехали легковая и грузовая машины с солдатами. Завязался бой с партизанским охранением. Основная часть партизан забрала продовольствие, скот и скрылась в лесу. Сами партизаны потерь не имели¹. Из доклада видно, что главной целью партизан являлись продукты. Расстрел жителей был вызван, вероятно, опасением, что они передадут финским военным информацию о составе и состоянии партизан. К тому же война к этому времени приобрела ожесточенный характер, и воюющие стороны все меньше обращали внимание на нормы морали.

Систематические нападения партизан на населенные пункты и на мирных жителей в Северной Финляндии происходили в 1943 и 1944 гг. Так, в конце июня – начале июля 1943 г. нападению дважды подверглась деревня Малахвианваара близ г. Суомуссалми. Погибли 35 жителей. 15 июля 1943 г. отряд им. Чапаева (командир – Н. П. Шестаков) напал на группу крестьян на сенокосе в местечке Кивиаапа около деревни Хаутаярви. Было убито 5 человек. Еще 5 человек были уведены партизанами с собой и домой никогда не вернулись. В последующие дни партизаны окружили две деревни – Хаутаярви и Ниемеля и держали их в блокаде. Летом 1944 г. тактика запугивания гражданского населения прифронтовой полосы Финляндии была продолжена и расширена. Например, 7 июля 1944 г. были почти полностью уничтожены жители деревни Сейтярви. А 14 июля 1944 г. отряд «Сталинец» (командир – В. А. Гонтаренко) нанес удар по поселку Локка, где был расположен гарнизон противника. Во время боя погибли 21 из 68 мирных жителей².

Необходимо разобраться в причинах столь жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии. Это явление стало возможным в результате переплетения различных факторов, как объективных, так и субъективных.

Во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем, сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью таких рейдов, толкали партизан на заходы в малые отдаленные населенные пункты. Других источников добычи продуктов у них не было. Это неиз-

¹ НАРК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9–10.

² См.: Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan kansainvälinen solitusseminaari, Sodankylä 27–29.09.2002. Kirjapaino: Värisuora Oy, Kemi 2004. S. 49–69.

бежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались трагично для местных жителей.

Во-вторых, многие жители приграничной полосы имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны. Поэтому в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги. Ведь большинство карельских партизан тоже не являлись военнослужащими и формально юридически они оставались гражданскими лицами.

В-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады. Это было закономерно и оправдано. Призыв «Убей немца!» в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг «Убей белофинна!» Финляндия была союзницей нацистской Германии. Этого было достаточно, чтобы отбросить сантименты. Такова была жестокая логика войны.

В-четвертых, с лета 1943 г. действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии вытекали из установки руководства партизанским движением Карельского фронта на создание невыносимых условий жизни и хозяйственной деятельности, используя для этого любые средства. Такие действия можно назвать актами устрашения противника.

В-пятых, в 1942–1943 гг. в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в боевых действиях, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Например, в марте 1943 г. из исправительно-трудовых колоний НКВД в штаб партизанского движения Карельского фронта прибыло 175 человек. Из них 77 человек было осуждено за бытовые преступления, 66 – за должностные¹. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода «штрафные роты», а свое пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы.

И в Финляндии, и в России эта информация вызывает самые противоположные эмоции и оценки. В то же время вопрос о «виновности» советских партизан как военных преступников, на наш взгляд, не может ставиться в принципе. В международном праве дан четкий ответ: преступниками Второй мировой войны, совершившими в те годы злодеяния, являются нацистская Германия и союзные с ней государства. Финляндия также несет свою меру ответственности.

¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. IV. Л. 30, 120.

Не оправдывая имевшие место действия советских партизан по уничтожению мирного населения в небольших населенных пунктах Лапландии, выскажем свою точку зрения. Если поначалу партизаны, совершая рейды на территорию Финляндии, не уничтожали мирное население, то вскоре они были вынуждены это делать, чтобы спасти самим, так как финские граждане докладывали о партизанах военным властям, которые в свою очередь принимали меры по их уничтожению.

Одновременно следует отметить и противоположные примеры. Еще в 1941 г. бойцы партизанского отряда «Вперед» отказывались уничтожать машины с ранеными фашистами, поскольку это является нарушением международного права. Об этом же говорит в своих воспоминаниях, приведенных в книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны», и Д. С. Александров, который в период войны в этом партизанском отряде был пулеметчиком, командиром отделения, политруком взвода и комиссаром¹.

Все эти факты еще раз доказывают, что вопрос о жертвах среди финского гражданского населения, который усиленно поднимают некоторые историки, писатели и организации в Финляндии, является более сложным, чем это преподносится общественному мнению в соседней стране. Вероятно, его следует рассматривать в исторической плоскости, осуществляя совместные научные исследования ученых России, Финляндии и Германии.

¹ *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 261.

С. Бунес (Тромсё)

**АБВЕР И ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ
В ВОСТОЧНОМ ФИННМАРКЕ: ОХОТА
ЗА «ПАРТИЗАНАМИ»**

Аннотация: Статья рассказывает о норвежских партизанах: кем они были, сколько их было, какую угрозу они представляли для немецкой группировки на норвежском Крайнем Севере и на фронте у Западной Лицы. Автор также описывает операции немецкой контрразведки против партизан. Кроме того, в статье рассматривается вопрос о послевоенной судьбе партизан в контексте истории страны.

Ключевые слова: партизаны, Норвегия, СССР, Северный флот, НКВД, Абвер, ЗиПо.

S. Bones

**ABWEHR AND SOVIET INTELLIGENCE OPERATIONS
IN EASTERN FINNMARK. HUNTING DOWN THE
«PARTISANS»**

Abstract: The article gives an historical account of the Norwegian partisans: who they were, how many they were, and what kind of threat they represented to the German military activities in the northernmost part of Norway and the Litsa front. The article also describes the German counter-intelligence operations that were launched in order to hunt down the partisans. Some reflections of the historical fate of the partisans is also included.

Key words: Partisan, Norway, Soviet Union, Northern Fleet, NKVD, Abwehr, SiPo.

«Партизаны»

Во время Второй мировой войны немало норвежских граждан, в основном уроженцев региона Финнмарк на крайнем северо-востоке страны, бежали в Советский Союз и поступили там на военную

службу. Большинство из них занимались сбором разведанных для Северного флота или НКВД. В Норвегии таких людей называют «партизанами».

Связи между соседями – жителями Северной Норвегии и Северо-запада России – развивались столетиями. Одним из центров таких контактов была норвежская рыбацкая деревня Киберг. Она же была одним из оплотов радикального крыла норвежского рабочего движения: в Киберге были сильны позиции Коммунистической партии Норвегии. Из-за своего расположения на северо-востоке страны эта рыбацкая деревня служила исходной точкой как для обычных, так и для нелегальных контактов с СССР – недаром Киберг прозвали «маленькой Москвой». Кроме того, несколько жителей Восточного Финнмарка учились в школах для партийных кадров в Москве и Ленинграде.

Оккупация Норвегии Германией создала опасную ситуацию для тех, кто активно участвовал в левом политическом движении. Компартия Норвегии стала первой партией, чью деятельность запретили оккупационные власти, немало людей попало под арест за свои политические убеждения. Это было главной причиной, по которой многие бежали из Восточного Финнмарка в СССР – в основном осенью 1940 г. Только жителей Киберга среди них насчитывалось 69. Впрочем, бежали люди и из других районов Тромса и Финнмарка. Так, границу с Советским Союзом перешли как минимум 38 жителей коммуны Сёр-Варангер.

Большинство норвежцев, поступивших в СССР на военную службу, не участвовали собственно в партизанской войне или спецоперациях. Поэтому название «партизаны» в данном контексте может вводить в заблуждение, и общее или конкретное сравнение их деятельности с советским партизанским движением, например, в Карелии или Ленинградской области, представляется натяжкой¹.

Впрочем, некоторые аспекты их операций вполне можно воспринимать в контексте партизанской войны. Во-первых, эти малочисленные разведгруппы должны были действовать в тылу врага. Во-вторых, из-за таких задач они зависели от поддержки норвежского народного сопротивления германской оккупации. И, в-третьих, стоит вспомнить, что одна из первых операций Северного флота на территории Норвегии, – в сентябре–октябре 1941 г. – была именно партизанской в традиционном значении этого понятия. В ее рам-

¹ См., например: *Hill A. The War Behind the Eastern front. The Soviet Partisan Movement in North-West Russia 1941–1944. London and New York, 2005; Enstad J. D. Soviet Russians under Nazi Occupation. Fragile Loyalties in World War II. Cambridge, 2018.*

ках планировалось собрать сведения о численности и деятельности немецкой военной группировки в регионе и стимулировать вооруженное сопротивление норвежцев оккупантам. Операция, однако, окончилась неудачей, созданная сеть подпольных ячеек была разгромлена. В результате в дальнейшие планы пришлось вносить коррективы. Как оказалось, в густонаселенных районах проводить масштабные операции было трудно, и в дальнейшем там действовали небольшие разведгруппы.

Вопрос о количестве таких военных разведчиков или партизан вызывает споры. Традиционно считалось, что специальную подготовку в СССР прошло 45 норвежцев, и после этого они стали партизанами¹. Однако существуют и другие критерии для занесения людей в эту категорию. Есть все основания причислить к ней также тех норвежцев, что активно шли на контакт с советской стороной и собирали разведывательную информацию под ее руководством. При таком подходе число агентов-разведчиков, естественно, возрастает – до 85 норвежцев и неизвестного количества советских военнослужащих. Кроме того, в ходе своей деятельности эти агенты привлекали и вдохновляли куда большее число людей в оккупированной Норвегии. Вряд ли нам когда-нибудь удастся установить точное количество норвежцев, активно помогавших этим агентам, поддерживавших их и сотрудничавших с ними. Пока что удалось составить поименный список как минимум 160 человек, участвовавших в таком сотрудничестве, но их, конечно, было гораздо больше.

Эти разведчики, которых в Норвегии обычно называют «партизанами», на деле были «транснациональными» агентами, чья деятельность зависела от норвежского движения сопротивления². Нагляднее всего связь с партизанским движением прослеживается именно в их сотрудничестве с сопротивлением. Это становится очевидным, если проанализировать характер действий немецкой контрразведки: на них остановимся ниже. Но прежде чем перейти к Абверу и другим структурам нацистской Германии, предназначенным для борьбы с повстанческим движением, необходимо упомянуть, что агенты описываемого типа, естественно, действовали не только на норвежской территории и в рамках норвежского сопротивления. Аналогичные операции велись, например, в Финляндии – и, надо сказать, в большем масштабе. В поселке Лавна под Мурманском прошли подготовку до сотни финских партизан, затем засылавшихся в Петсаамскую

¹ *Fjortoft K.* Lille-Moskva. Den glemte krigen. Oslo, 1983. P. 9.

² Подробнее о концепции «транснациональных солдат» см.: *Marco J.* Transnational Soldiers and Guerilla Warfare from the Spanish Civil War to the Second World War // *War in History*. 2018. P. 1–21.

область¹. Поэтому чтобы лучше понять специфику противоповстанческих операций немцев на Севере, необходимо расширить масштаб анализа.

Угроза

Для 20-й горной армии под командованием Эдуарда Дитля (до его гибели в авиакатастрофе в июне 1944 г.) сочетание разведывательных операций с народным сопротивлением представляло собой угрозу безопасности, которой следовало противодействовать. На норвежской территории советские разведчики в первую очередь создавали опасность для снабжения 19-го горного корпуса на фронте у Западной Лицы², которое в значительной мере осуществлялось по морю через норвежские воды. Немецкие суда, особенно у побережья Финнмарка, подвергались атакам советских подводных лодок.

Потери тоннажа, которые немцы понесли на этих коммуникациях, точно определить трудно – особенно те, что фигурируют в информациях, собранных разведгруппами и агентами. Однако документы командования 20-й горной армии и штаба Командующего адмирала на Полярном побережье Норвегии, а также подчиненных им воинских частей, не оставляют сомнений в том, что эти потери были весьма серьезны – особенно с лета 1942 г.³ В частности, адмирал на Полярном побережье Норвегии, командовавший германскими ВМС в зоне от Нарвика до Киркенеса и Петсамо, докладывал: в 1942–1943 гг. в результате действий советского Северного флота было потоплено 62 корабля, в том числе 36 транспортных судов. При оценке этих потерь следует помнить, что на северном театре немцы создали весьма эффективную систему проводки конвоев⁴. Впрочем, хотя потери были существенны, эти атаки не грозили полным срывом снабжения по данному маршруту⁵.

И все же, по словам оберштурмфюрера СС Курта Карстенса, служившего с мая 1943 г. по август 1944 г. в управлении полиции

¹ Такие данные приводятся в: *Huitfeldt T. De norske partisanene i Finnmark 1941–1944 – i skyggen av den kalde krigen // IFS Info. 1997. No. 3. P. 6.*

² *Ziemke E. F. The German Northern Theater of Operations 1940–1945. Washington, 1959. P. 245.*

³ NARA, T315–1621. «Gericht der 210. Inf. Div., St. L. 152/43». Anl. 4.

⁴ *Jacobsen A. R. Rød august. Den virkelige historien om partisanenes skjebne. Oslo, 2005. P. 249–250.*

⁵ Сравнение с потерями союзных арктических конвоев наглядно показывает, что потери немцев были значительными. В рамках ленд-лиза грузы для СССР доставили 1400 транспортных судов, 85 были потоплены. Кроме этого, было потеряно 16 боевых кораблей.

безопасности (ЗиПо) в Киркенесе, «как для ЗиПо, так и для Абвера главной задачей в этом районе была охота за русскими агентами». Причина, отмечал Карстенс, заключалась в том, что временами «буквально каждый конвой, проходивший мимо полуострова Варангер, подвергался атакам»¹.

Разведгруппы представляли угрозу и для немецкой военной инфраструктуры. Так, в 1943 г. командование 210-й пехотной дивизии, оккупировавшей Восточный Финнмарк, привело в повышенную боевую готовность ее части на побережье Варангера, напрямую указывая на опасность возможной высадки противником десанта, а также на наличие вражеских агентов («Feind-Agenten»). Задачей советских десантных операций могло быть, в частности, разрушение недавно построенного аэродрома в Свартнесе, вблизи города Вардё, или уничтожение радарной установки. Чтобы не допустить этого, было организовано патрулирование местности; кроме того, Абвер усилил наблюдение за жителями окрестных коммун².

Вместе с тем, с начала 1944 г. советские войска все чаще проводили разведывательно-диверсионные рейды в Восточном Финнмарке, уводя с собой местных жителей и пленных немцев. Некоторые из этих норвежцев, попав на советскую территорию, поступали на службу в советские разведывательные органы, становясь их агентами³. Есть также немало примеров, когда от захваченных немецких солдат удавалось получить ценную информацию, а часть из них советская разведка даже сумела завербовать. В частности, в феврале 1944 г. разведывательное подразделение Северного флота провело рейд в деревушке Скалелльв, захватило шестерых немецких солдат и доставило их на свою базу в Пумманках на полуострове Рыбачьем⁴.

Действия Абвера

Еще в июне 1940 г. Абверу и ЗиПо стало известно, что многие норвежцы в Финнмарке – в основном коммунисты – поддерживают тесную связь с Советским Союзом; немцы заподозрили, что несколько из них занимались шпионажем в интересах СССР во время

¹ SATØ/S–1800, Serie Ebc, L4, PWIS (Norway)/59.

² NARA, T315–1621. «Überwachung des Persfjords», 26.9.1943, Anl. 1b, Bl. 102.

³ SATØ/S–1800, Serie Ebc, L4, PWIS (Norway)/59.

⁴ *Jentoft M. Mennesker ved en grense. En beretning om folk i Øst-Finnmark i historiens drama.* Oslo, 2005. P. 160–163.

Зимней войны¹. Вскоре после этого ЗиПо провела обыск в доме лидера коммунистов в Восточном Финнмарке Готфреда Хельвольда. В августе 1940 г. компартия Норвегии была объявлена вне закона, и в том же месяце некоторые жители Финнмарка – в большинстве своем коммунисты – начали укрываться от нацистов на территории СССР².

Вскоре Абвер и ЗиПо получили больше информации об их деятельности, в частности, в результате допросов арестованных агентов – советских граждан, норвежцев и финнов. Однако «прорыва» контрразведке удалось добиться лишь в апреле 1943 г. В сентябре 1942 г. немцы взяли в плен советского солдата, но лишь в апреле следующего года контрразведчики его основательно допросили. В результате обер-лейтенант Фриц Пардон – офицер Абвера при штабе 210-й пехотной дивизии – узнал, что разведгруппа, действовавшая в районе Киркенеса весной 1942 г., не только собирала информацию военного характера, но и установила контакты с норвежцами и вела среди них пропагандистскую работу³.

Пардон также осознал весь масштаб деятельности советско-норвежских агентов в районе Варангера и пришел к выводу, что такая активность стала возможной только благодаря помощи и поддержке местных жителей. В результате была разработана контрразведывательная операция, проводившаяся по двум основным направлениям. Первой задачей была охота за самими агентами и советскими подлодками, с помощью которых осуществлялась доставка разведчиков в Норвегию и их обеспечение. Вторая задача – в конечном счете еще более важная – заключалась в работе с гражданским населением, чтобы не допустить его превращения в «людской ресурс» для повстанческой деятельности, организуемой СССР.

Думается, можно без преувеличения сказать, что с первой задачей Абвер и ЗиПо справились довольно успешно. Отчасти, но лишь до определенной степени, им также удавалось держать под контролем местное гражданское население.

Летом и осенью 1943 г. части 210-й пехотной дивизии во взаимодействии с ВМС и Люфтваффе провели пять операций с целью ликвидации разведывательных ячеек, действовавших в районе Варангера. Еще одна такая операция была организована на острове Арнёй в фюльке Тромс, расположенном к юго-западу от Северной

¹ SATØ/S–1800, Serie Ebc, L4. «Rapport til distriktspolitisjefen i Finnmark», Roy Carlsen and Hans K. Nilsen. б/д (1946).

² Jentoft M. Op. cit. P. 68–69.

³ NARA, T315–1621. «Vernehmungspotokoll 5 001», 20.4.1943.

Норвегии. В общей сложности было арестовано более сотни мужчин и женщин, а еще около 50 агентов и их помощников были убиты при задержании или казнены. Немцам удалось выследить все группы, действовавшие в то время на территории Норвегии, кроме одной, базировавшейся вблизи норвежско-финской границы. Местные жители, так или иначе помогавшие агентам, подверглись суровым наказаниям. Многие из казненных были гражданскими. Очевидно, что эти репрессии были призваны посеять страх. Дело в том, что сопротивление местного населения немецким оккупантам приобрело такой масштаб, что Абвер был не в состоянии переманить норвежцев на свою сторону – по крайней мере, в той степени, в которой ему этого хотелось.

Это означало, что применить тактику уступок и сотрудничества было невозможно, и вести «битву» за местное население следовало методами террора¹, чтобы люди опасались последствий. Кроме того, Абвер и ЗиПо активно вербовали агентов-норвежцев, которые должны были «раствориться» среди местного населения, сообщать о деятельности противника и указывать на подозреваемых в повстанческой деятельности. В каждом сколько-нибудь значительном населенном пункте на норвежском Крайнем Севере предписывалось иметь как минимум одного агента-норвежца, работающего на Абвер или ЗиПо.

В краткосрочном плане тактика репрессий и запугивания имела некоторый успех. Но такая ситуация сохранялась недолго. Осенью 1944 г., когда 20-я горная армия вынуждена была отступать на северном фронте, большое число мирных граждан не подчинилось приказам оккупационного режима. Они отказались уходить вместе с немцами и уклонились от принудительной эвакуации – поэтому, когда красноармейцы вошли на норвежскую территорию, там оказалось так много мирных жителей.

Даже в условиях нарастающего хаоса Абвер продолжал проводить в этом районе контрразведывательные операции. В августе 1944 г. двое советских агентов были на парашютах заброшены в район западнее Киркенеса – он в то время еще контролировался немцами. Этими агентами были немецкие солдаты, захваченные Красной армией в 1943 г. Находясь в плену, они согласились работать на советскую разведку и прошли соответствующую подготовку. Задачей агентов в Восточном Финнмарке было, общаясь с немецкими солдатами, узнать как можно больше о планах эвакуации из региона.

¹ Подробнее об этой тактике см. в: *Sheperd B. and Pattinson J. Introduction: Illuminating a Twilight World // Sheperd B. et. al. (eds.). War in a Twilight World. L., 2018. P. 6, 12–18.*

Однако Абверу удалось разоблачить обоих агентов, после чего они с готовностью согласились участвовать в организованной немцами радиоигре, делая вид, будто успешно выполняют задание. С их помощью Абвер пытался дезинформировать советское командование относительно подготовки к отступлению с рубежа Западной Лицы. Радиоигра продолжалась до тех пор, пока Красная армия не перешла границу с Норвегией.

За скобками истории

С капитуляцией Германии трагедия партизан не закончилась. В годы «холодной войны» их связи с СССР превратились, по словам норвежского писателя Челля Фьёртофта, в «проклятие партизан». Многие из тех, кто уцелел в войне, теперь стали «подозрительными элементами» для норвежских властей.

Впрочем, эти подозрения не были полностью безосновательными. В послевоенные годы четверо из тех, кто во время войны подписал «присягу партизана», – документ о добровольном сотрудничестве с Мурманским УНКВД – были осуждены за шпионаж. Кроме того, для Службы наблюдения (службы безопасности) норвежской полиции было очевидно, что норвежцы, нашедшие в годы войны убежище в СССР, были объектом повышенного интереса со стороны советских спецслужб – как в то время, так и в первые послевоенные годы. Поэтому Служба наблюдения еще много лет после войны проявляла особо пристальное внимание к этой группе людей – слишком долго, как утверждают многие ее критики. Из-за еще одной шпионской истории – разоблачения агентурной сети в Бёкфьорде (Финнмарк) в 1967 г. – Служба следила за некоторыми представителями этой группы даже в последующие годы.

Однако постепенно ситуация начала меняться, особенно в 1970-е гг. Этому, несомненно, способствовало творчество писателей вроде Ханса К. Эриксона и Челля Фьёртофта. Их книги и статьи активно освещались в СМИ, и это привлекало внимание общественности к трагической судьбе партизан, в том числе и в период «холодной войны». В 1983 г. король Улав возложил венок к мемориалу в память о партизанах в Киберге: его участие в церемонии произвело глубокое впечатление на бывших партизан. Король был в военной форме, что ветераны-партизаны истолковали как признание их «братьями по оружию», ведь Улав и сам участвовал в войне против нацизма.

В Советском Союзе в 1980-х гг. также появились явные признаки переоценки роли партизан. Во время и после Второй мировой войны несколько партизан провели долгие годы в совет-

ских лагерях, и некоторые из них так и не вернулись на родину. В 1986 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил меры по «восстановлению справедливости» в отношении норвежцев, оказавшихся в ГУЛАГе – в частности, Отто Ларсена, Эмиля Исаксена и Рагнвальда Миккельсена. Затем, 9 октября 1990 г., военный прокурор Северного флота подполковник Трубников принял решение о реабилитации еще одного норвежца – Освальда Хэрья – по обвинениям, предъявленным ему в 1943 г. В частности, несправедливым было признано обвинение в том, что он под пытками выдал имена некоторых контактных лиц из НКВД.

Сегодня стало очевидным, что самым важным актом в рамках норвежской политики памяти в отношении партизан была речь, произнесенная королем Харальдом в Киберге 3 августа 1992 г. Люди восприняли его слова как окончательное переосмысление истории партизан и критику прежнего отношения к ним со стороны норвежского общества. «Похолодание в отношениях между Востоком и Западом обернулось здесь более серьезными последствиями, чем в других регионах страны», – отметил король. Затем он выразил сожаление в связи с тем, что «под влиянием холодной войны мы, возможно, несправедливо возложили на некоторых людей тяжкое бремя вины».

Таким образом, Киберг стал своего рода памятником судьбе партизан в годы войны и мира, символом примирения и местом, где выжившие ветераны по обе стороны границы могли встречаться друг с другом, пока позволяли возраст и здоровье.

К. Я. Коткин (Мурманск)

ДОЛГ, БЫТ, ПОДВИГ, ТРАВМА: ПОЛЮСЫ ВОСПОМИНАНИЙ ПАРТИЗАН ЗАПОЛЯРЬЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Воспоминания партизан Заполярья, созданные в период Великой Отечественной войны и после нее, описываются в статье с точки зрения различных репрезентаций понятий «долг», «быт», «подвиг», «травма». Долг и быт постоянно представлены в текстах. Долг описывается через взаимодействие, индивидуального и общественного, а также их противоречия. Описания быта показывают столкновение мирной повседневности с военной действительностью.

Подвиг представлен как уникальное и необычное, отличаясь от обычных для послевоенного периода глорификации и героизации. Физическая травма описывается в воспоминаниях, а эмоциональное напряжение замещается описанием повседневности, шутками и штампами о врагах. Общая фрагментарность и умолчания воспоминаний отражают травмирующий военный опыт.

Ключевые слова: воспоминания, политика памяти, долг, быт, подвиг, травма, партизаны, Заполярье, Великая Отечественная война.

К. Ia. Kotkin

DUTY, EVERYDAY LIFE, FEAT AND TRAUMA: POLES OF ARCTIC GUERILLAS' MEMOIRS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: Arctic Guerillas' Memoirs of the Great Patriotic War and after it are described in the article from the point of view of various representations of the concepts «duty», «everyday life», «feat», «trauma». Duty and everyday life are constantly presented in the texts. Duty is described through interaction of individual and social levels, as well as their contradictions. Descriptions of everyday life show encounter peaceful everyday life with military reality.

The feat is presented as unique and unusual, differing from the usual glorification for the post-war period. Physical trauma is described in memories and emotional stress is replaced by descriptions of everyday life, jokes and stereotypes about enemies. The ordinary fragmentation and omission of the memories reflect a traumatic military experience.

Key words: Memoirs, politics of memory, duty, everyday life, feat, trauma, Arctic, guerillas, Great Patriotic war.

Но что с того, что я там был.
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Ю. Левитанский

Метафора полюсов задает описание крайних точек зрения, сформированных и установившихся в политике памяти о Великой Отечественной войне и партизанской теме на Кольском Севере. «Реперными точками» этих крайностей могут быть многочисленные оппозиции: современность – период войны, женское – мужское восприятие войны, официальный документ – воспоминание... Продолжать перечисление можно довольно долго и лучше рассмотреть их, обратившись к конкретному источнику, – воспоминаниям¹ бойцов партизанских отрядов. Это советские и современные публикации, а также неопубликованные, в подавляющем большинстве созданные в период войны, воспоминания из фондов Мурманского областного краеведческого музея. В них также можно увидеть их формальную и содержательную разнополярность, связанную со временем написания и упоминаемыми событиями, воинскими званиями авторов, объемом, жанровой и тематической спецификой.

От очевидных, не менее интересных и важных полюсов (свои – чужие, бой – отдых, командиры – бойцы) перейдем к анализу заявленных в названии категорий, отражение которых, присутствуя

¹ Так наименованы документы в фондовом собрании.

в воспоминаниях, почти не находится (исключая бытовую тему), так сказать, «на поверхности текстов»¹. Это оппозиции, позволяющие сопоставить точки зрения на войну наших соотечественников 75 лет назад и сегодняшнее восприятие событий 1941–1945 гг.

Долг, быт, подвиг и травма различаются по частоте упоминаний. Долг – категория отвлеченного, однако эксплицированного. Бытовое – это ярко выраженное во всех воспоминаниях вещественное, внешнее, повседневное. Травма и подвиг связаны с проявлением исключительного, уникального в практике и восприятии войны. Но выражается это противоположным образом: эмоциональная травма часто «закрыта» для описания, подвиг «стремится» быть «известным каждому».

Долг

Долг находится в повседневной прагматике языка на границе индивидуального и социального, является одним из ключевых понятий культуры². Разумеется, военная жизнь дает свое «локальное» (но отнюдь не ограниченное, а скорее специфическое) представление о долге: «Ани шли, все то нисли, что требуется в деле разгрома бело-финского гарнизона и даже жисть свою несли, одавали за дело чести, свободы советского народа»³, – так Николай Роменский, боец отряда «Большевик Заполярья», описывает состояние бойцов во время боевого похода. Обращает на себя внимание объединение в описании эмоционального подъема и готовности жертвовать своей жизнью с чисто материальным, а индивидуального с гражданским (общественным). Гражданский долг, представленный в описании со стороны, связан с честью и в пределе защитой своего народа с оружием в руках. Обязанность защищать страну объединяется с возвращением долга врагу: «Мы считаем в долгу врага, так что расчет еще не закончен и расчет придет время будет окончательным»⁴.

Потенциальная готовность жертвовать жизнью в пути с быстрой выкуривания папиросы переходит в реальное столкновение со

¹ Бытовая тема, в частности, отражена в названиях некоторых воспоминаний: «Отряд на привале» (Мурманский областной краеведческий музей. Основной фонд (далее – МОМ ОФ) 15712/2. Л. 2), «Отдых в районе 9-й заставы» (МОМ ОФ 15712/11. Л. 2).

² Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле должествования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 14–21.

³ МОМ ОФ 15712/3. Л. 1. Здесь и далее текст цитируется с сохранением стиля, орфографии и пунктуации первоисточника. В квадратных [] скобках – дополнения автора статьи.

⁴ МОМ ОФ 15712/8. Л. 8 об.

смертельной опасностью: «У подножия одной из сопки, три перехода болота остановились на “перекур”. Идущий впереди дозор нашел $1/2$ пачки немецкого табаку “Дуфт” [?]. Несмотря на то что несколько часов тому назад шел дождь табак был сухой. Явилось подозрение. Командир отряда приказал впереди идущему дозору осмотреть (выдвинуться [на]) вершину сопки. Пока вертели папиросы смеялись, громко разговаривали, прошло 1–2 минуты. В это время с высоты сопки затрещали автоматные очереди и ружейный огонь. Белофинская сволочь открыла по нашей группе ураганный огонь. По огню было определено (а после подтверждено) что противник в несколько раз превосходит нас. Немедленно последовала команда командира “Огонь по противнику!” Из всех видов оружия был открыт огонь. Приняв боевой порядок разметавшись [?] по сопке полукольцом, взвод под командой к[оманди]ра взвода Колтакова под прикрытием огня быстро поднимается на вершину сопки. То и дело раздаётся команда “по лесу огонь!”. Через 5–7 м[ину]т Колтаков со взводом был на месте расположения финской группы на сопке. Застигнутые в распloch белофинны оставили много “рюкзаков” (вещевых мешков) ремни пилотки, портянки котелки и некоторое вооружение и боеприпасы (диски, патроны, гранаты)»¹.

Долг неотделим от готовности терпеть лишения, связанные с тяжелыми условиями многодневных походов и полевых условий, с необходимостью обучения новым навыкам. «Лыжник я был аховый больше двух километров не бывал на лыжах и когда я пошел отряд провожать и пришлось заменить товарища я збольшим желанием пошел в поход на выполнение боевого задания я долго привыкал и осваивал лыжное дело много пришлось [ь] полежать в снегу но это все было ни по чем»², – описывает свое состояние Александр Куйкичев.

Описание долга как личного чувства соединяется с социальными нормами и правилами, согласно которым необходимо действовать. Тогда о долге перед Родиной говорят уже командир отряда «Большевик Заполярья» Александр Смирнов и только что пришедший в отряд Петр Евсеев, будущий политрук. Последний покинет отряд после ампутации из-за обморожения в Ледовом походе декабря 1942 – января 1943 гг.³ Об объединении в долге личного и социального указывается в воспоминаниях, созданных в период войны: «Поставив задачу бойцам и добившись от них точного знания своих

¹ MOM ОФ 15810/3. Л. 4 об. – 5 об.

² MOM ОФ 15712/17. Л. 3.

³ Костры партизанские. Мурманск, 1973. С. 78.

обязанностей мы вышли выполнять приказ¹. Отвлеченный гражданский долг выражается в конкретных технических операциях, которые в боевых условиях должны быть доведены до автоматизма. Долг, переходящий в архаическую клятву, и в модерное, скорректированное в соответствии с жестокими условиями войны «социалистическое обязательство», формулировался в обещаниях бойцов, вступавших в отряд² или уходящих в боевой поход³.

Описание категории долга было бы неполным без пограничных случаев, когда сталкивались разные уровни представления о долге. В частности, интересен случай участника Ледового похода В. Н. Васильева, показывающий конфликт гражданского (партийного) долга и семейного (личного). Член отряда «Большевик Заполярья» А. В. Селезнев в своих воспоминаниях писал, что «Виктор Николаевич был человеком высокого партийного долга, требовательным к себе и к бойцам»⁴. О В. Н. Васильеве часто упоминается в опубликованных воспоминаниях советского периода, однако в них нет свидетельств, что он был «разжалован в рядовые за самовольную поездку в Москву к больному отцу...»⁵

Тема неисполнения долга или предательства является почти скрытой в воспоминаниях. Это другой – крайний, исключительный – полюс партизанской памяти, скорее, даже забвения⁶.

¹ МОМ ОФ 15810/2 Л. 1.

² Костры партизанские. С. 19, 131.

³ Текст одного из социалистических обязательств: «1 не иметь отставания в период похода, 2 оружие и боеприпасы хранить в хорошем состоянии, 3 быть бдительным, 4 в период похода соблюдать чистоту и опрятность, 5 убить в период операции 5 немцев и подорвать в тылу врага мост или дорогу. Экономно расходовать боеприпасы, а также продукты» (МОМ ОФ 15810/25. Л. 1). На обороте документа можно прочитать, что пп. 1–4 выполнены полностью, п. 5 не выполнен из-за того, что боец был направлен с раненым.

⁴ *Орешета М. Г.* Тропой партизанской памяти. Мурманск, 2008. С. 84.

⁵ Там же.

⁶ Финна Захара Карпинена считали предателем двадцать лет после войны. Показательны военные воспоминания бойцов И. Н. Лукьянова и А. К. Цветкова: «В тоже время были предатели отряда Карпинена [так в тексте. – К. К.], который находясь в тылу противника в 10 км от цели, он взял предал отряд, спасая свою несчастную паршивую шкуру, он крадом ушел на сторону противника» (МОМ ОФ 15712/14. Л. 1, об этом же случае со сходной оценкой: МОМ ОФ 15712/10. Л. 2 об). В 1965 г. встреча якобы предателя и А. С. Смирнова чуть не закончилась дракой и походом в КГБ. На ней А. С. Смирнов и узнает от самого Карпинена, что за «побег» из отряда партизан получил орден (*Орешета М. Г.* Указ. соч. С. 38). Однако в воспоминаниях С. А. Смирнова советского периода этот случай не описан и даже само имя З. Карпинена не фигурирует. От рук предателей, имена которых авторы

Быт

С категорией долга как выражения личной гражданской позиции, четко присутствующей в письмах, сравнимо в своей «проявленности» бытовое. Эта тема очень подробно (даже в сравнении с собственно «боевой» темой) отражена в воспоминаниях, созданных как в период войны, так и позже. Описания быта показывают столкновение мирной повседневности с военной действительностью, когда первая замещается второй.

Адаптация к сложным природным условиям, тема похода и дороги, сюжеты, описывающие обустройство баз, описания временных (больших и малых привалов), жизнь между боевыми операциями на базах (продукты, починка обмундирования, организация отдыха и заготовка питания и даже свадьбы) – вот далеко не полный перечень «блоков» этой неисчерпаемой темы, присутствующей в каждом воспоминании.

Остановимся на питании как одном из основных сюжетов «бытовой темы». Продукты для долгих походов, которые могли продолжаться более месяца, выдавались ограниченно, что приводило к быстрому расходу. Кроме питания в рюкзаках переносилось и различное вооружение: «Каждому партизану надо было взять с собой 300–400 патронов, 4–6 гранат, 1,5–2 килограмма тола, термитные шары¹, мины. Для питания брали 60 сухарей (из расчета полтора сухаря на день), сало-шпиг, соль, суп-пюре гороховый. Рюкзаки весили до 50 килограммов. Такая ноша затрудняла передвижение, изматывала силы»².

В военных условиях еда могла быть оставлена во время боя³. Летом нехватка питания восполнялась «дарами леса». Партизаны охотились, собирали ягоды и грибы, которые в полевых условиях не могли быть приготовлены надлежащим образом: «А кушать тоже не мешал[о] [бы] бо уже третьи сутки не кушали кроме грибов, но мы быстро собрали грибов без соли и без ничего помочили покушали»⁴. Такие сложности, однако, воспринимаются с юмором: «Здесь [о поиске грибов для питания] мне один из бойцов говорит, когда-то он был со своим папашей на охоте и они варили грибной суп заправляли его ягодами, брусничкой. [Он] был очень вкусный. Вот здесь тогда

воспоминаний не указывают, погибли Н. А. Летунов и М. М. Шилкова. Их гибель оценивается потомками как героическая (Там же. С. 162, 179).

¹ Термитный шар – шар из спрессованной взрывчатой смеси с фитилем, весом около 300 граммов (уточнение Э. Л. Коршунова).

² *Смирнов А. С.* Партизаны Заполярья: Хроника отряда «Большевик Заполярья». Мурманск, 1977. С. 23.

³ MOM ОФ 15712/3. Л. 2 об.

⁴ MOM ОФ 15712/13. Л. 3.

я решил приготовить такой суп. Набрал грибов всех сортов какие только растут в Финляндии и какие можно употреблять в пищу. Набра[л] брусники и все это вместе [я] заварил в котелке, это[му] блюдо[блюду] всем[и] в отряде было присвоено звание солянка партизанская. Нужно признать, что название это блюдо получило ценное а питание получилось невкусное»¹. Рыбу ловили, в том числе, следующим необычным способом: «Ком[андир] отряда выбрав хорошее место бросает гранату и к удивлению отряда глушит более двух десятков рыбы. Хариус[а] быстро достают из воды и все [зачеркнуто “бойцы”] командиры и бойцы отряда варят уху»². Питание как время отдыха в полевых условиях, кажется, противопоставлено выполнению боевых заданий войны. Однако сам режим операции «в тылу врага» или отдыха на своей территории заставлял ежесекундно быть готовыми к применению оружия. На одной из стоянок спокойный отдых прерывается неожиданными выстрелами, что заставляет командира отдать приказ «занять оборону», а солдаты отправляются на поиски отсутствующих членов отряда. Тревога оказывается ложной: «Мы только что вышли из обороны, как вдруг увидели: идет н[ачальник] штаба Семенов и взади несет что-то белое. Подбежав к нему мы увидели, [что] он принес убитого им огромного лебедя. Тут же собралось много бойцов и командиров интересоваться этим белым красавцем. Оборона снята...»³

Подвиг

Героизм и подвиг задают ту оптику, через которую постоянно воспринимается любая война с точки зрения победителей. В сравнении с характерными для современной памяти «гlorификацией»⁴ и «героизацией»⁵ Великой Отечественной войны (начавшимися, конечно, еще в военное время) в воспоминаниях периода войны восприятие того или иного события как подвига является редким.

Подвиг самой своей исключительностью и непостоянством помещается на границе скрытого и проявленного. Героическое часто

¹ Там же. Л. 3 об. – 4.

² MOM OF 15712/2. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Кантор Ю. З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 8–22.

⁵ Киличенков А. А. Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки (рецензия на книгу: Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: мы умирали, чтобы победить. М.: Эксмо, 2006. 574 с.) // Новый исторический вестник. 2013. 1 (35). С. 124.

связывается с гибелью, и оценивается таковым в воспоминаниях и официальных письмах родным: «погиб как герой» и «пал смертью храбрых»¹.

Из воспоминаний Н. Ефимовского: «Мы начали преследовать фашистов. Тут-то и показал себя Коля Кузнецов. Быстрый, ловкий, он намного опередил товарищей и меткими очередями уничтожил вражеских солдат. Только рана в плечо разрывной пулей остановила молодого партизана Колю Кузнецова. Это было первое его боевое крещение. Из второго рейда в тыл врага Коля не вернулся. Добровольно взяв на себя прикрытие отступающей группы партизан, расстреляв все патроны, комсомолец Кузнецов взорвал противотанковой гранатой себя и бросившихся к нему фашистов. Было тогда парнишке из Умбы всего 17 лет»².

Подвиг как наиболее выраженное индивидуальное, тем не менее, закрепляется именно в коллективной памяти. Как героическое воспринимается действие другого: «И когда боец Кротов А. М. был ранен в голову, но не ушел с поля боя, а заявил что я не уйду потому что их много вшивых фрицев, а нас мало и он дрался как герой. Таких героев как Александр Кротов много в нашем отряде, которые не считаясь ни с какими трудностями и самой жизнью, что дорого каждому человеку дабы добыть победу нашей родины»³. О своих собственных действиях авторы воспоминаний скорее пишут «апофатически», не признавая их как из ряда вон выходящие: «У нас и патронов-то не было. Просто встали на лыжи и пошли на немцев. Те дрогнули. Сумели достать пулей только Васю Маничева. А мы прорвались. Не думаю, что это был подвиг, вот так, практически безоружным, пойти на врага. Для этого смелость иметь надо было»⁴.

Отнюдь не каждая гибель в военных воспоминаниях воспринимается как подвиг. Иногда о смерти членов отряда упоминается как о почти привычной ситуации – кратко, как бы «по пути»: «Узнаем, что из группы в 17 человек (ком[анди]ра Сычкова) на базу вернулось [1 слово неразборчиво] только 3 человека. Остальные погибли смертью храбрых»⁵.

Но обязанность превозмочь себя и восприятие своих действий на пределе возможностей – это постоянный троп, становящийся наи-

¹ *Рождественская Е.* Война как труд над миром // XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 29; ср.: Там же. С. 56, 799, 800.

² *Орешета М. Г.* Указ. соч. С. 45.

³ МОМ ОФ 15712/6. Л. 4.

⁴ *Орешета М. Г.* Указ. соч. С. 50; ср.: Там же. С. 49.

⁵ МОМ ОФ 15712/16. Л. 5.

более психологичным и эмоциональным при описании боевой операции: «Два часа проведенные под носом у противника были часами напряжения всех сил и нерв[ов] разведчиков. Ни укусы комаров ни отекавшие места от занимаемого неудобного положения не смогли заставить шевельнуться двух советских бойцов»¹.

Травма

Травматический опыт представлен в воспоминаниях с различных сторон. Уже само включение в повседневность войны связано с воздействием тяжелых условий. Боль и усталость от массивного рюкзака, сложные условия длинного перехода, трудности при форсировании рек и штурме высот, голод и поиск питания – общие места во многих воспоминаниях. Травма тела соединяется с травмой сознания, связанной с постоянным ожиданием и ужасом смерти.

Физическая травма связана также с ранениями, которые воспринимаются как урон и помеха для всех членов отряда: «Немалая забота была чтоб сохранить своих бойцов живыми не иметь раненых которые могут быть в таком тылу [глубокий тыл противника – К. К.] обузой для всего отряда но воля силы и ненависть партизана к врагу становилась единой»².

Тяжелые погодные условия приводили к обморожениям: после Ледового похода их имели до семидесяти процентов сводного отряда³. Формальный подсчет процентов в отчетах можно дополнить описанием из дневника Ледового похода от 01.01.1943: «Товарищ Мозаков был обнаружен в 5–6 км от группы в западном направлении. Конечности рук и ног были обморожены до такой степени, что кожа на руках висела как оборванные тряпки. По-видимому, т. Мозаков был не в своем уме, и на вопрос куда он направляется, отвечал: “Был дома” и благодарил командира, что его отпустил. “Теперь я всегда буду заходить домой”»⁴. Через неделю боец умер⁵.

¹ Так эмоционально и отстраненно одновременно описывает собственные действия политрук разведки С. С. Трошин (МОМ ОФ 15810/3. Л. 7 об.).

² МОМ ОФ 15712/8. Л. 3 об.

³ Из рапорта командира отряда «Советский Мурман» ... о боевых действиях сводной группы партизанских отрядов «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья» в период с 17 декабря 1942 г. по 7 января 1943 г. // Наука и бизнес на Мурмане (Партизаны Заполярья. Документы рассказывают). 2003. № 5. С. 12.

⁴ Ледовый поход. Дневник партизанского отряда «Большевик Заполярья» (декабрь 1942 – январь 1943) // Там же. С. 43.

⁵ Орешета М. Г. Указ. соч. С. 51.

Физическая травма прописывается. Постоянное эмоциональное напряжение скрывается в описании быта, шуточном описании боевых подробностей, штампах о врагах и необходимости возмездия противнику «народными мстителями». Часто это описание или очень общее и отвлеченное (природа, быт, дорога) или, наоборот, фрагментарное и конкретное. Последнее также выступает признаком травматического письма, неспособного передать всю полноту пережитого: «Перескоки с одного на другое», впрочем, свидетельствуют не столько о дискурсивной недостаточности, сколько о доступном способе борьбы с ней»¹.

В попытке эксплицировать военную травму по партизанским письмам важно сравнение воспоминаний, созданных в период войны, и послевоенных: радикальная и жесткая оценка воровства у «своих» и последующего расстрела совершившего это действие бойца в описаниях периода войны дополняется более рефлексивной и относительной в послевоенное время². Еще более сложный кейс – столкновения партизан и финского гражданского населения³, воспоминания о которых полны неясностей и умолчаний, что также является свидетельством полностью неотрефлексированного травматического опыта.

Полюсы партизанской памяти показывают разноуровневость и сложность войны, неисчерпаемость как «классических» сюжетов региональной военной темы, так и проблематики антропологии и микроистории войны, истории эмоций и памяти о периоде 1941–1945 гг.

¹ Голубев А., Ушакин С. Экс-позиция письма: О правилах чтения чужой переписки // XX век: Письма войны. С. 16.

² Подробнее: Коткин К. Я. «На четвертые сутки большой привал...» [в печати].

³ Воспоминания: Костры партизанские, 1973. С. 47–48, 204–205; Смирнов А. С. Указ. соч. С. 147–170; современные отечественные исследователи об этой проблеме: Веригин С. Г. О некоторых подходах к оценке взаимоотношений советских партизан и финских диверсантов с гражданским населением в период Второй мировой войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 84–97; Он же. Особенности партизанского движения на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2015. № 4 (34). С. 76–86; Дащинский С. Советские партизаны в финской Лапландии // Север. 1995. № 5. С. 115–127.

М. Н. Сулейм (Тромсё)

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В НОРВЕГИИ И ФИНЛЯНДИИ: ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ, СМЕРТНОСТЬ И «ЗАБЫТАЯ ПАМЯТЬ»

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы об обращении с советскими военнопленными в Норвегии и Финляндии, уровне смертности среди них, и причинах, по которым судьбу советских военнопленных можно считать забытым аспектом национальной коллективной памяти в Норвегии и Финляндии.

Ключевые слова: советские военнопленные, Вермахт, Организация Тодта, шталаг, коллективная память, Норвегия, Финляндия, репатриация, военные преступления, военные захоронения.

M. N. Soleim

SOVIET PRISONERS OF WAR IN NORWAY AND FINLAND – TREATMENT, MORTALITY AND FORGOTTEN MEMORIES

Abstract: The article describes German and Finnish treatment of Soviet prisoners of war in Norway and Finland, the death rates among Soviet prisoners of war in the two countries and why these prisoners can be described as a forgotten part of the national collective memory in Norway and Finland.

Key words: Soviet prisoners of war, Wehrmacht, Organisation Todt, Stalag, collective memory, Norway, Finland, repatriation, war crimes, war graves.

Отношение немцев и финнов к советским военнопленным в Норвегии и Финляндии, особенно в северных районах этих двух стран, является предметом данной статьи. Обращение с военнопленными не соответствовало предписаниям Женевской конвенции 1929 г. Рассмотрим факторы, игравшие решающую роль в их судь-

бе, детально проанализировав ситуацию в одном из крупнейших лагерей для военнопленных – шталаге 322 Эльвенес-Киркенес возле города Киркенеса в Финнмарке – иллюстрируя на его примере характер обращения и масштабы размещения пленных, захваченных на фронте под Мурманском, в норвежском Восточном Финнмарке и Северной Финляндии. Приведем краткие сведения о нормах питания, уровне смертности среди советских военнопленных в этих двух странах и попробуем понять причины, по которым судьба этих пленных много лет не являлась частью национальной памяти в Норвегии и Финляндии. Сначала же рассмотрим различия между военнопленными и гражданскими узниками нацистских лагерей.

В 1941–1945 гг. в Норвегию было доставлено почти 100 тыс. советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных из СССР на принудительные работы. Из них примерно 90 тыс. были военнослужащими Красной армии, а почти 9 тыс. – так называемыми *остарбайтерами*¹. В числе последних насчитывалось до 1400 женщин и 400 детей. Порой советских мирных граждан угоняли целыми семьями, и в неволе на территории Норвегии у остарбайтеров родилось 150 детей. Из них 50 появились на свет в 1944–1945 гг. в лагере для подневольных рабочих «Фростфилет» в Буде². Всего в 1941–1945 гг. Вермахт и Организация Тодта (ОТ) создали в Норвегии почти 500 лагерей для советских военнопленных и подневольных рабочих³. Большинство из них находилось в Северной Норвегии. Размеры лагерей были различны: в одних содержалось совсем немного узников, а в других – несколько тысяч.

В 1943 г. командующий немецкими войсками в Норвегии генерал-полковник Николаус фон Фалькенхорст затребовал 145 тыс. пленных для выполнения затеи Гитлера со строительством железнодорожной линии до Киркенеса в Финнмарке⁴. Но к концу войны этот проект был далек от завершения. В том, что касалось распределения советских пленных, прибывающих в Норвегию, Вермахт и ОТ отчасти сотрудничали, а отчасти соперничали друг с другом.

¹ Norwegian National Archives, Sosialdepartementet, Kontoret for flyktninge- og fangespørsmål, eske 0417. Flyktninge- og fangedirektoratet: Final Report, Prisoners of War executive, Headquarters Allied Land Forces Norway. H. Q.B. L.F. N. Oslo 14 Dec. 1945.

² Частный архив Кнута Ступе: Navnelister, Russelager Fabrik Frostfilet, barn. 1945.

³ Soleim M. N. Sovjetiske krigsfanger i Norge – Antall, organisering og repatriering. Oslo, 2018. P. 8–9.

⁴ Ziemke E. F. The German Northern Theatre of Operations 1940–1945. Washington, 1959. P. 264 f.

Шталаги выполняли функцию основного лагеря в соответствующих районах. На них возлагалась задача управления лагерями-филиалами. В шталагах военнопленных разбивали на роты и рабочие батальоны, а затем рассылали по тем филиалам, где требовалась рабочая сила. По данным из немецких источников четвертый основной лагерь для советских военнопленных – шталаг 322 Эльвенес/Киркенес – был организован в июне 1941 г.¹ В ноябре того же года командование Вермахта рапортовало, что советские военнопленные обеспечены всем необходимым в плане жилья, продовольствия и одежды². Позднее, однако, стало известно, что они содержались в ужасающих условиях. Крайняя скученность людей на небольших территориях лагерей, необычайно скудное питание, отсутствие должной медицинской помощи и жестокое обращение со стороны немецких охранников приводили к массовому голоду и болезням, результатом которых становилась высокая смертность³. В шталагах, как и в других лагерях на территории оккупированных Германией стран, проводилась фильтрация узников для отсева «нежелательных элементов» – евреев и коммунистов, которых затем казнили⁴.

Судя по всему, пленных, захваченных на фронте под Мурманском, сначала отправляли в шталаг Титовка и шталаг Парккина (возле Петсамо). Оттуда их переводили в шталаг 322, лагерь № 8 в Колосйоки (под Никелем) и другие лагеря. В январе 1944 г. командование Вермахта докладывало, что пленных, больных туберкулезом, будут направлять в госпиталь для военнопленных в финском городе Салла. Инвалидов, эпилептиков и других нетрудоспособных военнопленных также собирались перевести в госпиталь. По данным Верховного командования Вермахта в феврале 1944 г. планировалось передать группу из 1000 вновь прибывших военнопленных в распоряжение командования 20-й горной армии. О том, сколько из них должно было поступить в шталаг 322, сведений нет⁵.

Пленные, содержащиеся в шталаге 322, строили дороги, ВПП на аэродромах, укрепления на побережье, работали на лесоповале.

¹ Bundesarchiv-Militärarchiv (BA/MA), RH/20/20/192, AOK Befehlsstelle Finnland, O.Qu./Qu.2/Iva, Nr. 42/41 g. Kdos, Besondere Anordnungen für die Versorgung Nr. 7, 19.6.41.

² BA/MA, RH/20/20/205, Generalkommando Gebirgskorps Norwegen, Qu. Nr 536/41 geheim, 15.11.1941.

³ *Soleim M. N.* Op. cit. P. 168.

⁴ Bundesarchiv-Aussenstelle Ludwigsburg, files 8588–8590, „Aussonderung“ von Kriegsgefangenen im Stalag 322 in Elvenes bei Kirkenes (Norwegen).

⁵ BA/MA, RH/20/20/254, Oberkommando der 20. Gebirgs-Armee. Qu 2. Tätigkeitsbericht für die Zeit vom 1.1.–31.1.1944. 26. Februar 1944.

Кроме того, советских военнопленных задействовали для прокладки дороги из Эльвернеса в Якобснес в районе Киркенеса¹. По приблизительной оценке в распоряжении шталага 322 находилось 4–5 тыс. советских военнопленных, но на деле их скорее всего было больше: согласно ведомостям на выдачу продовольствия, составленным немцами в апреле 1942 г., в районе дислокации 20-й горной армии было 35 тыс. пленных².

Обращение с советскими военнопленными

В различных лагерях с пленными обращались по-разному: их судьба во многом зависела от личности коменданта лагеря. Через год после появления советских военнопленных в Норвегии там была создана администрация по делам военнопленных. Однако ее штаб-квартира располагалась вдалеке от самих лагерей, и глава администрации не мог серьезно влиять на решения, принимавшиеся их комендантами.

Жестокость нацистов во время Второй мировой войны не знала границ: в том, что касалось обращения с советскими военнопленными, Вермахт и ОТ как правило игнорировали положения Женевской конвенции 1929 г. На условия содержания советских военнопленных и обращение с ними большое влияние оказывали такие факторы, как этническое происхождение пленного, национальность лагерных охранников и их отношение к заключенным, в частности, их принадлежность к власовской «Русской освободительной армии». В Норвегии, особенно на севере страны, многие советские пленные страдали от различных болезней и недоедания. В этом регионе большое число пленных погибло от жестокого обращения и крайне скудного снабжения продовольствием. Командование Вермахта считало, что питание советских военнопленных в Норвегии должно обходиться Рейху максимально дешево. Установленные для них нормы выдачи продовольствия были ниже, чем для военнопленных из других стран в Германии, но намного выше, чем для советских пленных, содержавшихся в других регионах: эти нормы должны были обеспечивать трудоспособность узников. Суточный рацион состоял из 750 граммов хлеба и 750 граммов картофеля; дополнительно три-четыре раза в неделю пленным полагалось по 100 граммов рыбы

¹ BA/MA, RH/20/20/216, Oberkommando der 20. Gebirgs-Armee O.Qu./Qu.1 Nr.500/42g.Kdos, Überblick über die Versorgungslage der 20.(Geb.) Armee vom 1.9.42. O. U., den 10.9.1942.

² *Sør-Varanger historielag*. Sør-Varanger under 2. verdenskrig. Arena i stormaktskonflikt. Kirkenes, 1997. P. 179.

и 20 граммов сала¹. На деле, однако, пайки были намного меньше. В лагере Квесменес (Северный Тромс) суточный рацион составлял 1100 калорий, и только трудоспособные заключенные питались несколько лучше. По данным Союзной комиссии по расследованию военных преступлений, многие из военнопленных, для которых в качестве причины смерти указывалось «переутомление», на самом деле погибли от голода².

Отступление 20-й горной армии из Финляндии в Северную Норвегию, а затем на юг страны в октябре 1944 г. привело к изменениям в продовольственных нормах для советских военнопленных. Примерно 8–9 тыс. военнопленных, находившихся в распоряжении генерала Йодля, немцы уводили с собой пешком, заставляя проходить по 30 километров в день. Затем их отправили на строительство укреплений в Шиботндалене на берегу Люнген-фьорда, но из-за недостаточного питания они слабели, что вело к постоянному снижению трудоспособности. Особенно ухудшилось здоровье пленных с декабря 1944 г.: об этом докладывал Брюннер – начальник медицинской службы 6-й горнопехотной дивизии. Согласно немецким отчетам, в феврале 1945 г. 20 % пленных были нетрудоспособны из-за болезней, в марте эта цифра увеличилась до 30 %, а в апреле уже половина военнопленных была не в состоянии работать. Причиной плохого состояния здоровья стало урезание продовольственных пайков³.

Особенно высокой смертность среди советских военнопленных была в лагере на острове Энгелёй в коммуне Стейген. Там многие умерли от изнурения из-за тяжелого труда; кроме того, охранники зачастую избивали обессиленных и нетрудоспособных заключенных. «Повсюду царила смерть», – вспоминает Виктор Петрашевский. Тяжелый труд, недоедание и бесчеловечные условия разрушали здоровье узников. Дисциплина в лагере была необычайно суровой: малейший проступок наказывался десятью, двадцатью пятью и даже 50 ударами плетью. За кражу или попытку побега полагалось 50 плетей⁴.

¹ BA/MA, RH 26–214/33, AOK Norwegen, Anordnung über den Einsatz russischer Kriegsgefangener in Norwegen und Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener. 1941.

² National Archives (UK), WO 331/24, Investigation of War Crimes in area of Skibotn and Kvesmenes, Troms Fylke, juni 1945.

³ National Archives (UK), WO 331, War Crimes in Norway, War Crimes Investigation Branch, Norway 32 Eaton Square, London, S. W.1. 21st March 1946. P. 52.

⁴ Письмо Виктора Александровича Петрашевского автору, 6 июня 2001 г., перевод Виктора Игоревича.

За годы войны в Норвегии погибло около 13 700 советских военнопленных. В эту цифру входят жертвы потопления судов «Палатия» и «Ригель»: на них погибло 885 и 1800 советских военнопленных, но она не включает гражданских подневольных рабочих, умерших в Норвегии¹. Советские власти утверждали, что в Норвегии пропало без вести 16 тыс. пленных солдат. По норвежским данным, в немецких источниках упоминается о примерно 7 тыс. погибших военнопленных².

И Вермахт, и ОТ с самого начала войны рассматривали побег военнопленных как угрозу лагерной системе. Согласно документам командования 20-й горной армии, немцы опасались, что бежавшие узники будут заниматься шпионажем, диверсиями и создавать партизанские отряды. В результате немецкие охранники часто приказывали советским пленным идти вперед, расстреливали их в спину, а затем докладывали, что заключенные убиты при попытке к бегству. У пленных советских солдат, пытавшихся бежать в Швецию, было мало шансов на спасение. Как правило, они не говорили по-норвежски, не имели теплой одежды и обуви, запаса еды, и к тому же были истощены. Многих из них ловили, многие умирали от голода и холода в горах у шведской границы. Некоторые люди, жившие по соседству с лагерями или строительными объектами, доносили полиции о бежавших военнопленных. Вермахт хорошо платил доносчикам, а в норвежских газетах печатались предупреждения о жесточайших наказаниях за помощь советским пленным при побеге.

Советские военнопленные в Финляндии

В 1941–1944 гг., когда Финляндия была союзницей Германии в войне против СССР, финские власти передали немцам около 2500 советских военнопленных и 12 евреев³. Передавались и другие люди, например, коммунисты, для которых попасть в руки немцев было смертельно опасно. О фактах передачи Финляндией нацистам советских пленных и евреев рассказала Элина Сана в своей книге, вышедшей в 2012 г.⁴

¹ *Soleim M. N.* Op. cit. P. 34.

² Norwegian National Archives, oversikt over de russiske gravers antall og fordeling ved Eugen Syvertsen, udatert, Krigsgravtjenesten, sovjetiske krigsgraver 1946–1952, boks 26.

³ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944 // Lars Westerlund (ed.). PoW deaths and people handed over to Germany and The Soviet Union in 1939–55. A research report by the Finnish National Archives. Helsinki, 2008. P. 16.

⁴ *Sana E.* Luovutetut: Suomen ihmislouvutukset Gestapolle. Helsinki, 2012.

Всего в финском плену в 1941–1944 гг. было зарегистрировано 64 тыс. советских военнослужащих. Около 19 тыс. из них не пережили плен. Из погибших примерно 20 % умерли от голода, еще две трети – от различных болезней. Остальные умерли от ран, полученных в бою, или были застрелены лагерными охранниками. Самым страшным для пленных стал 1942 год: на него приходится 15 000 погибших. Согласно исследованию, основанному на изучении картотек военнопленных и интернированных гражданских лиц, причиной большинства смертей были болезни. Из числа умерших от болезней около 25 % стало жертвами кишечных инфекций, 10 % погибло от ОРВИ, и примерно 20 % – от других инфекций и прочих заболеваний. От рук рядовых охранников и командного состава лагерей погибло 1019 советских военнопленных, или 5,3 % от общего числа жертв¹. Еще примерно 29 500 советских военнопленных в 1941–1944 гг. содержалось в немецких лагерях на территории Финляндии. По имеющимся данным, в этих лагерях в провинции Лапландия, Салле, Суомуссалми-Куусамо-Кестеньге, Петсамо и Пори погибло не менее 4700 человек. Но скорее всего эти сведения неполны: информация по региону разрознена как по территории, так и по времени. Имеющиеся данные показывают, что уровень смертности в немецких лагерях колебался от 11 до 45 % в зависимости от места их расположения².

Высшие офицеры Главного командования финских вооруженных сил в 1941 и начале 1942 г. относились к советским военнопленным крайне негативно³. Поэтому и обращались с ними весьма жестоко. В начале Войны-продолжения, и особенно зимой 1941/1942 г., Финляндия не соблюдала положения Женевской конвенции 1929 г. Результатом стала массовая гибель советских солдат в финском плену, хотя в рамках официальной политики Главного командования в отношении военнопленных их не планировалось намеренно заморить голодом. Впрочем, весной 1942 г. командование пересмотрело свою политику по отношению к военнопленным. Отчасти причиной этого стали многочисленные отчеты и предложения, поступающие от комендантов лагерей, инспекторов по делам военнопленных и из штаба Шюцкора⁴.

¹ *Westerlund L.* German PoW Policy in Finland and Norway in WW II. Paper, Narvik, 2008.

² *Idem.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody. P. 122.

³ *Ibid.* P. 63.

⁴ *Ibid.* P. 77.

Хотя в финском плену погибло много советских военнопленных, в стране имеется лишь несколько мемориалов и монументов в память об этих жертвах. Один из немногих примеров – мемориал в Настола. В этом финском городке в 1941–1944 гг. было похоронено 1055 пленных. В 1987 г. недалеко от центра Настолы, на их братской могиле была установлена статуя Родины-матери работы российского скульптора Владимира Федорова¹. Существуют и воинские кладбища, созданные еще во время войны. Одним из примеров является кладбище советских военнопленных в Наараярви. Во время войны там было похоронено 2813 человек. Вскоре после ее окончания деревянные кресты с могил были убраны, а позднее на кладбище был установлен памятник². В Финляндии наследие войны не охраняется законом, и, в частности, то, что осталось от связанных со Второй мировой войной объектов в Финской Лапландии, долгое время рассматривалось как ненужный хлам, помехи, мешающие наслаждаться первозданными красотами местной природы³.

Серьезных наказаний военные преступники в Финляндии не понесли. После войны финнов вынудили отдать под суд восьмерых высокопоставленных политических деятелей, но подсудимых отбирали по сути наугад. Так, по настоянию советской стороны в числе приговоренных к тюремным срокам оказался бывший министр иностранных дел, социал-демократ Вяйне Таннер. В то же время многим другим, в том числе Тойво Хорелли, пронацистски настроенному политику, занимавшему в начале войны пост министра внутренних дел, даже не были предъявлены обвинения – несмотря на то, что именно он приказал передать немцам евреев-беженцев⁴. Важный вклад в выяснение судьбы советских военнопленных на финской земле внес проект Национального архива Финляндии «Финляндия, военнопленные и экстрадиции в 1939–1945 гг.». Тем не менее советские военнопленные до сих пор не стали в этой стране частью национальной памяти о событиях Второй мировой.

¹ Neuvostoliittolaisten sotavankien hautausmaa // Hyvän Olon Nastola. URL: <https://www.nastola.fi/index.php?mid=151> (дата обращения: 21.01.2020).

² *Westerlund L.* (ed.) Prisoners of war and internees: a book of articles by the National Archives. Helsinki, 2008. P. 568.

³ *Seitsonen O. and Herva V. P.* Forgotten in the Wilderness: WWII German PoW Camps in Finnish Lapland // *Archaeology of Internment*, ed. A. Myers and G. Moshenska. New York, 2011. P. 178.

⁴ *Holmila, A. and Tilli J. A.* From Silence to Historical Consciousness: The Holocaust and WWII in Finnish History Politics // *Scandinavian – Canadian Studies*, 2016. P. 127.

Забывтая память

История советских военнопленных может служить наглядным примером того, как драматизм войны на Восточном фронте был перенесен на территорию Норвегии. Индивидуальные и коллективные воспоминания, связанные с пленными, свидетельствуют о стремлении, чтобы в норвежском контексте не были забыты и люди других национальностей.

В коллективной памяти о войне эти люди и их страдания на норвежской земле в основном остаются частью местного нарратива. С одной стороны, тема советских военнопленных не входит в национальную историю оккупации и пребывает в забвении, но с другой – она занимает видное место во всех локальных источниках исторического знания – как устных, так и письменных. Однако в широком контексте это знание не задействовано, и в результате память о войне носит ограниченный характер. В норвежском обществе на общенациональном уровне не было места для живой памяти о пленных советских солдатах¹. Одна из причин, по которым образовался этот пробел, связана с судьбой пленных после репатриации на родину в 1945 г. Из Норвегии были репатриированы около 84 тыс. советских граждан², и до начала 1990-х гг. контактов между норвежцами и бывшими советскими пленными почти не было³. После репатриации многие исследователи на Западе задавали вопросы о том, что сделал Сталин с вернувшимися из неволи согражданами. Некоторые очевидцы рассказывали о плохом обращении с репатриированными, и даже их расстрелах. Это привело к появлению мифа об их печальной судьбе, и немало ученых утверждали, что буквально всех военнопленных отправили в исправительно-трудовые лагеря на севере СССР или казнили⁴. Российские историки рисуют более нюансированную картину. По их данным 58 % бывших военнопленных были демобилизованы и вернулись домой, 19 % продолжили воинскую службу, 14 % были отправлены в рабочие батальоны, 6,5 % передали в систему НКВД, а 2 % все еще находились в пересыльных лагерях

¹ *Soleim M. N.* (ed.). Introduction // *Prisoners of war and forced labour – histories of war and occupation*. Cambridge, 2010. P. 11.

² Norwegian National Archives, Kontoret for flyktninge- og fangespørsmål, eske 0417. Flyktninge- og fangedirektoratet: Final Report of Prisoner of war Executive, Headquarters allied land forces Norway, Oslo 14. Dec. 1945.

³ *Soleim M. N.* Introduction. P. 11.

⁴ См., например: *Bethell N.* *The Last Secret*. London, 1974. P. XIII; *Tolstoy N.* *Victims of Yalta*. London, 1977. P. 409.

за рубежом¹. Павел Полян в своей книге о репатриации советских военнопленных, вышедшей в 2001 г., приводит такие же цифры².

Вторая мировая война оставила свой след на финляндских ландшафтах. Места сражений, военные мемориалы и кладбища – неотъемлемая часть местной и национальной памяти и наследия. Память и поминовение Второй мировой войны стали одним из важнейших элементов финской национальной идентичности. Желание и потребность помнить эти трудные времена не иссякли, они развиваются и принимают новые формы. Так, в последние десять лет среди туристических достопримечательностей видное место занимают новые музеи исторического наследия и воссозданные поля сражений Второй мировой. Однако группы, которые не считаются частью национальной идентичности, остаются за рамками этой национальной памяти и памятных мероприятий, посвященных войне. К таким группам относятся евреи и советские военнопленные.

Последние десять лет, однако, память о советских военнопленных постепенно включается в коллективную память и культуру памяти Финляндии и Норвегии. В Финляндии большой интерес сегодня вызывают вопросы, связанные с отношением народа к зверствам, совершавшимся как нацистами, так и финскими военными. Об изменении отношения финнов к опыту войны свидетельствуют исследования о зверствах по отношению к советским военнопленным в Финляндии и депортации евреев в Германию. В последние десятилетия на первый план постепенно выходят не военно-политические проблемы, а «личное измерение» войны. Российские и норвежские власти уделяют все больше внимания советским военным захоронениям в Норвегии, а люди активно участвуют в памятных мероприятиях, зачастую включающих рассказы о пережитых страданиях и контактах между местными жителями и военнопленными.

В Норвегии и Финляндии в последние годы активно изучается история советских военнопленных, идет работа по выявлению советских граждан, ставших жертвами войны. В 2008 г. Национальный архив Финляндии опубликовал базу данных о погибших в финских лагерях для военнопленных и лагерях для интернированных гражданских лиц в Восточной Карелии. В базу включен также список военнопленных, погибших в Финляндии в ходе Зимней войны. База была составлена в рамках научного проекта Национального

¹ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.

² Polian P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. München / Wien, 2001.

архива Финляндии «Финляндия, военнопленные и экстрадиции в 1939–1945 гг.»¹.

В момент капитуляции Германии и упразднения немецкого оккупационного режима в Норвегии многие документы об убийствах советских военнопленных в стране были уничтожены. В рамках научного проекта «Воинские могилы ищут имена» удалось установить ранее неизвестные имена почти 4 тыс. советских пленных, погибших в Норвегии. В работе по дальнейшему выявлению советских граждан, погибших на норвежской земле, мы используем базу данных российского ОБД «Мемориал»² с оцифрованными карточками военнопленных. В 2011 г. мы создали базу данных с возможностью поиска по всем установленным поименно жертвам среди советских военнопленных в Норвегии (www.krigsgraver.no)³.

Базы данных облегчают родственникам погибших поиск информации. Наряду с проводимыми исследованиями они дают возможность превратить масштабные мемориалы и кладбища в этих странах из безымянных братских захоронений в могилы конкретных людей. Так можно будет дополнить общую память о пленных памятью об отдельных людях. Советские памятники погибшим солдатам зачастую представляют собой безымянные мемориалы – личности большинства жертв не указываются. Благодаря научным исследованиям, уходу за воинскими могилами, мемориалам и музеям мы можем расширить спектр коллективной памяти о войне в упомянутых мною странах. Это также дает хорошую возможность уделять больше внимания иностранцам, погибшим в Норвегии и Финляндии.

¹ База данных «Судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии». URL: <http://kronos.narc.fi/>

² База данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/>

³ База данных «Военные могилы иностранцев в Норвегии». URL: <https://www.krigsgraver.no/ru>

М. М. Паникар (Архангельск)

РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ НОРВЕГИИ

(по воспоминаниям участников событий)

Аннотация: Настоящая статья посвящена процессу репатриации советских военнопленных из Норвегии после капитуляции нацистской Германии в мае 1945 г. Ее новизна заключается в том, что уже полученные из архивных фондов данные иллюстрируются воспоминаниями участников событий, дополняя их важными деталями: описанием повседневной жизни бывших узников после освобождения и до отправки на родину; отношением к освобожденным местного населения и союзных властей, ответственных за репатриацию; описанием процесса транспортировки в Ленинград через Швецию и Финляндию «Южным маршрутом» и в Мурманск «Северным маршрутом». Использование такого исторического источника, как воспоминания позволяет сопоставить и дополнить уже известные исторические факты, придать им эмоциональный окрас, сформировать психологическую картину происходящего, уловить особенности менталитета, без которых немислимо и само понимание событий тех лет.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Норвегия, советские военнопленные, воспоминания.

М. М. Panikar

REPATRIATION OF SOVIET PRISONERS OF WAR FROM NORWAY (Based on Participants' Memories)

Abstract: The article is devoted to the process of repatriation of Soviet prisoners of war from Norway after the surrender of Nazi Germany in May 1945. Its novelty lies in the fact that the data already obtained from archival funds are supplemented by the memories of the participants of the events, adding important details: a description of the daily life of former prisoners after their release and before being sent home; the attitude of the local

population and the Allies authorities responsible for repatriation; description of the process of transportation to Leningrad via Sweden and Finland by the «Southern route» and to Murmansk by the «Northern route». The use of such a historical source as memories allow to compare and supplement the already known historical facts, give them an emotional coloring, form a psychological picture of what is happening, catch the features of mentality, without which the understanding of the events of those years is unthinkable.

Key words: Second World War, Norway, Soviet prisoners of war, memories.

В настоящее время тема военного плена и последующей репатриации бывших советских военнопленных на родину является одной из дискуссионных в изучении истории Второй мировой войны. Численность репатриантов, организация процесса репатриации союзниками, дальнейшая судьба бывших военнопленных и другие аспекты данной проблематики служат предметом изучения современных исследователей. Открытие в 90-е годы прошлого столетия ранее засекреченных архивных данных и возможность проведения исследований в зарубежных архивах положили начало переосмыслению данной тематики и всплеска интереса к ней.

Анализ отечественной и зарубежной исследовательской литературы, посвященной проблеме военного плена и советских военнопленных во Второй мировой войне, позволяет сделать вывод о множестве концептуальных подходов к трактовке данной проблематики и направлений в ее изучении. К настоящему времени в ходе исследований, проведенных отечественными и зарубежными историками, были рассмотрены многие аспекты этой темы. Историей движения Сопrotивления и участия в нем советских пленнoх занимались Е. А. Бродский¹, В. В. Логунов², В. И. Сахаров³. Изучению лагерного механизма нацистских концентрационных лагерей, где также содержались и советские военнопленные, посвящены работы Д. Е. Мельникова, Л. Б. Черной⁴, Н. С. Алексеева⁵, М. Е. Ерина⁶.

¹ Бродский Е. А. Живые борются. М., 1965; *Он же*. Во имя победы. М., 1970.

² Логунов В. В подполье Бухенвальда. Рязань, 1963.

³ Сахаров В. И. В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1969.

⁴ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1933–1945. М., 1987.

⁵ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М., 1986.

⁶ Ерин М. Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152–160; *Его же*. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945. Проблемы исследования. Ярославль, 2005.

Историки В. Н. Земсков¹, И. А. Дугас, Ф. Я. Черон² подробно рассмотрели вопросы репатриации. Значительный вклад в изучение проблемы коллаборационизма среди советских военнопленных внесли М. И. Семиряга³, С. Г. Чуев⁴, С. И. Дробязко⁵. Ключевым аспектам изучаемой проблематики – численности советских пленных и количеству жертв среди них посвящены работы К. Штрайта⁶, В. И. Козлова⁷, М. А. Гареева⁸, В. В. Гуркина⁹. Вместе с тем, подавляющая часть исследовательской литературы фокусируется на советских военнопленных, находившихся на территории Германии, оккупированных Австрии, Польши, Франции, СССР. Исследование истории советских пленных в Норвегии и их последующей репатриации нашло отражение в работах норвежской исследовательницы М. Н. Солейм. Ее монография, основанная на архивных материалах Государственного архива Норвегии, нашла положительный отклик среди отечественных скандинавистов¹⁰.

Источниковую базу настоящей статьи составили материалы архивохранилищ России и Норвегии, а также воспоминания бывших советских военнопленных, находившихся в годы Второй мировой войны на территории оккупированной Норвегии¹¹. Главной целью

¹ *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1956 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; *Он же.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5, 6. С. 3–13.

² *Дугас И. А., Черон Ф. Я.* Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994.

³ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

⁴ *Чуев С. Г.* Власовцы – пасынки Третьего Рейха. М., 2006.

⁵ *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004.

⁶ *Штрайт К.* Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 50–58; № 2. С. 42–50; № 3. С. 33–39; № 4–5. С. 43–50; № 6–7. С. 39–44; № 8. С. 52–59; № 9. С. 36–40; № 10. С. 33–38; № 11. С. 28–32; № 12. С. 20–23; 1994. № 2. С. 35–39; № 3. С. 24–28; № 4. С. 31–35; № 6. С. 35–39.

⁷ *Козлов В. И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История СССР. 1989. № 2. С. 132–139.

⁸ *Гареев М. А.* О мифах старых и новых // ВИЖ. 1991. № 4. С. 42–52; *Гуркин В. В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 219–224.

⁹ *Гуркин В. В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг.

¹⁰ *Солейм М. Н.* Советские военнопленные в Норвегии. 1941–1945 гг. Численность, организация и репатриация. М., 2012.

¹¹ Настоящая статья базируется на воспоминаниях бывших военнопленных, которые были собраны в результате реализации совместного россий-

интервьюирования бывших узников нацистских лагерей в Норвегии является формирование историко-социологического источника, содержащего информацию по широкому кругу проблем военного плена, включая этап репатриации на родину.

После капитуляции фашистской Германии в мае 1945 г. советское правительство было вынуждено решать проблему возвращения в СССР миллионов бывших военнопленных и гражданских лиц, угнанных из страны в годы войны. В ведомстве уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, возглавляемом генерал-полковником Ф. И. Голиковым, было установлено, что к концу войны количество советских граждан, оказавшихся за границей, составило около 5 млн человек, 1,7 млн из которых были советскими военнопленными¹.

В мае 1944 г. в Лондоне данный вопрос обсуждался на совместном заседании комитета, созданного для осуществления репатриации иностранных граждан из Норвегии («Комитет по репатриации»). С момента освобождения и до завершения процесса репатриации ответственность за иностранных граждан несли норвежские власти и Экспедиционный корпус союзных войск. На заседании было принято решение о необходимости обеспечить репатриантов продуктами питания, одеждой, медикаментами, создать приемлемые условия содержания². Это решение было выполнено, и военнопленные получили все необходимое для жизни. Так, они вспоминают: «Кормили нас, эти четыре месяца хорошо, была и тушенка, и все. Когда я ехал на родину, у меня только одного плиточного шоколада было восемь килограмм». «После капитуляции немцев норвежцы нас охраняли. Собрали всех в один лагерь Харгарлиельд. И поместили в бывшем немецком военном городке. Там жили и ничего не делали, хорошо кушали целый месяц»³. Интересно отметить, что по воспоминаниям пленных освобождали их из лагерей после капитуляции Германии разные представители – русские, англичане и норвежцы. Очевидно это можно объяснить разделением компетенций между союзниками, осуществлявшими подготовку к репатриации.

Бывшие узники вспоминают, что в первые дни освобождения были попытки массового уничтожения советских военнопленных через отравление, подрыв лагеря или другими способами. Бывший военнопленный И. П. Мороз вспоминает: «С севера Норвегии на

ско-норвежского проекта в 2011 г. Всего было опрошено и зафиксировано на видеоносителе 18 воспоминаний-интервью.

¹ Земсков В. И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 3.

² Riksarkivet (далее – RA). Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D – 82 – Krigsfanger. Boks 0–254. S. 11.

³ Воспоминания бывших военнопленных // Личный архив автора.

юг шло три парохода с советскими военнопленными (теми, которые были еще в Финляндии). Это было 8 или 9 мая. Два парохода этих отправили на дно. А капитан третьего судна сказал: “Выходите на палубу”, – и повел пароход в Нарвик. С двух потопленных пароходов капитаны и команда на шлюпках приплыли в Нарвик. Нас хотели расстрелять, но там уже были американцы и они не дали этого сделать»¹. Другой участник тех событий Ф. М. Хотяйчук рассказывает: «Когда мы открыли бидон – мы увидели там макароны по-флотски, то есть макароны, перемешанные с мясным фаршем. Нам такое и не снилось тогда. Не успели мы набрать котелок, как подскочил немец с криком: “Русские, не ешьте! Отравлено!” И тут же побежал к другим баракам»². Другие бывшие узники ссылались на тайный приказ Гитлера об убийстве всех советских военнопленных после капитуляции Германии.

Известно, что после капитуляции Германии норвежские власти настаивали на необходимости бывшим узникам находиться на территории лагеря, однако без немецкой охраны и информационной блокады, имевшей место до окончания войны. Такая потребность была вызвана необходимостью сохранения стабильной санитарной обстановки в стране и соображениями безопасности. Один из бывших пленных И. Я. Тряпицин вспоминает: «Охраны никакой не было. Наши повара продолжали работать и обеспечивать нас питанием. Они были русскими, но все продукты выдавали норвежцы. Они даже фотографировали нас. Эту пленку я по возвращении домой отдал в нашу коммунистическую газету»³. Практически все опрошенные отмечали возможность свободного перемещения не только по местности вокруг лагеря, но и по всей стране.

Для удобства и наиболее эффективного управления подготовкой к репатриации в разных частях страны создавались специальные «Зоны» – территориально-административные единицы во главе с командующим. «Зоны», в свою очередь, делились на «суб-зоны». Всего на территории Норвегии находилось пять «зон» с центрами в Тромсе, Трондхейме, Осло, Бергене и Ставангере⁴. Интересно отметить, что в компетенцию командующих «зон» входил контроль не только над лагерями, но и госпиталями, где находились на лечении бывшие узники нацистских лагерей. Помимо советских военноплен-

¹ Воспоминания бывшего военнопленного И. П. Мороза // Личный архив автора.

² Воспоминания бывшего военнопленного Ф. М. Хотяйчука // Личный архив автора.

³ Воспоминания бывшего военнопленного И. Я. Тряпицина // Личный архив автора.

⁴ RA. L. Kreiberg. Voks 4. S. 70a.

ных и остарбайтеров в годы войны на территории Норвегии находились военнопленные других государств, военнослужащие Вермахта, «спорные лица», немецкие граждане и «перемещенные лица».

Подготовительный этап репатриации включает период от капитуляции нацистской Германии 9 мая 1945 г. до отправки первого транспорта с советскими репатриантами на родину 13 июня того же года. Основным содержанием данного этапа являются инспекция лагерей бывших военнопленных, подготовка их к репатриации, создание сборных лагерей и создание сети госпиталей. Для подготовки и проведения репатриации иностранных граждан из Норвегии власти страны прибегли к внутренней и внешней помощи. С этой целью 9 мая 1945 г. было послано обращение к внутреннему фронту Норвегии в Осло и шведскому Красному Кресту в Стокгольме. Отреагировав на сигнал норвежских властей, через четыре дня после обращения в Буде прибыли сотрудники шведского МИДа во главе с полковником Б. Балченом. Осмотрев несколько лагерей, где содержались бывшие пленные, они телеграфировали в МИД в Стокгольме: «Сегодня побывали в трех лагерях в Фулло. Невыносимое положение: сотни пленных умирают от голода. Как можно быстрее высылайте лекарства, витамины и медперсонал»¹. Сохранились и воспоминания медсестры, работавшей в одном из госпиталей для бывших узников: «Меня сразу отправили продолжать службу в Му в Ране. Там я должна была работать санитаркой в военном лазарете № 4. Это был немецкий военный госпиталь, предназначенный только для русских военнопленных. Почти все они были изможденными от голода, почти умирали. Многим из них было по 17–18 лет. Они лежали и звали маму. Когда я приходила в госпиталь, я всегда говорила им по-русски: “Здравствуйте. Я всех вас люблю”. Тогда больные и истощенные люди были рады, многим казалось, что они дома, в России. Большинство из них были в таком безнадежном состоянии, что вскоре умирали. Я хочу сказать, что те страдания, которые я видела в лазарете № 4 в Му в Ране, были страшнее всего виденного мною. Я никогда не забуду этой страшной картины юных умирающих русских военнопленных»².

10 июня 1945 г. представителями союзных войск и сухопутных сил Норвегии была разработана и введена в действие «Административная инструкция 101». Она регламентировала процесс репатриации советских граждан всех категорий из Норвегии. В первую очередь отправлялись освобожденные военнопленные, затем остарбайтеры (отмеченные в инструкции как «перемещенные лица») и последни-

¹ RA. L. Kreiberg. Boks 1. S. 4.

² Intervju med Gunnlaug Loken // *Henriksen H.* Murmansk Konvoiene: mennesker i et Arktisk Krigsdrama. Oslo, 2004. S. 26–27.

ми – завербованные Вермахтом советские граждане¹. Однако принимались во внимание и такие факторы, как удаленность лагеря от места отправки и физическое состояние репатриантов.

*Численность иностранных граждан в Норвегии по состоянию на 9 мая 1945 г.*²

Группы	Количество человек
Военнослужащие Вермахта (немцы)	314 000
Советские граждане	84 000
Военнопленные нерусской национальности	2000
«Перемещенные лица», учтенные в Министерстве социального развития (не немцы)	11 000
«Спорные лица»	1500
Немецкие граждане	10 000
Военнослужащие Вермахта (не немцы)	31 000

В «Административной инструкции 101» были установлены два основных маршрута репатриации в СССР: из портов Северной Норвегии в Мурманск («Северный маршрут») и железнодорожным транспортом через территорию Швеции, оттуда морем в Финляндию, а затем в Россию («Южный маршрут»). Для обоих маршрутов были определены сроки их открытия: «Северный маршрут» должен был начать свою работу не ранее 20 июня, «Южный» – не ранее 13 числа того же месяца.

Транспортировка бывших пленных из Норвегии «Южным маршрутом» началась 13 июня 1945 г., когда между представителем СССР генерал-майором П. Ф. Ратовым и представителем Верховного командования союзных войск Р. Файербрейсом было подписано «Соглашение о транзите советских граждан из Норвегии через Швецию» (далее «Соглашение»)³. По «Соглашению» транспортировка советских граждан предполагалась по следующим железнодорожным линиям: порт Нарвик (Норвегия) – порт Лулео (Швеция), порт Трондхейм (Норвегия) – порт Сундсваль (Швеция), порт Осло (Норвегия) – порт Евле (Швеция). Такой маршрут работал в период с 13 по 26 июня 1945 г. По трем из вышеуказанных линий каждый день отправлялся один эшелон по 800 человек в каждом. Так, один из бывших пленных вспоминал: «На родину нас отправили первым этапом 1500 человек. Следили три посла – английский, американ-

¹ RA. Forsvaret, Forsvarets Overkommando. D – 82 – Kriegsfangner. Boks 0–253. S. 124.

² Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941–1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 323.

³ Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. 9526. Оп. 1. Д. 454. Л. 37–42.

ский и русский. К каждому из нас подходил по очереди каждый посыл и спрашивал, хотим ли мы ехать на родину. Если хотели, могли ехать хоть куда – хоть в Америку, хоть в Англию. Из 1500 – только 26 отказались возвращаться в Советский Союз, это те, кто были “грешными”»¹.

За этот период из Норвегии железной дорогой через Швецию было отправлено около 33 600 человек, что составило почти 40 % от общего числа репатриантов. Далее, в соответствии с «Соглашением», начиная с 27 июня шведская сторона осуществляла отправку по два эшелона ежедневно со станций в Нарвике и Осло и по одному эшелону в день со станции Трондхейм. И. Я. Тряпицын, отвечая на вопрос, как долго они находились в Швеции, рассказывает: «Дней пять-шесть, пока не подали пароход. Пароходом мы шли на Финляндию. Из Финляндии в Ленинград, из Ленинграда в Москву. В Москве находились сортировочные пункты, они не охранялись... Потом мы проходили через проверочно-фильтрационные пункты». Он же вспоминает, что «очень хорошо кормили. Я поправился, по крайней мере, килограмм на 12. Это было даже тяжело, потому что сразу увеличить вес было тяжело. Всю репатриацию через Швецию организовывали норвежцы. Все было очень хорошо отлажено. Они спрашивали, что нужно»².

В соответствии с указанной в «Соглашении» плате за пользование транспортом, питание, медицинское обслуживание и нахождение советских граждан в транзитных лагерях на территории Швеции советская сторона должна была заплатить около 2613 тыс. шведских крон. Из портов Швеции бывшие советские пленные отправлялись морем в Финляндию. Для этих целей были задействованы 8 финских морских транспортов, каждый из которых совершил по 7 рейсов. Бывший узник И. П. Мороз вспоминает: «Нас 1500 человек, а там узкоколейная дорога. Было два паровозика – один тянул спереди, другой подпирал сзади. А когда поезд с горы спускался, то постоянно тормозил. Нас привезли в Рауту. У меня было немного денег, кто-то сказал мне: “Порви, а то будет тебе плохо, если кто-нибудь увидит”. Я взял и порвал их. Из Нарвика нас привезли в Швецию, из Швеции – через Ботнический залив в Финляндию, порт Турку. Там был шторм, я не моряк, но нормально перенес качку, а остальным тяжело было. Из Финляндии нас направили в Выборг, из Выборга – в Ленинград. Там привезли в лагерь, который находился возле разбитой электростанции на Неве. В него свозили и на работы, и на проверку».

¹ Воспоминания бывшего военнопленного И. П. Мороза // Личный архив автора.

² Воспоминания бывшего военнопленного И. Я. Тряпицына // Личный архив автора.

Помимо железнодорожных перевозок предполагалось использование и «Северного маршрута» репатриации бывших пленных, который проходил из портов Мосьен, Му, Буде и Тромсе в Северной Норвегии в советский порт Мурманск. Пароходы, предназначенные для перевозки бывших пленных, были разными по величине и вместительности. Среди них «Король Хакон VII», «Ангон», «Король Даг», «Гордиас». На «Короле Хаконе VII» предполагалось разместить 1900 человек, на судне «Король Даг» и «Нордкун» – по 1300, на «Брабанте» – 700 бывших пленных¹.

Первый конвой с бывшими пленными отплыл 23 июня 1945 г. На борту норвежского пассажирского судна «Король Даг» вместе с репатриантами находился майор Николс, который вспоминал, что «большинство радовалось возвращению домой и завершению хождений по мукам. Первый день плавания прошел мирно и спокойно. Русские загорали на палубе, пели, всячески развлекались: появление в море китов вызвало всеобщее оживление»².

Воспоминания об отправке морем также сохранил Т. Т. Ключ: «Для репатриации из Норвегии не было транспорта. Когда из Буде передали, что появился транспорт, нас сразу погрузили на немецкие машины и повезли для посадки на корабль. Буде – город небольшой. Весь наш трап, по которому мы поднимались на корабль, был застлан щитами, и жители города пришли на причал и кидали на трап цветы, как победителям. Это была дань уважения. По морю мы пришли в Мурманск. Нас разделили по пять человек. Нас с приткнутыми штыками вели через город Мурманск»³.

В декабре 1945 г. представителями союзных властей был составлен «Конфиденциальный отчет» («Confidential report»). В соответствии с ним из Норвегии был репатрирован 84 351 советский гражданин. Из них 18 852 человека были вывезены «Северным маршрутом» и 65 499 – «Южным маршрутом». К 1 марта 1946 г. – времени окончательной репатриации из Норвегии в СССР – репатриировали 84 775 человек, из которых 6963 – оstarбайтеры и 77 812 – бывшие военнопленные⁴.

¹ *Steffenak E. K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945.* Bergen, 1996. S. 159.

² *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж, 1988. С. 360.

³ Воспоминания бывшего военнопленного Т. Т. Ключа // Личный архив автора.

⁴ RA. Flyktnings – og Fangedirektoratet. Boks E – 0081. Confidential report. Copy № 6. S. 1–4.

П. А. Филин (Санкт-Петербург)

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена выяснению военно-стратегической роли Северного морского пути в годы Второй мировой войны. На основе анализа архивных документов приводятся данные о грузоперевозках и боевых потерях в Карском море. Одной из важнейших причин активности немцев в Карском море являлось стремление не допустить переориентации потока ленд-лиза на трассу Северного морского пути. Приводятся данные об изменении объемов и направления грузопотоков, вкладе ледоколов в доставку грузов. Военная история Северного морского пути представлена на более широком хронологическом фоне от периода создания Главного управления Северного морского пути в 1932 г. до начала «холодной войны» во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Карское море, Главное управления Северного морского пути, ленд-лиз, ледоколы, война в Арктике, морские грузоперевозки.

P. A. Filin

THE NORTHERN SEA ROUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article explores the military-strategic role of the Northern Sea Route during the Second World War. It is based on the analysis of archival documents, data on cargo transportation and combat losses in the Kara Sea. One of the most important reasons for the activity of the Germans in the Kara Sea was the desire to prevent the reorientation of the lend-lease flow to the Northern Sea Route. The data on the change in the volume and direction of cargo flows, the contribution of icebreakers in the delivery of goods. The military history of the Northern sea route is presented on a broader chronological background from the period of the establishment of the

General Directorate of the Northern sea route in 1932 to the beginning of the Cold War in the second half of the 1940s.

Key words: Arctic, Northern sea route, Kara sea, Main Directorate of the Northern sea route, lend-lease, icebreakers, war in the Arctic, sea freight.

Целью данной статьи является попытка выяснить значение Северного морского пути (СМП) в годы Великой Отечественной войны и обозначить основные события в его истории в период 1941–1945 гг.

Статья подготовлена на основе анализа отчетов Штабов морских операций Главного управления СМП за военный период (хранятся в архиве Арктического и антарктического научно-исследовательского института, а также в Российском государственном архиве экономики)¹. В отчетах подробно рассматривались все аспекты, связанные с организацией навигаций, гидрометеорологическими условиями, действиями противника на трассе СМП. Также привлечены два источника, рассекреченные в постсоветский период. Это докторская диссертация известного географа, сотрудника Арктического научно-исследовательского института (АНИИ) Г. Я. Гаккеля «Военная география Арктического морского театра»². Диссертация готовилась автором в годы войны и была защищена в 1947 г. Важным источником стала работа, подготовленная в 1949 г. сотрудниками АНИИ под названием «Итоги хозяйственной и научной деятельности Главсевморпути в период 1932–1948 гг.»³.

Географические рамки статьи включают трассу СМП с тяготеющими к нему регионами от Карских ворот и севера архипелага Новая Земля до Берингова пролива. В данной статье мы не будем рассматривать историю Полярных конвоев по доставке в Мурманск и Архангельск грузов по ленд-лизу. Эта тема достаточно подробно рассмотрена в отечественной и зарубежной историографии, и мы будем ее касаться лишь в отдельных аспектах – в целях сравнения потока грузов по ленд-лизу, влияния отдельных эпизодов истории Полярных конвоев на принятие решений по СМП.

¹ Одно из первых серьезных исследований на основе отчетов Штабов морских операций выполнено капитаном дальнего плавания Г. Д. Бурковым в монографии: *Бурков Г. Д.* Война в Арктике. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. СПб., 2011.

² Фонды Арктического и антарктического научно-исследовательского института (далее – Фонды ААНИИ). Д. Р–5379.

³ Центральный государственный архив научно-технической документации (далее – ЦГАНТД). Ф. 369. Оп. 1–4. Д. 432–434.

Целевой период, рассматриваемый в данной статье – годы Великой Отечественной войны. Тем не менее для понимания исторического процесса хронологические рамки расширены от периода создания Главного управления СМП (1932 г.) до послевоенного периода начала «холодной войны».

Перед тем как перейти к рассмотрению истории СМП в годы Великой Отечественной войны обозначим важнейшие факты, свидетельствующие о военно-стратегическом значении трассы СМП.

Постановлением СНК СССР от 17 декабря 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), задача которого определялась так: «Проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути». В своей деятельности ГУСМП совместило работу целого ряда министерств (транспортное освоение, научные исследования, руководство хозяйствующими субъектами, развитие торговли и культурного обслуживания и т. д.), сняв межведомственные противоречия в целях достижения конкретной цели – массированного освоения Арктики. Для СССР это был первый успешный опыт программно-целевого подхода к реализации комплексной задачи.

Годом ранее, 13 ноября 1931 г., был создан государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы – Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой». Это была еще одна суперорганизация в подчинении НКВД СССР, ведавшая всеми направлениями хозяйственной деятельности на огромной территории Северо-востока СССР с целью добычи природных ресурсов, прежде всего цветных металлов.

13 апреля 1932 г. вышло постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», в соответствии с которым были развернуты проектно-изыскательские работы и началось строительство.

В 1932 г. для защиты дальневосточных морских рубежей СССР был создан Тихоокеанский флот (ТОФ).

В 1933 г. после переброски по вновь построенному Беломорско-Балтийскому каналу военных кораблей началось формирование Северного флота (первоначально – Северная военная флотилия).

Перечисленные события взаимосвязаны между собой и являлись следствием двух факторов. Первое – это общеполитический и экономический контекст индустриализации, необходимость поиска внутренних ресурсов в виде золота для закупки технологий и раз-

вития промышленности. Вторым фактором – конкретное внешнеполитическое событие.

В сентябре 1931 г. японские войска оккупировали Маньчжурию, а 1 марта 1932 г. было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го с протяженной границей вдоль Советского Союза. Именно вдоль нее тянулась нить Транссибирской железной дороги, связывавшей центр с востоком страны. Помимо того, что СССР окончательно терял контроль над Китайско-Восточной железной дорогой (что произошло 23 марта 1935 г., когда СССР под давлением Японии продал КВЖД Маньчжоу-Го), возникала угроза в случае военного конфликта полностью потерять контроль и связь с Дальним Востоком – достаточно было нарушить сообщение по Транссибу. Потеря связи с Дальним Востоком могла стать фатальной для планов индустриализации и жизнеспособности государства в целом.

Руководство страны столкнулось с необходимостью скорейшего поиска резервных способов связать страну в единое целое в самом протяженном широтном направлении. Таких способов было три:

- строительство трансполярной железнодорожной магистрали и дублирование участков Транссиба более северными трассами (БАМ);
- развитие морского транспортного сообщения по трассе СМП;
- развитие дальней авиации и воздухоплавания.

Отметим, что вплоть до 1932 г. в СССР шла ожесточенная дискуссия между сторонниками строительства «Великого Северного пути», под которым подразумевалась железнодорожная трансполярная магистраль (этот проект продвигали известный художник А. А. Борисов и юрист В. М. Воблый), и сторонниками развития морского сообщения в Арктике (сотрудники Всесоюзного Арктического института, О. Ю. Шмидт). В 1932 г. после успешного прохождения в одну навигацию по трассе СМП ледокольного парохода «А. Сибиряков» руководство страны приняло решение в пользу развития морского пути. В отличие от строительства трансполярной магистрали, на создание которой требовались гигантские средства и слишком много времени, СМП мог быть освоен значительно быстрее. Благодаря реализованной в годы Первой мировой войны программе развития ледокольного флота в распоряжении СССР уже были технические средства для освоения СМП.

В начале 30-х годов активное развитие получила и дальняя авиация (работы КБ Туполева по созданию самолетов АНТ-6 (ТБ-3), АНТ-25 (РД) и др., при этом развитие дирижабельного направления, на которое возлагались большие надежды в стране, было постепенно свернуто как неэффективное).

Таким образом, с 1932 г. направление ресурсов на развитие СМП в СССР было определено как приоритетное¹. Началось массированное освоение Арктики, выразившееся в следующих направлениях:

- развитие научных исследований для изучения условий мореплавания (создание полярных станций, обсерваторий, налаживание радиосвязи);
- организация многочисленных экспедиций, в том числе «сквозных рейсов» по всей трассе СМП в одну навигацию;
- строительство серии ледоколов (к 1940 г. были построены линейные ледоколы «И. Сталин», «В. Молотов», «Л. Каганович», «А. Микоян»);
- организация причальной и портовой инфраструктуры по трассе СМП;
- поиск и организация угольных баз;
- развитие речного флота по сибирским рекам как формы организации связи страны по меридианам и др.

С 1936 г. СМП стал использоваться для переброски боевых кораблей на Тихий океан – была осуществлена переброска эсминцев «Сталин» и «Войков» с запада на восток (экспедиция особого назначения ЭОН-3). В 1940 г. в ходе экспедиции ЭОН-10 с Северного флота на ТОФ при активном участии ледоколов успешно перешла подводная лодка «Щ-423». В ту же навигацию по трассе СМП по договоренности между СССР и Германией скрытно прошел немецкий рейдер «Комет» (на первоначальном этапе он был закамуфлирован под л/п «Семен Дежнёв»). Его проводка советскими ледоколами выполнялась в странном режиме – отдавались противоречивые приказы, то продвигающие, то тормозящие корабль. Видимо, руководство страны, опасаясь внешнеполитических последствий, осуществляло данную операцию в нервной обстановке. На последнем этапе командир корабля Роберт Эйссен решил отказаться от ледокольной проводки и завершил переход самостоятельно. Выйдя в Тихий океан, рейдер потопил ряд судов Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и других стран, осуществил атаку на о. Науру. По сути это был первый эпизод боевого использования трассы СМП. Данный сюжет, особенно этап проводки по СМП, а также предшествующий ему, еще требует обстоятельного научного исследования.

12 декабря 1940 г. состоялось историческое для Главсевморпути решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) о переходе от экспедицион-

¹ Филин П. А., Емелина М. А., Савинов М. А. Военно-стратегическое значение Северного морского пути: исторический аспект // Военно-исторический журнал. 2019. № 7 (711). С. 4–13.

ных рейсов по СМП к систематическому плаванию по всей трассе СМП, превратив ее в нормально действующую магистраль для связи Европейской части СССР с Дальним Востоком. Для этого планировалось построить несколько ледоколов 35–40 тыс. л/с. К навигации 1943 г. планировалось довести количество морских судов в Арктике до 40 ед.¹ Намеченной программе работ не суждено было в то время осуществиться в связи с началом Великой Отечественной войны.

Основные итоги военных навигаций

Анализ архивных документов приводит к следующим выводам:

Немецкое командование после разгрома PQ-17 летом 1942 г. и временной приостановки морских поставок по ленд-лизу в Архангельск и Мурманск приняло решение нарушить коммуникации по трассе СМП. Это были проактивные действия, направленные на то, чтобы не допустить переориентации потока ленд-лизу на трассу СМП с востока на запад. Частично эта задача была решена, свидетельством тому была вынужденная зимовка судов на Диксоне в 1943 г. из-за опасения их потери в ходе перегона на запад. Всего на зимовку было оставлено 15 транспортных судов в Диксоне и одно в Игарке: л/п «Г. Седов», л/п «Монткальм», л/п «Таймыр», п/х «Петровский», п/х «Беломорканал», п/х «Игарка», п/х «Моссовет», т/х «Андреев», п/х «Селенга», п/х «Кама», п/х «Лахта», п/х «Спартак», п/х «Иртыш», г/с «Циркуль», г/с «Мурманец»; в Игарке зимовал п/х «Сура». Это была вторая массовая зимовка судов в Арктике после 1937 г. На этот раз она была связана со сковывающими действиями противника в Баренцевом и Карском морях. Не вывезено из Арктики судами ГУСМП и Наркомфлота около 32 тыс. т грузов, простой судов ГУСМП и Наркомфлота в ожидании конвоя достиг 185 судосудок, по вине Северного Отряда имели место 5 аварий с транспортными судами и т. д.²

Поставки грузов с востока в Мурманск и Архангельск и с запада на восток практически не производились, хотя полного блокирования трассы не произошло. Ледоколы, отработав сезон в Арктике, возвращались в Архангельск и в зимний период обслуживали проводку союзных конвоев в замерзающем Белом море, затем снова выводились в Арктику.

С 1943 г. снабжение практически всех пунктов в Арктике, в том числе в Западном секторе, было переориентировано и велось с вос-

¹ ЦГАНТД. Ф. 369. Оп. 2–1. Д. 432. Л. 119.

² Фонды ААНИИ. Д. 0–3474.

тока. Снабжение Якутии было почти полностью переориентировано на завоз импортных грузов через СМП¹.

Несмотря на активные действия противника по трассе СМП продолжали осуществляться транзитные сквозные рейсы. Более того, их число в годы войны увеличилось. Статистика приведена в таблице ниже²:

Год	Количество судов
1939	12
1942	14
1943	13
1944	11
1945	28

Действия тяжелого крейсера «Адмирал Шеер» в 1942 г. и активные действия подводных лодок в 1942–1944 г. в Карском море привели к существенным потерям. Ниже в таблице приведены потери корабельного состава Северного флота (СФ) и гражданских ведомств в Карском море в годы Великой Отечественной войны³. Общее число жертв – порядка 1000 человек⁴.

Название, ведомство	Дата	Причина
Транспорт «Куйбышев» (СФ)	24 августа 1942	Атака ПЛ U-601
Буксир «Медвежонок»	24 августа 1942	Атака ПЛ
Ледокольный пароход «Александр Сибирияков» (СФ)	25 августа 1942	Палубная артиллерия тяжелого крейсера «Адмирал Шеер»
Гидрографический бот «Академик Шокальский» (ГУСМП)	27 июля 1943	Атака ПЛ U-225
Спасательное судно «Шквал» (СФ)	25 августа 1943	Подрыв на mine
Транспорт «Диксон» (СФ)	28 августа 1943	Атака ПЛ U-354
Транспорт «Тбилиси» (СФ)	6 сентября 1943	Подрыв на mine
Подводная лодка К-1 (СФ)	9–28 сентября 1943	Предположительно атака ПЛ

¹ ЦГАНТД. Ф. 369. Оп. 2–1. Д. 432. Л. 373.

² Там же. Л. 96.

³ Составлено по: *Голубев А.* Потери корабельного состава Северного флота и гражданских ведомств на северном морском театре в период Великой Отечественной войны. СПб.: Частный военно-исторический архив, 1999.

⁴ В своей монографии Г. Д. Бурков приводит число человеческих жертв – 964 человека, без указания архивного источника (См.: *Бурков Г. Д.* Указ. соч. С. 161).

Название, ведомство	Дата	Причина
Сторожевой катер № 510 (СФ/БВФ)	24 сентября 1943	Подводное препятствие
Транспорт «Архангельск» (СФ)	30 сентября 1943	Атака ПЛ U-601
Транспорт «Киров» (СФ)	1 октября 1943	Атака ПЛ U-703
Тральщик Т-896 (борт. № 42) (СФ)	1 октября 1943	Атака ПЛ U-960
Сторожевой корабль СКР-14 (борт. № 73) (С/БВФ)	17 октября 1943	Подводное препятствие
Тральщик АМ-118 (СФ)	12 августа 1944	Атака ПЛ U-365
Транспорт «Марина Раскова» (СФ)	13 августа 1944	Атака ПЛ U-365
Тральщик АМ-114 (СФ)	13 августа 1944	Атака ПЛ U-365
Гидрографическое судно «Норд» (ГУСМП)	26 августа 1944	Атака ПЛ U-957
Сторожевой корабль «Бриллиант» (борт. № 29) (СФ/БВФ)	23 сентября 1944	Атака ПЛ U-957
Тральщик Т-120 (СФ)	24 сентября 1944	Атака ПЛ U-739

Потери немецкого флота в Карском море составили: 28 августа 1943 г. у северной оконечности Новой Земли со стороны Карского моря была обнаружена в надводном положении немецкая подлодка U-639. Советская субмарина С-101 произвела атаку тремя торпедами и потопила противника. 5 сентября 1944 г. близ о. Уединения тральщик АМ-116 уничтожил глубинными бомбами подлодку U-362.

Действия противника также были направлены на нарушение гидрометеорологического обеспечения мореплавания в Арктике, так как знание погодных условий – важнейший фактор успешного проведения транспортных операций. Атакам немцев подвергся целый ряд полярных станций. Ниже представлен перечень нападений на метеостанции:

№	Название станции	Дата нападения
1	Малые Кармакулы	27.07.1942
2	Мыс Желания	25.08.1942
3	Диксон	27.08.1942
4	Уединения	08.09.1942
5	о. Правды	18.09.1943
6	Залив Благополучия	24.09.1943
7	Мыс Стерлигова	26.08.1944

Военное командование и руководство ГУСМП в 1941–1942 гг. недооценивало опасность и уязвимость трассы СМП, считая ее глубоким тылом. Предпринятых для обороны СМП мер было очевидно недостаточно. Осложняло ситуацию сложившееся на трассе СМП двоевластие (гражданское ГУСМП и подразделения Северного флота фактически имели равные права¹), постоянно возникали сложности во взаимодействии ведомств².

Тем не менее, общий объем поставок по трассе СМП в годы войны возрастал и увеличился на 64,4 % (с 178 тыс. т в 1940 г. до 293 тыс. т в 1945 г.). При этом вследствие изменения направления и структуры перевозок объем перевозок в тонно-милях увеличился значительно больше, чем объем перевозок в тоннах (312 млн т в 1940 г. и 780 млн т в 1945 г.) – на 150 %³. Всего за годы войны по трассе СМП было перевезено порядка 1 млн т грузов.

Официальная статистика позволяет оценить вклад поставок по ленд-лизу Северным морским путем. По СМП за годы войны было доставлено в СССР порядка 0,5 млн т грузов или 2,5 % от всего потока ленд-лиза в СССР (см. таблицу ниже)⁴.

Год	Персидский залив		Дальний Восток		Черное море		Север России		Северный морской путь		Итого
	тонн	%	тонн	%	тонн	%	тонн	%	тонн	%	
1941	0,02	3,7	0,22	53,6	–	–	0,17	42,7	–	–	0,41
1942	0,79	28,8	0,82	29,9	–	–	1,06	38,7	0,07	2,6	2,74
1943	1,80	33,5	2,68	49,8	–	–	0,76	14,2	0,13	2,5	5,37
1944	2,00	28,8	3,19	45,8	–	–	1,63	23,4	0,14	2,0	6,96
1945	0,05	1,2	2,33	56,6	0,76	18,5	0,81	19,8	0,16	3,9	4,11
Всего	4,66	23,8	9,24	47,1	0,76	3,9	4,43	22,7	0,50	2,5	19,59
Потери		4		0		0		7		0	2

В начале войны по трассе СМП была произведена эвакуация оборудования перерабатывающих предприятий с Кольского полуострова на Таймыр, что стало основой для быстрого развития Норильского

¹ Платонов А. В. Борьба на арктических коммуникациях. 1941–1945. Часть 1. СПб., 2012. С. 287.

² История организации обороны в Карском море, проведения конвойных операций, а также взаимодействия ГУСМП и Северного флота в Арктике требует отдельного серьезного и непредвзятого исследования.

³ ЦГАНТД. Ф. 369. Оп. 2–1. Д. 432. Л. 81.

⁴ Hubert P. van Tuyll. Lend-lease aid to the Soviet Union: The global-strategic context // Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006. С. 23.

металлургического комбината по выплавке меди и стратегически важного никеля.

Количество ледоколов увеличилось с шести в 1940 г. до девяти в 1945 г. Это были ледоколы, поставленные по ленд-лизу: «Монткальм»; «Northwind» (в СССР с 1944 по 1951 г. эксплуатировался под названиями «Северный Ветер», затем «Капитан Белоусов», возвращен в США); и ледокол «Southwind» (эксплуатировался в СССР под названием «Адмирал Макаров» в период 1945–1949 гг., возвращен в США). По окончании войны ледокольный флот пополнился ледоколами, переданными по репарациям (финские ледоколы «Сибиряков», бывший «Яакарху» и «Малыгин» – бывший «Войма»). Также по репарациям были получены два немецких ледокола «Илья Муромец» («Eisbar») и «Алеша Попович» («Eisvogel»). Все ледоколы в годы войны прошли военную модернизацию и были вооружены.

Важным достижением было то, что за годы войны СССР не потерял ни одного ледокола, несмотря на настоящую охоту за этими стратегически важными судами.

В годы войны проявилась исключительно большая роль ледоколов в проводках транспортных судов с грузами по ленд-лизу в Белом море и в пр. Лаперуза на Дальнем Востоке. В таблице ниже приведена статистика ледокольных проводок¹.

Годы	Количество проведенных судов					Количество грузов, тонн		
	Белое море	Пр. Лаперуза	Нагаево	Совгавань	Итого	Белое море	Пр. Лаперуза	Итого
1941–1942	47	–	–	–	47	100,4	–	100,4
1942–1943	58	–	–	–	58	116,7	–	116,7
1943–1944	181	199	21	10	411	547,8	499,2	1047,0
1944–1945	135	156	8	–	299	532,5	504,2	1036,7
Всего	421	355	29	10	815	1297,4	1003,4	2300,8

Из данных таблицы видно, что за годы войны ледоколы обеспечили проводку 815 транспортов с грузом 2,3 млн т.

Транспортный флот ГУСМП с 26 судов в 1940 г. увеличился до 34 в 1945 г. При этом грузоподъемность флота увеличилась еще в большей степени благодаря росту мощности судов. Средний девейт вырос с 3,4 тыс. т в 1940 г. до 5,5 тыс. т в 1945 г.

Велось активное строительство портов и причалов, а также жилищное строительство. Фактически за годы войны построены глу-

¹ ЦГАНТД. Ф. 369. Оп. 2–1. Д. 432. Л. 184.

боководные причалы на Диксоне и в Провидении, деревянный тяжелый пирс в Тикси. В 1943 г. был организован морской арктический порт на Нордвике и морской пункт в бухте Угольной. Грузооборот арктических портов вырос с 208 тыс. т в 1940 г. до 519 тыс. т, то есть в 2,5 раза¹.

В годы войны в связи с организацией авиатрассы Аляска – Сибирь для перегона самолетов из США в СССР, через Тикси в Якутск отправлялось значительное количество авиа- и автогнущего, оборудования для строительства аэродромов, снаряжения и продовольствия².

Грузооборот по рекам, обслуживаемым ГУСМП, увеличился с 118 тыс. т в 1940 г. до 314 тыс. т в 1945 г. – на 166,1 % при росте самоходного флота на 71,8 %, а несамоходного – на 106 %, что свидетельствует о значительном улучшении использования речного флота за годы войны³.

В годы войны в Арктике была получена первая жидкая нефть из скважины на Нордвике, разведаны запасы богхедов и угля на Таймыре, открыты новые промышленные запасы угля и драгоценных металлов. Была начата эксплуатация новых угольных рудников (бухта Угольная, Сога, Нордвик). Добыча угля увеличилась с 92 тыс. т в 1940 г. до 288 тыс. т в 1945 г., то есть почти на 160 %. Началось строительство опытного завода «Богхед» при участии технологов из США для производства искусственного жидкого топлива. Завод начал работу в 1942 г.⁴

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны СМП значительно нарастил обороты грузоперевозок, укрепил материальную базу, развил портовую инфраструктуру. Все это создавало условия для дальнейшего активного развития мореплавания по трассе СМП уже в послевоенные годы. В то же время война показала и слабые места в обороне СМП. В частности, активные операции надводного корабля «Адмирал Шеер» и немецких подводных лодок в Карском море практически блокировали грузоперевозки в Западном секторе Арктики. В целях дублирования западной части трассы СМП сразу после войны было принято решение о строительстве фрагмента трансполярной железнодорожной магистрали «Чум – Салехард – Игарка» (т. н. 501 и 503 стройки). Особенно актуальным данное строительство было в связи с выходом на полную мощность Норильского металлургического комбината. После смерти И. В. Сталина стройка

¹ ЦГАНТД. Ф. 369. Оп. 2–1. Д. 432. Л. 268.

² Там же.

³ Там же. Л. 82, 320.

⁴ Там же. Л. 83.

была прекращена. Существует несколько версий причин сворачивания строительства, среди них вероятной является конфликт проектов – в начале 50-х гг. началось проектирование Нижнеобской ГЭС, в зону затопления которой попадала значительная часть железнодорожной магистрали.

После войны еще более усилилось военное значение Арктики. С появлением в 1945 г. атомного оружия, единственным средством доставки которого первоначально была дальняя бомбардировочная авиация, наиболее коротким маршрутом для нанесения ядерного удара являлся маршрут через Арктику (таким он остается и в наше время). Американские бомбардировщики начали совершать полеты над Северным Ледовитым океаном. В этих условиях Советский Союз возобновил высокоширотные воздушные экспедиции, а с 1950 г. – работу дрейфующих станций, ставших, по сути, первым противоядерным щитом¹. Началась работа по созданию в Арктике сети наземных аэродромов, способных принимать тяжелые самолеты. Но это уже история «холодной войны» в Арктике.

¹ *Лукин В. В.* Холодная война на дрейфующих льдах // Звезда. № 7. СПб., 2018; *Филин П. А., Емелина М. А., Савинов М. А.* Стратегическая Арктика (к 85-летию Главного управления Северного морского пути) // Журнал регионального отделения Российского военно-исторического общества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб., 2017. № 1. С. 80–87.

Л. Э. Мезит (Красноярск)

**«МЫ ФРОНТУ ЧЕСТНО ПОМОГАЛИ».
ПРЕДПРИЯТИЯ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА ФРОНТУ,
1941–1944 гг.**

Аннотация: В статье анализируется роль Енисейского Севера в укреплении обороноспособности страны в годы войны. На основе архивных документов, документов личного происхождения анализируется вклад коренных жителей, эвакуированного населения и спецконтингента в создании на Крайнем Севере металлургического комбината законченного цикла, развитой сети рыбных промысловых и перерабатывающих предприятий. Делается вывод, что в сложных климатических условиях, при большом дефиците кадров на Крайнем Севере главная ставка была сделана на усиление внеэкономических методов трудового принуждения населения. Сами труженики тыла проявляли высокую сознательность, понимая, что тем самым они вносят важную лепту в общую борьбу против фашизма.

Ключевые слова: цветная металлургия, Норильский комбинат, спецпоселенцы, рыбная промышленность, рыбодобыча.

L. E. Mezit

**«WE HELPED THE FRONT HONESTLY».
THE YENISSEI NORTH INDUSTRIES' CONTRIBUTION
TO THE WAR EFFORT, 1941–1944**

Abstract: The article analyzes the role of the Yenissei North in strengthening the country's defense capability during the war years. On the basis of archival sources and materials of personal origin the author describes the contribution of the indigenous population, evacuees and «special contingent» (GULAG inmates and deportees) to the construction of an integrated metallurgical plant, a developed network of fisheries and fishprocessing enterprises in the High North. The author comes to the conclusion that the authorities facing

the hard climatic conditions and a large shortage of personnel in the High North put the main emphasis on toughening non-economic, coercive methods of labor mobilization, while home front workers themselves displayed a high level of commitment, realizing that their efforts made an important contribution to the common struggle against Nazism.

Key words: non-ferrous metallurgy, Norilsk Combine, deportees, fishing industry, fishing.

Красноярский край в годы войны был глубоко тыловым регионом страны. За период Великой Отечественной войны 23 % взрослого населения региона (560 тыс. чел.) были направлены в действующую армию, ряд из них воевали на Северном фронте. Полярные летчики нашего края И. П. Мазурук, И. И. Ветров, С. А. Асямов, В. Я. Бывшев и другие входили в авиагруппу Северного фронта, на Карском море была размещена база судов ГУСМП. В составе партизанских соединений, диверсионных групп Карельского фронта сражались сибиряки-комсомольцы.

Целью данной статьи является анализ вклада предприятий Енисейского Севера в дело Победы.

Когда угроза немецкого вторжения на Кольский полуостров стала очевидной, Мончегорский металлургический комбинат оказался в прифронтовой зоне, было принято решение о его эвакуации. 26 июня 1941 г. поступил приказ о демонтаже оборудования и эвакуации его вместе со специалистами-металлургами в Джезказган, Орск, Норильск. Эвакуация по Севморпути с его тяжелой ледовой обстановкой была уникальной и сложной операцией, так как существовал риск не успеть за одну навигацию пройти до Норильска¹. Пароходы «Пинега», «Щорс», «Узбекистан», «Клара Цеткин» привезли с Кольского полуострова в Дудинку 9,3 тыс. т оборудования «Североникеля» и 600 специалистов с членами семей². В Норильск пришла начинка плавильного, рафинировочного и опытного кобальтового цехов: три ватержакета, пять конвертеров, семь плавильных печей, металлоконструкции и лабораторный комплекс. Расходы на эвакуацию составили более 22 млн руб.³ Мончегорский комбинат был ровесником Норильского комбината, но дал первую продукцию раньше, в 1939 г., а с июля 1940 г. «Североникель» начал выдавать уже тонны металлического кобальта. В отличие от Норильска, отре-

¹ *Важнов М. Я.* Эвакуация. М., 2006. С. 24.

² *Щипко Л. М.* Арктический фронт. М., 1974. С. 9.

³ *Важнов М. Я.* Указ. соч. С. 48.

занного от мира тысячами километров глухого бездорожья, строить комбинат на Кольском полуострове было гораздо легче по причине географической приближенности к промышленным центрам и дорогам. Через три года специалисты «Североникеля» уже имели немалый опыт производства металлов, но работу успешного предприятия прервала война.

Прибывшие из Мончегорска высококвалифицированные специалисты представляли все остродефицитные специальности, необходимые Норильскому комбинату: обогатители, металлурги, энергетики, маркшейдеры. Ключевые должности «Норильскстроя» заняли мончегорцы и стали использовать свой уникальный опыт для скорейшего получения металла. Многие из них стали руководителями комбината и его предприятий. И. С. Береснев, В. А. Дарьяльский и В. В. Терпogosов – будущие главные инженеры Норильского комбината, А. В. Логинов – будущий директор комбината¹.

В октябре 1942 г. Норильский комбинат пополнили специалисты и члены их семей эвакуированного Тырно-Аузского комбината в количестве 304 человек². В декабре 1942 г. из Красноярского края были направлены в Норильск 300 девушек, овладевавшие профессиями электролитчика, химика и пр.³ Под руководством А. П. Завенягина сложилась практика привлечения специалистов-заключенных к самым разным ответственным работам. Завенягин обеспечивал им относительную свободу, некоторых расконвоировал, дал возможность работать. Заключенные восприняли это как благое дело и отдавали все силы без остатка. Такой порядок сохранился в Норильлаге и в годы войны в отношении квалифицированных специалистов⁴. Более того, когда в 1944 г. заключенный М. С. Овчинский и инженер А. А. Александров смонтировали из подручных средств необходимую для производства никеля игнитронную установку, Овчинский был награжден орденом Красного Знамени (для заключенного это был настоящий подарок)⁵.

Доставленное оборудование комбината «Североникель» значительно ускорило становление металлургического производства

¹ Львов А. Л. Норильск: металл фронту // Шла война народная: Ратные и трудовые дела красноярцев в воспоминаниях и документах, письмах. Красноярск, 1985. С. 269.

² Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-4620. Политотдел Норильского комбината. Оп. 1. Д. 46. Л. 127 об.

³ Антипова А. А. Так начинался большой электролитный // Заполярный вестник. 1998. 15 апреля.

⁴ Логинов А. Б. Норильск – мой звездный час. М., 2000. С. 56.

⁵ Помню об отце // Норильский мемориал. Выпуск 25. Норильск, 1991. С. 16.

в Норильске. В первой половине 1942 г. был выполнен большой объем строительных работ (на 180 млн руб.). В ночь с 23 на 24 февраля 1942 г., в холодном (на улице мороз $-47!$), продуваемом всеми ветрами цехе, где собрались руководители комбината, строители, горняки, металлурги, проектировщики, началась загрузка ватержакета, по желобу пошел первый никелевый штейн. 9 марта был пущен первый конвертор и получен первый фэйнштейн. 24 апреля получен черновой никель, а 29 апреля на Малом металлургическом заводе – первый электролитный. Уже к 1 мая 1942 г. из Норильска в Дудинку отправился паровозный состав с первыми тоннами товарного никеля, который был произведен на местном заводе. Из Дудинки металл самолетом доставили в Красноярск, а оттуда – на Урал. В августе того же года с конвейера сошел первый танк, броня которого была изготовлена из норильского никеля.

Годовой план по валовой продукции комбинат выполнил на 161 %, угля добыто было в 1,5 раза больше, чем в 1940 г., руды – в 2,7 раза больше, вдвое выросли железнодорожные перевозки¹. Работники комбината за свой самоотверженный труд удостоились правительственных наград, комбинат был признан лучшим в своей отрасли, но объемы и перечень выпускаемой продукции на 1943 г. необходимо было значительно увеличить.

Удаленность Норильска заставила в годы войны по-новому решать транспортную проблему. Так, с 1942 г. Красноярская и Норильская авиагруппы были нацелены исключительно на перевозки Норильского комбината. Полярные летчики из Красноярска доставляли грузы в Норильск, а из Норильска транспортировали металл. В 1942 г. объем грузоперевозок полярной авиации составил 370 т, в 1943 – 556 т, в 1944 г. – 637 т².

В годы войны поставки оборудования, продовольствия, комплектующих в Норильск осуществлялись через морской порт Диксон, либо через Дудинку. Они осуществлялись в сложных погодных и военных условиях: в Карском море действовали немецкие подлодки, авиация. Так, в навигацию 1941 г. план завоза продовольственных грузов в Норильск был выполнен только на 68,1 %. Почти треть всех отправляемых грузов зазимовала в пути. В итоге из общего количества продуктовых и промышленных товаров в 1941 г. было завезено 69 % от уровня 1940 г., а в 1942 г. – всего лишь 51 %. При этом как общегражданское, так и лагерное население Норильского района заметно возросло, объемы производства нарастают. Из до-

¹ ГАКК. Ф. П-4620. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

² Наши славные крылья. Красноярск, 2014. С. 222–223.

ставленного оборудования привезли не все заказанное, поэтому пришлось изыскивать возможности для изготовления самого необходимого из местного сырья. Так, в период тотальной нехватки горючего инженер-химик Ю. А. Зенюк изобрел способ получения жидкого топлива из норильского угля. На руднике № 1 тормозные колодки к электровозам делали из местной лиственницы¹. Под руководством Г. С. Камосского из металлургических газов получали собственную серную кислоту. В военный период Норильск производил цемент, бензин, взрывчатку, серную кислоту, химическую и кухонную посуду, кетгут из оленьих жил; изготовляли также карандаши, детские игрушки, часы-ходики, обесцвечивая в гипохлорите испанскую бумагу, вновь использовали ее².

Объем работ и рост продукции за годы войны (в сравнении с 1940 г.)³

Наименование	1940	1941	1942	1943	1944
Угледобыча (т)	228 000	324 000	476 000	619 000	689 400
Штейн (т)	5900	18 800	68 700	98 700	нет данных
Файнштейн (т)	829	3500	12 000	15 800	18 205
Медь черновая (т)		81	446	205	519
Медь электролитная (т)				47,5	135
Никель черновой (т)			876	3975	3846
Никель электролитный (т)			514	2151	2812
Валовая продукция в ценах 1926/27 гг. (тыс. руб.)	5900	10 731	23 296	25 319	800

Комбинат увеличил в 5 раз производство меди, в 11 раз никеля, добыча угля выросла в 8 раз, руды – в 9 раз. Комбинат превратился в большое сложное хозяйство, имеющее в своем составе 20 отраслей производства. За годы войны в Норильске были построены более 20 предприятий: никелевый завод, агломерационная и малая обогатительная фабрика, сернокислотный и оксиликвитный заводы, рудник «Заполярный», кобальтовый завод, началось строительство рудников «Угольный ручей», «Медвежий ручей», аэродром⁴. Рост промышленного производства достигался режимом «чрезвычайки». Валовая выработка на одного рабочего в год составляла в 1942 г.

¹ ГАКК. Ф. П-4620. Оп. 1. Д. 46. Л. 131; Стрючков С. А. Начало промышленного Норильска. История Норильлага. Норильск, 2016. С. 15.

² Львов А. Л. Указ. соч. С. 213.

³ ГАКК. Ф. П-4620. Оп. 1. Д. 8. Л. 256 об.; Д. 46. Л. 179 об.

⁴ Там же. Д. 46. Л. 123 об.

2500 руб. (в ценах 1926/27 гг.); в 1944 г. – 4148 руб. Таким образом, она выросла почти в два раза¹. Каждый трудящийся Енисейского Севера до конца был готов защищать свою Родину, помогать фронту, общими усилиями громить врага. 7–8 ноября 1941 г. была объявлена первая Сталинская вахта в честь годовщины Октября. Сотрудники комбината и лагеря должны были 7–8 ноября вступить на вахту и показать образцы своей сплоченности вокруг ВКП(б). Заработок за эти дни был перечислен в Фонд обороны, отработанные дни не были включены в трудовые таблицы².

За годы войны в освоении Норильского горнопромышленного района были достигнуты поразительные результаты. В пустынной тундровой зоне Красноярского края, в условиях вечной мерзлоты и полярного климата руками десятков тысяч заключенных удалось создать один из крупнейших в мире металлургических комбинатов законченного цикла – флагман советской промышленности по добыче и переработке цветных металлов, сформирована широкая транспортная инфраструктура региона. Особенно впечатляющими были объемы выполненных строительных работ. Реальная их оценка наиболее красноречиво представляется в сопоставлении с другими крупными индустриальными объектами СССР. Так, если на строительстве Днепрогэса за 1935–1945 гг. всех земляных работ было выполнено 4 млн куб. м, то в Норильске – 9 млн куб. м. Важно при этом учесть значение таких факторов, которые определялись различиями природно-климатических условий, уровней механизации труда и самих методов организации производства. Даже на основе этого факта очевидно, что практика эксплуатации заключенных в ГУЛАГе играла особую, стратегическую роль в экономической жизни сталинского государства: широким использованием принудительного труда в значительной мере компенсировалась низкая эффективность традиционных советских (нелагерных) методов хозяйствования³.

Рыбная промышленность, пушной промысел Севера

В связи с выходом из строя в годы войны рыбопромышленных бассейнов европейской части большое значение приобрело развитие рыбной промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке. ЦК ВКП(б) и СНК 6 января 1942 г. приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока»,

¹ Там же. Д. 1. Л. 4 об.

² Там же. Д. 272. Л. 196, 197.

³ *Папков С. А.* Норильлаг: первое десятилетие // *Норильская голгофа.* Красноярск, 2002. С. 25–26.

которое обязывало Наркомат рыбной промышленности СССР организовать с 1942 г. массовый лов рыбы в сибирских реках¹.

Для исполнения данного решения крайком ВКП(б) принял решение о создании в крае двух рыботрестов – Красноярского (управляющий Марков) и Таймырского (управляющий Притыко). В 1942 г. предстояло увеличить рыбодобычу до 300 тысяч т, открыть 10 новых рыбозаводов².

Выполняя это решение, на Крайнем Севере были созданы три новых рыбозавода (Дудинка, Толстый Нос, Хатанга) и восстановлен после пожара Усть-Портовский рыбоконсервный завод за счет оборудования эвакуированных в край Одесского и Мариупольского консервных заводов³. Таймырский рыбный трест должен был в кратчайшие сроки освоить морское рыболовство в Енисейском заливе и Карском море до 100 тыс. т, из них 73 тыс. – за счет добычи морепродуктов (до войны в Карском море добывали 8–19 тыс. т морепродуктов)⁴.

В целях выполнения плана в Игарке надлежало построить судовой верфь с ежегодным выпуском 20 механизированных рыболовецких судов. К концу 1942 г. в Игарке был построен ряд цехов судовой верфи: деревообделочный, первичной сборки, монтажно-механический, пожарное депо и пр. Однако ни один из них не был оснащен оборудованием⁵. Строители работали при 40–45-градусных морозах под открытым небом. Люди на бирже пиломатериалов два километра на себе носили доски 10–20 метров длиной (судострой). Чистили дороги, возили дрова из тайги на санках. Все эти работы в первую зиму выполняли полураздетыми и голодными. Во время войны работали по 10–12 часов⁶. К октябрю 1943 г. Игарская судовой верфь выдала 44 трехтонных кунгана, 22 зверобойки, 51 неводник грузоподъемностью 0,5 тонны, 144 барки, 9 кормовых подпричалков, 5 морских лодок, 1 мотобот⁷.

Крайне сложно решался кадровый вопрос в рыбной отрасли. На Крайнем Севере коренные народы, традиционно живущие на озерах, реках, оказались не готовыми к существенно выросшим промышлен-

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1952. Т. 2. М., 1957. С. 719.

² ГАКК. Ф. П-26. Красноярский краевой комитет ВКП(б)–КПСС. Оп. 4. Д. 2. Л. 12.

³ Там же. Оп. 3. Д. 460. Л. 62.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Исповедь репатрианта // Коммунист Заполярья. 15.08.1989.

⁷ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 2. Л. 16.

ным объемам добычи рыбы¹. Хотя среди них были свои передовики. Рыбаки-долганы Хатангского района Георгий Ямкин и Петр Гидатов в 4–5 раз перевыполняли плановые задания по вылову рыбы².

Для увеличения добычи рыбы и организации рыболовецких бригад с мая 1942 г. военкоматы начали мобилизацию спецконтингента (немцев, прибалтов, финнов и других) на рыбный промысел.

29 мая 1942 г. на заседании бюро Игарского горкома партии слушали вопрос о выполнении программы по строительству домов и лодок для спецконтингента, высылаемого в район. Докладчик Шикалло – начальник строительной конторы горисполкома кратко подвел итог уже сделанного: «Закончили Сушковский рыбный пункт: срублено тридцать двухэтажных домов для рыбаков, сделано пятьдесят комплектов оконных переплетов, дверных полотен, восемьдесят лодок». Работали по-ударному: производительность труда составила 156 %. Но это только в Сушково. Доля пока нереализованного плана строительства на других станках была значительной. По программе необходимо было к 1 июля завершить строительство 80 домов и к 1 августа – 150. Двести тридцать домов за два месяца, каждый день оканчивать строительством по семь-восемь домов?! Это и в благоприятных условиях было нереально. Лодок требовалось строить не менее трех в день. А для всего этого надо было еще и обеспечить доставку леса в Игарку, ведь плоты, как правило, начинали поступать в город только в конце июня. Нужно было строить новые баржи, местом их строительства был определен Игарский затон и его судостроительные мастерские. На ЛПК требовалось свыше 2600 рабочих, в наличии было всего 2000, из них квалифицированных – только 340. Но и эти цифры могли неизмеримо уменьшиться, ведь начинался призыв в армию³.

Кроме того, необходимо было построить дома на прибывающих на станке Красино на 20 семей, на станке Плахино на 15 семей, на станке Игарка на 20 семей⁴.

¹ Там же. Оп. 3. Д. 461. Л. 12.

² *Соболев Д. Э.* Север Сибири – фронту // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1977. С. 247–248.

³ Война неизбежно приближалась к Игарке // Блог Валентины Гапеенко. Gapeenko.net. [Электронный ресурс]. URL: <https://gapeenko.net/will-live/5736-vojna-neizbezno-priblizhalas-k-igarke.html> (дата обращения: 11.12.2019).

⁴ ГАКК. Ф. П-21. Игарский горком ВКП(б). Оп. 6. Д. 44. Л. 1, 121.

План размещения 700 семей в Изгарском районе в 1942 г.

Станки	Кол-во семей	Есть домов	Надо построить
Агапитово, станок	200	–	200
Гравийка, речка	150	5	145
Носовая, станок	100	10	90
Полой, станок	20	15	5
Плотокараван против Сушково	80	80	–
Погорелка, станок	50	10	40
Денежкино, станок	100	–	100
Всего	700	120	580

Было понятно, что разместить всех вновь прибывших будет невозможно, но и не выполнить указание правительства было нельзя. В навигацию 1942 г. на Енисейский Север было завезено 6722 семьи спецпоселенцев, в том числе трудоспособного мужского населения 3967 чел., трудоспособных женщин – 9177 чел., подростков в возрасте 14–18 лет – 2590, всего 15 734 трудоспособных. Из них на добычу рыбной продукции было направлено 10 751 чел., на обработку рыбной продукции – 417 чел., на вспомогательные работы – 725 чел., на промышленное и жилищное строительство – 1670 чел.¹ В навигацию 1942–1943 гг. на Таймыр было доставлено 8 тыс. спецконтингента (население всего округа составляло 15 тыс. человек). Рыбный трест оказался не готов к приему новых людей. Прибывших размещали на берегу в палатках, под лодками, на чердаках, в конюшнях. Не везде удалось построить бараки, дома, обеспечить людей теплой одеждой, обувью и даже орудиями лова. Многие болели дизентерией, брюшным тифом, но главное – цинга и голод. Эти люди на станках строили землянки на вечной мерзлоте, занимались рыбной ловлей. При этом они не могли заработать достаточно, чтобы выкупить пайку: 2 кг крупы, 750 г сахара, 3 кг рыбы и 400 г хлеба. В 1942 г. умерли 915 человек, из них 116 детей. В Хантайке смертность составляла 20 %, в Усть-Порту – 10 %, Потапове – 8 %².

В 1942 г. на Таймыре был создан ряд мелких рыбозаводов: Лескинский, Ошмаринский, Толстоновский, Хатангский, Дудинский, Хантайский. Были основаны 5 моторно-рыболовецких станций (МРС), в задачи которых входил сбор у рыбаков добытой ими рыбы, транспортировка ее до места переработки и дальнейшей сдачи государству, 9 рыбоприемных обрабатывающих пунктов³. На

¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 460. Л. 97.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Ф. П-28. Оп. 12. Д. 23. Л. 30.

фронте не хватало продовольствия. Для обработки рыбы на станках рыболовецких артелей строили просолочные пункты, коптильни, ледники-рыбохранилища¹. По сравнению с 1941 г. план рыбосдачи был увеличен в 14 раз.

Вместе с тем в 1942 г. план рыбодобычи Таймырским рыбным трестом был выполнен на 43,5 %². Причины его срыва были проанализированы на пленуме Красноярского крайкома ВКП(б) в сентябре 1943 г.: плохая обеспеченность рыбодобывающих колхозов, артелей материальными ресурсами (орудиями лова, бочкотарой, запасами соли и пр.); низкой квалификацией рабочих; из-за отсутствия рабпромыслового флота не удалось расширить территорию вылова рыб; значительная часть механизированного флота не вышла на реки и в море из-за отсутствия горюче-смазочных материалов³.

Динамика увеличения добычи рыбы на Таймыре⁴

Год	Улов рыбы (ц)
1940	11 677
1941	13 850
1942	28 000
1943	44 654
1944	36 485
1945	32 861

В 1942 г. одной из причин невыполнения плана по добыче явилось отсутствие соли в Есее, Агате, Чиринде, Воеволи. Пришлось срочно заняться добычей соли на месте. С 1943 г. рыбная промышленность Таймырского треста была полностью обеспечена солью на засол рыбы. Появилась возможность отказаться от завоза соли в округ⁵.

Удаленность рыболовецких артелей от райцентра осложняла процесс транспортировки добытого сырья рыбозаводам по суше. С открытием Нижне-Тунгусского рыбозавода (1942) возникла необходимость налаживания воздушного сообщения между Турой и Есеем. В результате только на Таймыре рыбодобыча выросла

¹ Там же. Ф. П-35. Эвенкийский ОК ВКП(б). Оп. 13. Д. 114. Л. 16.

² *Геценко И. Г.* Вклад Таймыра в Победу в Великой Отечественной войне. 1941–1945 // Архивы Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: http://xn--7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/articles/stati_arhivistov/436 (дата обращения: 11.07.2019).

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 2. Л. 12.

⁴ *Соболев Д. Э.* Указ. соч. С. 249.

⁵ ГАКК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 894. Л. 71–73.

в 3 раза. Если в 1940 г. округ добывал в среднем 10–13 тыс. т рыбы, то в 1942 г. – 33 тыс. т¹.

Эвенкия в годы войны являлась центром пушного промысла края. Добыча и производство пушнины в годы Великой Отечественной войны велась по направлениям, сложившимся еще в довоенное время за счет развития пушного промысла, истребления волков и грызунов – вредителей сельского хозяйства, ондатроводства и клеточного звероводства. Падение добычи почти всех видов пушных зверей продолжалось до промыслового сезона 1944/1945 гг. В основном из-за мобилизации охотников в армию и перераспределения их в приоритетные в условиях войны отрасли народного хозяйства. Только с осени 1943 г. в связи с принятием правительственного постановления «Об охоте» стали приниматься достаточно активные меры по развитию охотничьего промысла, что было связано с финансовой ситуацией в стране и обязательствами СССР перед союзными государствами. Меры морального и материального стимулирования труда охотников не были оптимальными, но тем не менее они создавали определенную заинтересованность в результатах промысла. Они позволили привлечь к добыче пушнины мужчин пожилого возраста, женщин и подростков. При сокращении числа занятых в охотничьем промысле его производительность в годы войны увеличилась в два раза. Охотились большей частью женщины, которые достигли в этой отрасли большого мастерства².

Возросли заготовки мяса и шкур оленей. В итоге за годы войны в Эвенкии было добыто «мягкого золота» на 18,5 млн руб. У эвенкийских охотников стало традицией первых добытых 30–40 белок сдавать в Фонд обороны³.

Жители Таймыра и Эвенкии приняли активное участие в сборе средств на военную технику. Многие северяне на протяжении войны ежемесячно отчисляли двух- и трехнедельные заработки на танковые колонны. Жители Таймыра сдали в Фонд обороны страны пушнины на сумму 116 тыс. руб. и благородных металлов (золото, серебро) – 46 кг⁴.

Красноярский край в годы войны стал одним из новых промышленных арсеналов страны. Среди двенадцати областей и краев

¹ *Предтеченская Н. А.* Время помнить... // Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания. Дудинка, 2006. С. 16.

² *Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.* Организация охотничьего промысла в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестник КрасГАУ. 2013. № 9. С. 263–264.

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 449. Л. 288.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 160. Л. 4–6.

Сибири он занимал шестое место по выпуску промышленной продукции. В целом промышленность края в годы войны увеличила выпуск валовой продукции в 2,6 раза¹. В период Великой Отечественной войны сибирский Север, ставший глубоким тылом, вносил свой вклад в дело снабжения фронта вооружением, боеприпасами и продовольствием, обеспечивал нужды оборонной промышленности редкими и цветными металлами, строительными материалами. Северяне давали стране рыбу, хлеб, мясо, пушнину. Значительные средства трудящиеся Севера внесли в Фонд обороны.

Государственная трудовая политика, проводившаяся в условиях всеобщей милитаризации страны, носила противоречивый характер. На Крайнем Севере главная ставка была сделана на усиление внеэкономических методов трудового принуждения рабочих и колхозников. Сами труженики тыла проявляли высокую сознательность, понимая, что тем самым они вносят важную лепту в общую борьбу против фашизма. Отказывая себе в последнем, жители Заполярья трудились ради Победы.

¹ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. Красноярск, 1982. С. 337–338.

Е. А. Орехова (Мурманск)

ПРИМЕНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ В ЧАСТЯХ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА В 1941–1944 гг.

Аннотация: В годы Великой Отечественной войны Карельский фронт применял лошадей, северных оленей и собак. Это было обусловлено его особыми физико-географическими и климатическими условиями. Основными направлениями использования животных в период позиционной войны (1941–1944) были транспорт, связь и эвакуация раненых. Наиболее широко применялись лошади, наиболее разнообразно – собаки. Использование олене-транспортных подразделений было эффективным в зимний период. Основой для успешного применения животных на Карельском фронте стало их изучение в довоенный период и опыт советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Карельский фронт, Советское Заполярье, применение животных на войне.

Е. А. Orekhova

THE USE OF ANIMALS IN TROOPS OF THE KARELIAN FRONT IN 1941–1944

Abstract: During the Great Patriotic War, the Karelian Front used horses, reindeers and dogs for transport. This was due to its special geographic and climatic conditions. In the period of positional war (1941–1944) animals were mainly used for transport, communication and evacuation of the wounded. The most extensively used were horses, while dogs were used for a wide range of task. The use of reindeer transport units was effective in the winter. The foundation for the successful use of animals on the Karelian front was laid in the pre-war period and in the Soviet-Finnish war of 1939–1940.

Key words: Great Patriotic War, Karelian Front, Soviet Arctic, animals in war.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в зависимости от особенностей конкретных театров военных действий, Красная армия применяла лошадей, собак, ослов, голубей, оленей, верблюдов¹. Теме использования различных видов животных в период ВОВ посвящена обширная литература. Особенно большое внимание уделено лошадям, являвшимся основой успешной деятельности кавалерии, а также главной тягловой силой в сухопутных войсках². Источниковая база данной темы не ограничивается материалами военных архивов³. Значительный массив информации хранится в музейных фондах, в том числе в школьных музеях. Здесь содержатся в основном фотоматериалы и воспоминания ветеранов⁴.

¹ Так, на Сталинградском фронте в 902-м стрелковом полку 248-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса в качестве тягловых животных применялись верблюды. В частях Карельского фронта, помимо лошадей, использовались северные олени и собаки.

² *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник (пути и судьбы). М., 1977; Советская кавалерия: Военно-исторический очерк. М., 1984; *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990 и др.; *Канев Ю. В.* Оленная армия. Архангельск, 2010; *Румянцев Н.* Применение оленьего транспорта в 14-й армии Карельского фронта // ВИЖ. 1972. № 11; *Бобырь С. Л.* Система военного собаководства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Исторический аспект: Автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000; *Антокаръ П.* Собаки на военной службе в царской и Красной Армии // Сержант (независимый военно-исторический журнал). 1999. № 8. С. 34–58; *Лужков Ф.* Рядом в суровых боях // Клуб служебного собаководства: Сб. Вып. 1978 г. С. 14–23; Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков. 2-е испр. и доп. издание. Наркомздрав СССР. М., 1942. С. 26–27; *Волосевич И. А.* Использование роты собачьих нартовых упряжек // Военная медицина в Великой Отечественной войне. М., 1945. С. 303–306; *Кобзев А. Ф.* Особенности организации медицинского обеспечения войск в Заполярье. Дис. ... канд. мед. наук. Л., 1947; *Григорьев А. Н., Шошин А.* Советско-финляндская война // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 5. С. 188–202; *Шелепов А. М., Чувашев М. Л., Жуков А. А.* Особенности лечебно-эвакуационного обеспечения в арктической зоне. Современные успехи военной медицины в высоких широтах // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб., 2014. С. 337, 340.

³ ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 335; *Колодка И. В.* Материалы об использовании оленьего транспорта на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны в фондах Мурманского областного краеведческого музея // Проект «Публикатор». Международный электронный научно-практический журнал «Научная среда». 2018. № 6 (32). [Электронный ресурс]. URL: http://publikation.ru/ZHURNAL/Vypusk_6_32.pdf. (дата обращения: 17.01.2020).

⁴ Мурманский областной краеведческий музей (далее – МОКМ). МОМ НВФФ 3083; МОМ НВФФ 3078; Музей боевой славы 31-й отдельной лыжной бригады в гимназии № 3 г. Мурманска.

Войскам Карельского фронта пришлось действовать в особых физико-географических и климатических условиях. Фронт располагался в полосе протяженностью около 1600 км – от Баренцева моря до Ладожского озера, в двух непохожих зонах – от лесов Карелии на юге до лесотундры и горной тундры в Заполярье на севере. Для всего региона была характерна неразвитая дорожная сеть. В Заполярье это осложнялось резкими изменениями погодных условий, сильными метелями, которые могли длиться несколько суток и создавать большие снежные заносы. Зимой снег и почти полное бездорожье приводили к отрыву частей от баз снабжения иногда на сотни километров, войска не могли использовать обычный транспорт на механической или конной тяге. Опыт местного населения показывал, что наиболее пригодным, а иногда и единственным средством передвижения оставались олени и собачьи упряжки, наиболее широкое применение получившие в частях 14-й армии. Еще одной сферой применения животных была служба связи – широко использовались конные посыльные, легковые олени упряжки, собаки. Именно собаки использовались наиболее разнообразно – они применялись также в караульно-сторожевой и розыскной службе, поиске мин и взрывных устройств. В целом войска фронта располагали от 20 до 25 тысяч лошадей, около 3000 оленей и сотнями собак¹.

Опыт использования всех указанных видов животных в условиях современной войны на территории Карелии и Крайнего Севера РККА получила в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг.²

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. РККА располагала значительными кавалерийскими силами³. От использования классической кавалерии на Севере РККА отказалась. Однако

¹ ЦА МО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 33. Л. 19; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 83, 135.

² *Степаков В. Н.* «Встретят вражескую конницу в упор наши пули и каленые клинки...» (Советская кавалерия на финской войне) // Русский военно-исторический журнал «Новый часовой». 1999. № 8–9. С. 176–177; *Киселев О. Н.* Динамика потерь личного состава Красной Армии в ходе сражения за Суомуссалми зимой 1939–1940 гг. По документам Российского государственного военного архива // КЛИО. № 9 (93). 2014. С. 109–120; МОКМ. MOM НВФФ 1744; *Попович Т.* Слово о полку оленном // Мурманский вестник. 2014. 3 октября; ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 335; Ф. 345. Оп. 5487. Д. 134. Т. 1. Л. 185; *Бортищев Н. И.* История и боевой путь Центральной школы военного собаководства (1924–1996 гг.) // Академия русской символики «Марс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.simvolika.org/mars_010.htm (дата обращения: 12.11.2019).

³ ЦА МО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 120. Общая численность по штатам военного времени по состоянию на 22 июня 1941 г.: людей – 133 940, лошадей – 117 970.

лошади применялись для обеспечения транспорта и связи во всех родах войск, в том числе авиации и флоте, где они оставались основной, а часто и единственной тягловой силой¹.

Изучение северных оленей в довоенный период в сочетании с полученным в ходе финской кампании опытом создало основу для быстрого развертывания олене-транспортных подразделений и их успешного применения. Уже к первой военной зиме 1941/1942 гг. по инициативе командующего Карельским фронтом В. А. Фролова, были разработаны общие положения о транспортных оленьих подразделениях и установлены их штаты. Основными направлениями их работы были транспорт, связь и эвакуация раненых. Организатором олене-транспортных подразделений стал начальник ветеринарного отдела 14-й армии военветврач 1-го ранга Д. Н. Тульчинский. Первые три армейских оленьих транспорта были сформированы в колхозах Ловозерского и Саамского районов Мурманской области – «Тундра», «Доброволец», «Красная тундра», «Вперед», «Краснощелье», «Север»². 20 ноября 1941 г. ГКО СССР принял постановление «О проведении мобилизации оленей, оленьих упряжек и ездовых (каюров) в Коми АССР и Архангельской области». В армию требовалось направить 10 000 оленей, 2000 нарт с упряжью и 1400 ездовых³. Олени из этих регионов добирались до Архангельска своим ходом, затем до Мурманской области по железной дороге.

Идея соединить в одном подразделении олений транспорт и стрелков (лыжников), очевидно, себя не оправдала. Созданные в марте 1942 г. в Мурманске олене-лыжные батальоны к осени были переформированы в отдельные лыжные⁴. Оленьи транспорты остались в распоряжении армейского командования, которое направляло их для выполнения отдельных боевых и хозяйственных задач.

Олене-транспортные подразделения в войсках могли использоваться в наступлении и обороне, во встречном бою, при организации

¹ При этом финская армия сохранила кавалерийские подразделения, действовавшие в районе Заонежья, Медвежьегорска и Повенца. См.: *Красильников О. Ю.* Финская кавалерия // Lib.ru: Журнал «Самиздат». [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/k/krasilxnikow_o_j/lo_cav.shtml (дата обращения: 12.11.2019). См. также: ЦА МО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 5823. Л. 11.

² *Попович Т.* Указ. соч. Олений транспорт (дивизион) включал 154 человека, 1015 ездовых оленей, 15 оленегонных лаек, 237 грузовых и 76 легковых нарт. В штат армейского оленьего транспорта входил штаб, хозяйственное отделение, медицинский пункт и ветеринарный лазарет.

³ Постановление ГКО № ГКО–300 С.

⁴ ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 303. Л. 25. На 31 августа 1942 г. в составе войск Карельского фронта числилось 12 отдельных лыжных батальонов, 10 из них – на Мурманском, два – на Кандалакшском направлениях.

десантов, глубоких рейдов во фланг и тыл противника, для транспортировки боевой техники и боеприпасов, эвакуации раненых с поля боя, связи и доставки войскам всех видов снабжения. Олени перевозили артиллерийское и минометное вооружение, боеприпасы, станковые пулеметы, продовольствие и фураж, имущество связи и пр. При возвращении из операции олений транспорт, освободившийся от значительной части боеприпасов и продовольствия, эвакуировал раненых и больных, захваченные трофеи и пленных. Только олени могли сопровождать части, действующие вне дорог в заснеженной тундре¹. Войска, находившиеся в жесткой обороне, использовали олений транспорт для подвоза материалов для зимних фортификационных работ. Легковые нарты использовались для доставки срочных донесений и офицеров связи. Оленьи транспорты обеспечивали также посты ВНОС, отдельные отряды и заставы погранвойск, находящиеся далеко в тундре, в отрыве от своих баз. Особое место в работе оленьих транспортов занимала санитарная эвакуация.

Помимо таких очевидных плюсов оленя как приспособленность к местным климатическим условиям и работоспособность, отмечалась их рентабельность – низкие затраты на заготовку кормов, изготовление упряжи и нарт, относительно небольшое число необходимых для их обслуживания специалистов, а также бесшумность². Вместе с тем, следовало учитывать их особенности. Квалификация специалистов для работы с оленями была уникальна даже в масштабах СССР. Бесшумность оленей в сравнении с лошадьми и собаками не делала их незаметными. Оставляемые оленями следы легко обнаруживались авиацией противника и демаскировали расположение и передвижение войск³. Рекомендовалось работы на оленях в зоне боевых действий проводить ночью, а передвижение днем организовывать по лесистой и кустарниковой местности с обязательной организацией ПВО, что при большой протяженности колонн требовало выделения значительного охранения⁴.

Оленьи транспорты были особенно хорошо заметны при перевозке больших грузов. Такое положение возникало из-за их относительно небольшой, в сравнении с лошадьми, грузоподъемности. Так, для перевозки 4-орудийной батареи 76-мм орудий на конной тяге требовалось 82 лошади или 315 оленей, для 4-орудийной батареи 45-мм

¹ ЦА МО. Ф. 440. Оп. 8311. Д. 35. Л. 166; Ф. 363. Оп. 6208. Д. 334. Л. 20.

² Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 335. Л. 2; Ф. 440. Оп. 8311. Д. 35. Л. 170 об.

³ Там же. Ф. 1824. Оп. 0000001. Д. 0032а. Л. 31–32.

⁴ МОКМ. МОМ НВФФ 3078/1,2 ФН; ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 334. Л. 20.

пушек – 32 лошади или 165–173 оленя (в зависимости от разборки орудий)¹. Средняя нагрузка на одни грузовые нарты (три оленя) составляла 150 кг, только при исключительно благоприятных условиях ее можно было увеличить до 250 кг. Дальность суточного перехода по оленьей дороге составляла 25–35 км со скоростью 5–6 км/ч. Форсированные марши, совершавшиеся в исключительных случаях, достигали 50 км. Вне дорог дальность суточного перехода составляла до 25 км со скоростью 3–4 км/ч. Скорость легковых нарт, выделявшихся для службы связи, могла достигать 12–15 км/ч с суточным пробегом до 80 км².

Применение оленей с нартами было возможно только в зимний период – с замерзанием озер и болот, при толщине льда 5 см. С появлением проталин в низменных местах и вплоть до появления глубокого снега использование нарт прекращалось. В этот период олени шли под специальным вьючным седлом или носилками, нагрузка при этом составляла до 40 кг, передвижение допускалось только шагом³. Для сравнения – по расчетам штаба 31-й отдельной лыжной бригады в ходе Петсамо-Киркенесской операции средняя нагрузка на бойца составляла 42 кг, на лошадь – 90 кг⁴.

Приспособленность оленя к местным условиям не снимала вопрос о корме. Ягель произрастает неравномерно, в некоторых местах, где шли боевые действия, отсутствует. Способность оленей добывать его самостоятельно, выкапывая из-под снега, зависит от условий местности. В лесу олени могут раскопать рыхлый снег глубиной до 1,5 метров, а в тундре снег с настом в 30 см может стать непреодолимым препятствием⁵. Из-за особенностей состава ягеля, оленям необходима прикормка для восполнения потери минеральных веществ и белков⁶. В противном случае, они теряют работоспособность, даже не используя в работе. В рацион войсковых оленей ввели армейский комбикорм (2 кг в сутки) и соль (15 г в сутки). Приучать к нему оленей пришлось насильно, процесс занимал 4–6 дней. Впрочем, это позволяло быстро доводить ослабленных животных до работоспособного состояния и значительно увеличивало маневренность оленьих транспортов в боевых операциях, так как при невозможности

¹ Штаб №04/601 стрелкового полка сокращенной стрелковой дивизии. Главупрформ РККА. 29 июля 1941 г.

² ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 335. Л. 3.

³ МОКМ. МОМ НВФФ 1452/27, 28.

⁴ ЦА МО. Ф. 1824. Оп. 0000001. Д. 0032а. Л. 42 об.

⁵ *Бороздин Э. К.* Северное оленеводство. Л., 1990. С. 95–96.

⁶ *Баскин Л. М.* Северный олень. Управление поведением и популяциями. Оленеводство. Охота. М.; СПб., 2009. С. 11–12.

выпаса на каждого оленя полагалось по 8 кг заготовленного ягеля в сутки¹.

Эвакуация раненых с поля боя и их своевременная доставка в медицинский пункт имела исключительное значение в условиях бездорожья и пересеченной местности. Лучшим способом перевозки раненых в условиях севера считалась транспортировка на более подвижных собачьих упряжках. Однако они демаскировали свое положение лаем. Поэтому в практику вошел смешанный метод эвакуации².

Наиболее массовой службой собак в РККА была ездово-нартовая (43,3 %). Боевое применение они получили в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. эти задачи выполняли 4500 ездово-нартовых упряжек собак³.

26 мая 1942 г. директивой Генерального штаба РККА № орг/6/134599 для боевых действий на Севере были созданы отдельные отряды собачьих санитарно-нартовых упряжек⁴. Опыт финской кампании привел к корректировке видов оборудования, которое применялось на севере. Штатная колесная тележка могла использоваться только при относительно ровных дорогах. Именно их применяли на Мурманском направлении в конце октября 1944 г.⁵ Нарты и лыжно-носилочные установки, вне проложенных троп и дорог, даже зимой быстро выходили из строя. Наиболее удобной оказалась маневренная и легкая в движении лодочка-волокуша. Подобный вид транспорта – сани-керёжи, был традиционным для всего Севера⁶.

5 марта 1942 г. Центральная военно-техническая школа собаководства Красной армии направила на Карельский фронт 19-й отряд нартовых упряжек (по роте на Кандалакшское и Мурманское направления)⁷. Кинологические подразделения неоднократно стал-

¹ ЦА МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 335. Л. 4–5.

² Там же. Ф. 440. Оп. 8311. Д. 35. Л. 171.

³ *Бортников Н. И.* Указ. соч.

⁴ *Шелепов А. М., Чувашев М. Л., Жуков А. А.* Указ. соч. С. 339.

⁵ МОКМ. MOM КП 17206–22; Способы доставки раненых на ПМП. Очевидно, по этой же причине применение оленьих упряжек для доставки раненых на ПМП в ходе Петсамо-Киркенесской операции оказалось ничтожно малым. MOM КП 16533/2. Таблица 1.

⁶ МОКМ. MOM НВФФ 3083/2, 8, 22, 23, 32, 43; MOM КП 17206/22; *Старостин М. И.* Дневник войны. Мурманск, 2014. С. 385.

⁷ ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 58. Док. 1–048. Л. 95–95 об. В составе отряда было 143 человека, 373 собаки, 101 упряжка и автомобиль ГАЗ АА («полупортка»). Отряд разделялся на две роты по три взвода в каждой, взвод состоял из трех отделений по пять–шесть упряжек.

квивались с типичной проблемой – командование не знало и не понимало их назначения и возможностей. Прибывший 23 марта 1942 г. в Колу 19-й отряд несколько недель простоял без дела и «только после нашего настоятельного требования и показательной работы (в ненастную погоду подвозили продукты и боеприпасы, когда лошади и автомашины не могли быть использованы), командование дивизии стало использовать собак “по всем видам перевозки”». В ходе Мурманской апрельско-майской наступательной операции 1942 г. 2-й ротой 19-го отряда было перевезено 1175 раненых, из них 400 непосредственно с поля боя. Также на передовую было доставлено 325 ящиков патронов, мины, снаряды, обеды, дрова. От Кольского залива на батальонные склады было перевезено 1000 кг продуктов. Командование дивизии, полков и батальонов «стали считать собак основным транспортом», 20 красноармейцев и командиров были представлены к наградам, работа отряда получила высокие оценки от штабов частей и командующего фронтом В. А. Фролова. Учитывая положительный опыт ездовой службы, командующий предложил продолжить ее и в летних условиях. Кроме того, он обратился с просьбой об утверждении штата 19-го отдельного отряда собак нартовых упряжек и направлении из Центральной военно-технической школы собаководства имеющихся подготовленных для сторожевой и иных видов служб собак и специалистов¹. В дальнейшем на Карельском фронте действовали: 41-й отдельный отряд собак нартовых упряжек 26-й армии, с апреля 1944 г. – в составе 31-го стрелкового корпуса 14-й армии; 59-й отдельный отряд санитарно-нартовых упряжек 19-й армии.

Использование ездовых собак для снабжения войск и эвакуации раненых было лишь одним из разнообразных видов служб, по которым эти животные применялись на Карельском фронте. Ценным качеством собак была способность переучиваться. Так, в конце апреля 1942 г. в связи с окончанием сезона использования ездовых собак в 104-й стрелковой дивизии (Кандалакшское направление) они стали применяться по службе связи².

В период позиционной войны, продолжавшейся в 1941–1944 гг. на Карельском фронте наиболее востребованными были собаки ездово-санитарной службы, связные и караульные. С началом наступательных операций 1944 г. возникла необходимость в применении собак минно-розыскной службы.

¹ Там же. Д. 465. Л. 53–58; Ф. 214. Оп. 1437. Д. 94. Док. 752/ос. Л. 588.

² Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 28. Л. 199.

В марте 1944 г. на Карельский фронт в составе 13-й штурмовой инженерно-саперной бригады РГК и 20-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады РГК прибыли отдельные роты собак-миноискателей (ОРСМ)¹. В ходе Свирской наступательной операции в июне 1944 г. бригадам, приданным 99-му стрелковому корпусу 7-й армии, была поставлена задача на разминирование дорог и местности². Роты выполняли задачи по разминированию маршрутов движения наступающих войск, населенных пунктов, мостов, берегов р. Свирь, прокладке колонных путей. Собаки-миноискатели работали на сплошном разминировании района Свирь – Олонец – Лодейное Поле, пос. Свирь-3, Свирской ГЭС, дороги Свирь-3 – Подпорожье, Олонца, Подпорожье, железной дороги, посевных угодий³.

С 10 сентября по 10 октября 1944 г. 13-я бригада находилась в распоряжении командующего 19-й армией на Кандалакшском направлении. Главной ее задачей стало открытие дороги «Центральная» до Куоляярви. ОРСМ самостоятельно и совместно с батальонами бригады производила первичное и повторное разминирование дороги Лампела – Куоляярви⁴. Дорога проходила через Верманский оборонительный рубеж, который противник совершенствовал с 1941 г. Его особенностью была высокая насыщенность минными заграждениями, установленными обеими сторонами. Противник применял «самые изощренные» способы минирования, дезориентировавшие минеров и собак-миноискателей. Особенно эффективным было использование собак-миноискателей на разминировании дорог и местностей, лишенных растительности, так как применение щупов и миноискателей не всегда давало гарантию обнаружения мин. За 10-часовой рабочий день одно отделение собак-миноискателей разминировало от двух до пяти км дороги⁵.

Подразделению приходилось работать при постоянной угрозе не только подрыва, но и нападения противника. Так, 27 сентября 1944 г. в районе государственной границы в полосе наступления 122-й стрелковой дивизии, производя работы по разминированию минного поля, отделение роты собак-миноискателей подверглось нападению и свыше часа вело бой до подхода стрелков⁶. К 1 октября 1944 г. дорога «Центральная» от бывшего переднего края противни-

¹ ЦА МО. Ф. 30326. Оп. 0000001. Д. 0012_а. Л. 52.

² Там же. Д. 0007_а. Л. 9.

³ Там же. Ф. 30326. Оп. 1. Д. 14. Л. 24, 28; Ф. 30326. Оп. 1. Д. 14. Л. 44.

⁴ Там же. Оп. 0000001. Д. 0012_а. Л. 340, 342.

⁵ Там же. Л. 343, 347, 248, 351, 361; Ф. 30326. Оп. 1. Д. 14. Л. 80–81.

⁶ Там же. Оп. 0000001. Д. 0012_а. Л. 358.

ка (р. Средний Верман) до государственной границы СССР была восстановлена и открыта для движения.

11.10.1944 г. директивой командующего Карельским фронтом 13-я бригада перешла в оперативное подчинение командующего 14-й армией и обеспечивала в инженерном отношении действия 133-го стрелкового корпуса¹. 20-я бригада была придана 99-му стрелковому корпусу. С 30 октября 1944 г. ОРСМ приступили к работам по контрольному разминированию Киркенеса и дороги на Ахмалахти². В ноябре 1944 г., в связи с окончанием активных боевых действий на направлениях Карельского фронта, бригады передислоцировались в г. Мурманск³.

Эффективность использования животных в военных действиях можно оценить по статистическим данным. Однако по Карельскому фронту они отрывочны. Например, существует статистика по применению оленьих транспортов в 14-й армии, хотя их активно использовала и 19-я армия на Кандалакшском направлении, а также армейские части и партизанские отряды в Карелии⁴. Данные по применению собак различных служб также весьма разрознены⁵.

Изучение различных аспектов применения животных позволило открыть новую страницу в истории обороны Заполярья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тема представляется весьма перспективной для дальнейших исследований.

¹ Там же. Д. 0007_а. Л. 1–4; Ф. 30326. Оп. 1. Д. 14. Л. 17, 19–20.

² Там же. Д. 0012_а. Л. 441, 452.

³ Там же. Д. 0007_а. Л. 4.

⁴ МОКМ. МОМ НВФФ 1239; ЦАМО. Ф. 30326. Оп. 0000001. Д. 0012_а. Л. 362–364.

⁵ Там же. МОМ КП 16533/2/1. Таб. 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бунес Стриан, профессор Института археологии, истории, религиоведения и теологии, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии. *E-mail: stian.bones@uit.no*

Веригин Сергей Геннадьевич, д. и. н., профессор, директор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. *E-mail: verigin@petsu.ru*

Журавлев Дмитрий Алексеевич, к. и. н., заместитель директора Военно-медицинского музея. *E-mail: demetrio_s@mail.ru*

Киммо Рентола, доктор философии, профессор политической истории, Хельсинкский университет, Финляндия. *E-mail: kimmo.rentola@helsinki.fi*

Комаров Алексей Алексеевич, к. и. н., в. н. с., Институт всеобщей истории РАН, центр истории Северной Европы и Балтии; профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии. *E-mail: alexeykomarov@yandex.ru*

Коткин Константин Яковлевич, к. филос. н., хранитель музейных предметов; Мурманский областной краеведческий музей; доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения; Мурманский арктический государственный университет; ассоциированный научный сотрудник; Центр арктических и сибирских исследований Социологического института ФНИСЦ РАН. *E-mail: kostyakotkin@rambler.ru*

Кристиансен Том, профессор Института археологии, истории, религиоведения и теологии, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии, руководитель исследовательского проекта «В мире тотальной войны: Норвегия 1939–1945». *E-mail: tom.kristiansen@uit.no*

Мезит Людмила Эдгаровна, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. *E-mail: mezit@yandex.ru*

Мейндер Хенрик, доктор философии, профессор истории на факультете искусств, Хельсинкский университет. *E-mail: henrik.meinander@helsinki.fi*

Мошник Юлия Игоревна, к. и. н., старший научный сотрудник, ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник». *E-mail: Julia.moshnik@gmail.com*

Орехова Екатерина Александровна, к. и. н., специалист отдела экспозиционно-выставочной деятельности; ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей». *E-mail: orekhova51@gmail.com*

Паникар Марина Михайловна, к. и. н., доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. *E-mail: m.panikar@narfu.ru*

Рупасов Александр Иванович, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. *E-mail: rupasov_ai@mail.ru*

Судейм Марианне Неерланд, доктор искусствоведения, доцент Института археологии, истории, религиоведения и теологии, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии. *E-mail: marianne.n.soleim@uit.no*

Филин Павел Анатольевич, к. и. н., заместитель директора Арктического музейно-выставочного центра, Санкт-Петербург. *E-mail: pfilin1975@gmail.com*

Хольтсмарк Свен Г., профессор Норвежского института оборонных исследований при Университетском колледже Министерства обороны Норвегии. *E-mail: sven.holtmark@fhs.mil.no*

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой международной безопасности, Российский государственный гуманитарный университет. *E-mail: xvsarhiv@rambler.ru*

Чапенко Александр Александрович, к. и. н., доцент кафедры истории и права Мурманского Арктического государственного университета, председатель регионального отделения Российского военно-исторического общества в Мурманской области. *E-mail: achapenko@yandex.ru*

Научное издание

**Заполярье 1944–1945:
война, повседневность, память**

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Т. Я. Кокорева*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать .0.2020.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.

Тираж 00 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»

127254, Москва, Огородный проезд, д. 14

Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79.

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)